

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Акаткин В. М.</i> «ЖИЗНЬ ОТ СМЕРТИ ОТСТОЯТЬ...».....	5
<i>Барицкий Д. С.</i> ХРИСТИАНСКИЕ КОРНИ ПЕССИМИЗМА В ПОВЕСТЯХ И. С. ТУРГЕНЕВА «ПРИЗРАКИ» (1864) И «ДОВОЛЬНО» (1865).....	14
<i>Бобрицких Л. Я.</i> ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ЛИРИКЕ Н. ГУМИЛЕВА: ОПЫТ ТИПОЛОГИИ.....	19
<i>Вальтер Н. В.</i> ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В СОБЫТИЙНОМ РЕПОРТАЖЕ.....	24
<i>Гасанов И. А.</i> НЕКРАСОВСКИЕ ОБРАЗЫ НАРОДНЫХ ЗАСТУПНИКОВ В КАВКАЗСКОЙ ПОЭЗИИ XIX—XX ВВ.: ЭТИЧЕСКОЕ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ.....	27
<i>Дыханова Б. С., Оболенская Е. В.</i> ОБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ КОНТЕКСТЕ Н. С. ЛЕСКОВА (ОБРАЗЫ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ).....	31
<i>Евтушенко О. А.</i> ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ КАК ОДНА ИЗ ХАРАКТЕРИСТИК АДМИНИСТРАТИВНОГО ДИСКУРСА.....	38
<i>Карпенко И. С.</i> КОММУНИКАТИВНАЯ ВОСТРЕБОВАННОСТЬ СЕМЕМ АДЪЕКТИВНЫХ ЛЕКСЕМ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ.....	41
<i>Конюхова А. С.</i> ТВОРЧЕСТВО В. А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА В СОВРЕМЕННЫХ КРИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....	43
<i>Курбакова Е. В.</i> НАРРАТИВ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ СОБЫТИЯ: ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОМАНАХ Е. Н. ЧИРИКОВА И О. А. ИЛЬИНОЙ-БОРАТЫНСКОЙ.....	49
<i>Леонов И. С.</i> ПРОИЗВЕДЕНИЕ АРХИМАНДРИТА ТИХОНА (ШЕВКУНОВА) ««НЕСВЯТЫЕ СВЯТЫЕ» И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ» В КОНТЕКСТЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОЗЫ XXI ВЕКА.....	53
<i>Попова Е. А., Казанцева В. А.</i> ЯПОНИЯ И ЯПОНЦЫ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ.....	58
<i>Саломатина М. С.</i> ВЫЯВЛЕНИЕ РЕЛЕВАНТНОСТИ КНИЖНОЙ ЛЕКСИКИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ.....	61
<i>Сальникова О. С.</i> ОСВОЕНИЕ ПИСЬМА ДЕТЬМИ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА.....	63
<i>Самахер Хасан Давуд</i> «АЙЯ-СОФИЯ» И. БУНИНА И О. МАНДЕЛЬШТАМА.....	66
<i>Тернова Т. А., Корноглуб Е. В.</i> РОМАН ИОНА ДРУЦЭ «ВРЕМЯ НАШЕЙ ДОБРОТЫ» В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ КРИТИКИ 1970–80-Х ГГ.....	69
<i>Фирдевс Бураихи Карим.</i> ОБРАЩЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ВИДЫ И ФУНКЦИИ.....	74

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Аргылов Н. А.</i> МЕДИАСООБЩЕСТВО РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) И ВЛАСТЬ: ИДЕИ СВОБОДЫ, ТЕНДЕНЦИИ ОТРАСЛИ, ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	77
<i>Етерскова А. В.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПРЕСС-СЛУЖБОЙ ТЕАТРА СО СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ	82
<i>Зубко Д. В.</i> МЕДИААГРЕССИЯ В СОВРЕМЕННОМ РАДИОВЕЩАНИИ.....	86
<i>Кажикин А. А.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ О ТУРИЗМЕ И ПУТЕШЕСТВИЯХ НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВЕКОВ	89
<i>Каратаев Р. Ю.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ВЕЩАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕХОДА РОССИИ НА «ЦИФРУ»	92
<i>Красовская Е. В.</i> ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕДИАСИСТЕМ	97
<i>Кройчик Л. Е.</i> ОТ СОБЫТИЯ К СО-БЫТИЮ (ОРГАНИЗАЦИЯ ДИАЛОГА В ПУБЛИЦИСТИКЕ)	100
<i>Мануковская М. А.</i> ФАКТОР АДРЕСАТА В ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ МАГАЗИНОВ ТОВАРОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ В Г. ВОРОНЕЖЕ.....	104
<i>Марчан К. В.</i> О РЕАЛЬНОЙ И МНИМОЙ ДИСКУРСИВНОСТИ	107
<i>Нгуен Тхи Май Хьонг</i> ИЗМЕНЕНИЕ ФУНКЦИЙ ДЕТСКИХ ЖУРНАЛОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА АУДИТОРИИ.....	110
<i>Новичихина М. Е., Самойленко Н. С.</i> ФАКТОРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ НОМИНАТИВНЫМИ СРЕДСТВАМИ В ТЕКСТЕ СМИ	113
<i>Олейников С. В.</i> КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СМИ ПРИДНЕСТРОВЬЯ: ОТ ПАТЕРНАЛИЗМА К ПАРИТЕТУ	118
<i>Сапунов В. И.</i> УЖЕСТОЧЕНИЕ МЕНЕДЖМЕНТА В ЗАРУБЕЖНОМ МЕДИАСЕКТОРЕ	123
<i>Ситникова Т. В.</i> ЖУРНАЛ «ПРИВОЛЖСКИЙ ОХОТНИК» КАК ТИП ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КЛУБНОЙ ПЕРИОДИКИ.....	126
<i>Тулупов В. В.</i> ЖУРНАЛИСТИКОВЕДЕНИЕ ИЛИ ТЕОРИЯ МЕДИА?.....	131
<i>Фатеева И. А.</i> ИНСТИТУТ ЖУРНАЛИСТИКИ В ЛЕНИНГРАДЕ: ОТ ТЕХНИКУМА К ВУЗУ, ОТ ГИЖА К КИЖУ	133
<i>Шестерина А. М.</i> ОСОБЕННОСТИ СЕТЕВОГО ВИДЕОКОНТЕНТА: КОНТЕКСТНЫЙ ПОДХОД	137
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	141

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2017. № 4. October – December

CONTENTS

PHILOLOGY

<i>Akatkin V. M.</i> «TO SAVE LIFE FROM DEATH...»	5
<i>Baritskii D. S.</i> CHRISTIAN ROOTS OF PESSIMISM IN THE NOVELS OF I. S. TURGENEV «PHANTOMS» (1864) AND «ENOUGH» (1865)	14
<i>Bobritskikh L. Y.</i> FEMALE IMAGES IN THE LYRICS OF N. GUMILEV: THE EXPERIENCE OF TYPOLOGY	19
<i>Valter N. V.</i> TENSE FORMS OF VERBAL SEMANTICS IN EVENT REPORTS	24
<i>Hasanov I. A.</i> NEKRASOV'S IMAGES OF PEOPLE'S INTERCESSORS IN CAUCASIAN POETRY OF THE 19TH-20TH CENTURIES: ETHICAL AND AESTHETIC	27
<i>Dukhanova B. S., Obolenskaya E. V.</i> AN OBJECTIVE FACT IN THE ARTISTIC CONTEXT OF OF LESKOV'S (IMAGES OF PRIESTS)	31
<i>Evtushenko O. A.</i> DOCUMENTATION AS ONE OF THE CHARACTERISTICS OF ADMINISTRATIVE DISCOURSE	38
<i>Karpenko I. S.</i> COMMUNICATIVE RELEVANCE ADJECTIVE LEXEM'S SEMEMS IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES.....	41
<i>Konyukhova A. S.</i> WORKS OF V. A. NIKIFOROV-VOLGIN IN MODERN CRITICAL AND SCIENTIFIC INVESTIGATION	43
<i>Kurbakova E. V.</i> NARRATIVE AND ARTISTIC DEVELOPMENT OF THE EVENT: CIVIL WAR IN THE NOVELS OF N. CHIRIKOV AND O. A. ILYINA-BORATYNSKY	49
<i>Leonov I. S.</i> THE WORK OF ARCHIMANDRITE TIKHON (SHEVKUNOV) «UNHOLY SAINTS» AND «OTHER STORIES» IN THE CONTEXT OF ORTHODOX PROSE OF THE 21ST CENTURY	53
<i>Popova E. A.</i> KAZANTSEVA V. A. JAPAN AND THE JAPANESE IN THE MIRROR OF RUSSIAN PHRASEOLOGY	58
<i>Salomatina M. S.</i> DETECTION OF THE REALITY OF BOOK WORDS FOR MODERN LANGUAGE CONSCIOUSNESS	61
<i>Salnikova O. S.</i> THE DEVELOPMENT OF WRITING OF PRESCHOOL CHILDREN	63
<i>Samaher Hasan Dawood</i> «HAGIA SOPHIA» BY I. BUNIN AND O. MANDELSHTAM	66
<i>Ternova T. A., Kornogolub E. V.</i> ION DRUTA'S NOVEL «THE BURDEN OF OUR KINDNESS» IN THE LITERARY CRITICISM OF RUSSIAN SOVIET CRITICISM OF THE 1970S-1980S.	69
<i>Firdevs Burayhi Karim</i> FIRDEV'S BURAYHI KARIM. ADDRESS IN CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE: TYPES AND FUNCTIONS	74

JOURNALISM

<i>Argylov N. A.</i> THE MEDIA COMMUNITY OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA) AND POWER: THE IDEA OF FREEDOM, INDUSTRY TRENDS, FORMS OF INTERACTION (SOCIAL ASPECT).....	77
<i>Eterskova A. V.</i> THE MODERN FORM OF THE PRESS-SERVICE OF THE THEATER SPECIAL EVENTS WITH MEDIA.....	82
<i>Zubko D. V.</i> MEDIA AGGRESSION IN MODERN BROADCASTING.....	86
<i>Kazhikin A. A.</i> EVOLUTION OF PERIODICALS ON TOURISM AND TRAVEL AT THE TURN OF XX—XXI CENTURIES.....	89
<i>Karataev R. Y.</i> REGIONAL BROADCASTING ADJUSTMENT TO DIGITAL BROADCASTING IN RUSSIA.....	92
<i>Krasovskaya E. V.</i> THE MAIN VECTORS OF DEVELOPMENT OF BELARUSIAN REGIONAL MEDIA SYSTEMS	97
<i>Kroychik L. E.</i> FROM EVENT TO CO-EXISTENCE (ORGANIZATION OF DIALOGUE IN JOURNALISM).....	100
<i>Manukovskaya M. A.</i> THE TARGET FACTOR IN PERSONAL NAMES OF SHOPS FOR CHILDREN IN VORONEZH.....	104
<i>Marchan K. V.</i> ABOUT THE REAL AND IMAGINARY DISCURSIVELY.....	107
<i>Nguyen Thi Mai Huong.</i> CHANGING FUNCTIONS OF CHILDREN'S MAGAZINES, DEPENDING ON THE AGE OF THE AUDIENCE.....	110
<i>Novichihina M. E., Samoilenko N. S.</i> FACTOR ANALYSIS OF POSITIONING EFFICIENCY IN MEDIA TEXTS BY MEANS OF NOMINATION.....	113
<i>Oleynikov S. V.</i> COMMUNICATIVE STRATEGIES OF MEDIA IN PRIDNESTROVIE: FROM PATERNALISM TO PARITY	118
<i>Sapunov V. I.</i> TOUGHENING OF MEDIA MANAGEMENT IN FOREIGN MEDIA SECTOR: EVENTS OF LATEST YEAR.....	123
<i>Sitnikova T. V.</i> JOURNAL «PRIVOLZHSKY HUNTER» AS A TYPE OF PROVINCIAL CLUB PERIODICALS	126
<i>Tulupov V. V.</i> JURNALISTILOR OR MEDIA THEORY?	131
<i>Fateeva I. A.</i> JOURNALISM INSTITUTE IN LENINGRAD: FROM TECHNICAL COLLEGE TO INSTITUTE, FROM STATE INSTITUTE TO COMMUNIST INSTITUTE	133
<i>Shesterina A. M.</i> FEATURES OF NETWORK VIDEO CONTENT: THE CONTEXTUAL APPROACH	137
SUBMISSION GUIDELINES.....	141

«ЖИЗНЬ ОТ СМЕРТИ ОТСТОЯТЬ...»

В. М. Акаткин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 ноября 2017 г.

Аннотация: в статье рассматриваются произведения А. Т. Твардовского о войне, Финской и Великой Отечественной, выявляются особенности этих войн, пути и способы их воплощения, последовательная гуманистическая, жизнеспасающая позиция автора.

Ключевые слова: война, жизнь, смерть, солдат, бой, наступление, враг, возмездие, Победа, судный час, мир, созидание, разрушение, память, творческая свобода, гуманизм.

Abstract: the article discusses the works of A. T. Tvardovsky about the war, the Finnish and the Great Patriotic War, the peculiarities of these wars, the ways and means of their implementation, the consistent humanistic, and lifesaving position of the author.

Keywords: war, life, death, soldier, fight, attack, enemy, Nemesis, Victory, judgment hour, the world, creation, destruction, memory, creative freedom, humanism.

На рубеже тридцатых-сороковых годов А. Т. Твардовский участвовал в двух, как их называли, «освободительных» походах в качестве военного корреспондента газет «Часовой Родины» и «На страже Родины». Первый поход не оставил заметных следов в его творчестве, зато из второго он вышел потрясенным и обновленным. На финской войне, кроме обязательной газетной работы, он вел дневник и только тридцать лет спустя опубликовал книгу записей «С Карельского перешейка». В силу особой важности этих записей для последующего творчества, о них следует сказать подробнее. Там, в снегах Финляндии, в огне и грохоте упорной кровопролитной войны, прошли испытание его жизненные и писательские установки, завязались сюжетные и образные ростки последующих замыслов.

Прочитав еще до выхода из печати «С Карельского перешейка», К. Симонов удивленно заметил: «Однако ты и тогда уж был гуманистом...» [1, 319]. То есть еще в 30-е, когда «само понятие “гуманизм” зачастую ставилось под сомнение, объявлялось ложным, враждебным, буржуазным» [2, 179]. Удивление Симонова станет понятнее на фоне воинственности молодых поэтов предвоенного поколения, которые, по словам Д. Самойлова, «в сорок первом шли в солдаты, И в гуманисты — в сорок пятом». Приведя эти слова, Н. Коржавин замечает: «В сорок первом эти ребята не были гуманистами даже по отношению к самим себе» [3, 171]. В середине 30-х кризис гуманизма ощущался грозной бедой. «Сейчас, — бил тревогу А. Платонов, — есть смертная нужда, чтобы в мире появилась поэтическая, вдохновляющая, оживляющая сила, равноценная Пушкину и даже превосхо-

дящая его, потому что слишком велико всемирное бедствие» [4, 44]. Платонов верит: новый Пушкин появится, «Пушкин социализма, Пушкин всемирного света и пространства», быть может, он уже находится среди этой жизни, новый «таинственный певец», который не обманет его доверия [4, 60]. Записи Твардовского, как и завязавшаяся в них народная эпопея «Василий Теркин», дышат спасительным человеколюбием, «всемирной отзывчивостью» и гуманностью, до которых могла подняться литература. При этом финская война показана в записях с непривычной обнаженностью, порой так натуралистично, что многие отведут глаза.

«Незаметная» эта война, как назвал ее Твардовский позднее, поглотила в снегах и болотах сотни тысяч людей, а кто остался в живых, никогда не забудет ледяных переправ и гибельных атак (о них будет вспоминать и Теркин, воевавший на Карельском фронте). «Все было другое, чем думали там, когда стояли у границы» [5, 166], — записывает Твардовский, побывав на передовой: «страшная сила огня», «грохот канонады», «жуткая ночь», «тяжелое состояние подавленности», «ощущение великой трудности войны», «поляна смерти», застывшие, перееханные, раздавленные трупы... Названная локальной, финская война была все же войной середины XX века, частью второй мировой. Твардовского всего развернуло к этому событию и его участникам, он весь сосредоточился на невиданном поединке в поисках противовесов смерти и разрушению.

На финской войне, как и на рубежах «великого перелома», Твардовский прошел короткую, но жесткую проверку на физическую и творческую выживаемость. Набирая силы для работы над «Книгой про бойца», он вырастал в поэта национального масшта-

ба, а его лубочный Вася — в народного героя Василия Теркина. Для него было очевидно: главные события перемещаются с колхозных полей на поля сражений, народ переодевается в защитную форму. «Люди, с которыми за эти месяцы довелось встретиться, и все, что привелось увидеть, сделали из меня почти совсем другого человека» [5, 339], — пишет он Исаковскому. Кажется, Ю. Буртин недооценил этого важного признания: «Как ни сильны были впечатления от боев на Карельском перешейке, переворота в душе поэта они все же не совершили. Его совершила Великая Отечественная война» [7, 388]. Однако сам Твардовский думает иначе: «Мне-то они дороги, эти записи, потому что за ними поворотный в моей жизни период (зарождение замысла “Теркина”)...» [1, 258]. Не только «зарождение замысла»: на материале финской войны написано семь глав «Василия Теркина», включая «Гармонь». С финских записей берет начало тема памяти, которая становится у Твардовского главным условием сохранения ментальной целостности человека, национальной истории и культуры. На финской войне Твардовского потрясло, как быстро забывают об отдельном человеке: «Убит — и всё» [5, 167], как входит в обычай беспамятство. Вопреки этому он насыщает свои записи всевозможными подробностями боев и быта: смотри, думай, запоминай. Факты множатся, давят, жгут, но их осмысление идет где-то в глубине сознания, на бессловесном уровне. По интонациям и деталям видно, как проникающее становится его мышление и разнообразнее приемы поэтики. Максимально сокращается дистанция между автором и героем: война наклонила поэта к человеку, дала им право обмениваться голосами: «Я то и дело мысленно ставлю себя на место любого красноармейца» [5, 155]. Он хочет быть рядом с ним, в окопе, в атакующей цепи, ибо со стороны, в бинокль мало что увидишь и душу солдатскую не познаешь и не выразишь. В память о его жертвенном подвиге возникает замысел «Книги про бойца»: «Кончится кампания, отдышусь от писания “в номер”, засяду основательно. Строчка за строчкой пропущу все через сито... Буду жив и здоров — будет книжка, какой я сам раньше вообразить не мог» [5, 158].

Чтобы создать произведение, способное ответить на вызовы антигуманной эпохи, требовалась творческая активность, свобода мысли, независимость оценок происходящего, живое неподкупное слово. От войны, говорил Твардовский, «сознание постарело». А это значило, что оно стало приходить в соответствие с реальностью, повернулось от должного, заданного к сущему. Поразительные слова находим мы в письме к жене как раз перед публикацией первых глав «Василия Теркина» в «Красноармейской правде»: «Мне ничего теперь не нужно, кроме моих близких, моих трудов и свободных размышлений. Эту-то свободу я приобрел за этот год (год войны. — В. А.). Слава богу, хоть износил кожу предрассудков

с юности запуганного догмами и всяческой современной поповщиной человека. Верю одной правде-истине, больше ничему» [8, 142]. С чувством этого освобождения он весь сосредоточился на войне, на ее видимой и не видимой работе, на всем, что она делала с человеком, народом, природой, с Домом и Родиной, большой и малой.

Война — жесточе нету слова.

Война — печальней нету слова.

Война — святее нету слова

В тоске и славе этих лет.

И на устах у нас иного

Еще не может быть и нет [9, 143].

Только такая всепоглощенность, только такая целеустремленность могла привести к творческой победе...

«Василий Теркин», по признанию многих фронтовиков, в том числе знаменитых полководцев, — один из самых действенных сподвижников Победы. «Трудно даже оценить, — говорил Г. К. Жуков, — какую огромную роль сыграл “Василий Теркин” во время войны» [10]. Поэт долго, как и вся страна, собирался с силами, искал самые необходимые, самые горячие слова, чтобы поддержать, душевно укрепить солдата и победить вместе с ним в самой страшной для России войне. Он и сам понимал высокое предназначение своего труда и своего детища: не даром называл свою работу подвигом.

Годы войны, несомненно, самый значительный период в творческой судьбе Твардовского, самый плодотворный, отмеченный высшими взлетами его таланта. Но самое удивительное в том, что, будучи мобилизованным певцом в стане советских воинов, работая в должности военного писателя и в звании подполковника в печатном органе фронта, он последовательно противостоял войне и прямо, и в подтексте своих произведений. Воспевая «всемирный подвиг народа, предсказанный ему историей», Твардовский видел предназначение этого подвига в том, чтобы «жизнь от смерти отстоять», чтобы защитить человека, «живого и теплого», от мрачных сил истребления и разрушения, оградить его от горя и сиротства.

В «Книгу про бойца», словно внешние воды с гор в большую реку, стекались речевые обороты, интонации, детали из стихотворений и поэм 20—30-х годов. Теркин проглядывает и там, где его еще нет, но слышится его речь, где видятся его повадки и жесты: «От скуки на все руки», «Молодой, веселый, важный За рулем шофер сидит», «Кидает пальцы сверху вниз с небрежностью лихой», «Разрешите, если можно, напоить у вас коня», «Потным телом греет землю», «Не гордый человек», «Ради радостного дня», «Течет река, чуть шевеля осокой», «Под мостом курлычет речка», «Огнища наши от костров позаросли едва ли» и др. Эти золотые крупинки с новой силой просятся в «Теркине», они приведут за собой героя ред-

ких душевных качеств и ободряющих слов. Теркин нарисовался из мозаики предвоенных героев как совокупный их портрет. «Не эта война... породила этих героев, — писал Твардовский, — а то большее, что было до войны. Революция, коллективизация, весь строй жизни. А война обнаруживала, выдавала в ярком виде на свет эти качества людей. Правда, и она что-то делала» [11, 110].

Не случайно в «Книге про бойца» оживают приемы обрисовки Никиты Моргунок в «Стране Муравии».

Был Моргунок не так умен,
Не так хитер и смел [12, 241].

Не уступит ему в «обыкновенности» и Теркин:
Не высок, не то чтоб мал,
Но герой-героем [9, 166].

Убегая от колхоза и от семьи, «поет Никита о своем и плачет о своем» [12, 239]. Потеряв дом и семью, безуспешно плачет солдат-сирота, земляк Теркина. Председатель колхоза Фролов, агитируя «за нашу власть и жизнь», называет свою речь «проповедью». Теркин, драпая от немцев, призывает «не унывай», считая это «политбеседой», то есть той же проповедью. Драка Теркина в главе «Поединок» сильно напоминает драку Фролова с выводком клана Фроловых. При этом он, как и Фролов, сетует на «не те харчи». Перешла из «Страны Муравии» во фронтовую поэму и такая знаменательная деталь: «Теплым телом греет землю» (Моргунок) — «Греют землю животом» (бойцы). Не греются сами от земли, а согревают ее своими телами. И еще одно сакральное действие, сближающее эти поэмы и героев: угощение Никиты у свояка и Фролова и Теркина у деда и бабы (глава «Два солдата»). При этом задаются судьбоносные вопросы и не сразу даются на них ответы: «На сколько лет такая жизнь затеяна?» и «Побьём мы немца или, может, не побьём?»

Конечно, Твардовский всегда, даже во время боя, находил контрапункты войне, умел ходить «стёжкой иной», мирной: почуять запахи трав и пашни, услышать майского жука, увидеть каплю прозрачной смолы, стекающей по теплому стволу сосны, порадоваться всякому растению и цветению, вспомнить о доме, о жене, о подростке ребенке. Трудно сказать, чего больше в его стихотворениях и поэмах о войне — мира или войны. Он, кажется, умиротворяет, одомашнивает саму войну, закрашивает ее простыми благами мирной жизни. Не воюющим, а «на войне живущим людям» посвящает он свою поэму. Теркин — примерный воин, храбрый солдат, но за всю войну он не убивает ни одного немца. И это не отступление от правды, не уступка пресловутому пацифизму, а нежелание демонстрировать кровавые дела героя, как это делали немцы при каждом удобном случае. В Рабочих тетрадях есть записи, которые могли бы принадлежать маршалу Жукову, а не поэту Твардовскому: «Ничего умнее и справедливее того, что немцев нужно добить, не считаясь ни с чем,

не давая никакого послабления, ужас их положения доводя до самых крайних крайностей, — ничего нет. Это меньшее страдание на земле, чем то, которое было и было бы при наличии неразгромленной Германии...» [13, 347].

В годы Великой Отечественной Твардовский сражается своим словом на два фронта: с врагом и с войной как с пагубой жизни, во-первых, и за свободу творчества, за свою «Книгу про бойца» — во-вторых. Дневниковая книга «Я в свою ходил атаку...» (2005 г.) — о том и о другом, но больше о втором его фронте, победа на котором принесла ему всенародную славу. Победа творца, художника дала ему право почувствовать свою причастность к Великой Победе народа над силами, несущими зло и смерть. А вторым крылом, позволившим ему подняться над черной пропастью войны, было чувство долга и любви к народу-солдату: «Я чувствую себя в силах сделать нечто очень нужное людям, которых люблю так, что при мысли о них сердце сжимается». От этого охватывало «такое ощущение честного счастья, как если бы я совершил подвиг или готовился к нему» [13, 133—134].

В послевоенные годы, болезненно пережив открывшиеся язвы недавней истории, Твардовский неожиданно для многих, но в духе всего написанного им о войне, крайне негативно характеризует полководческое рвение Г. Жукова, книга мемуаров которого — «вся в крови»: «Народ для него — “картошка”, как говорит солдат в “Климе Самгине”. Он воюет именно числом, постоянно требуя пополнений, не считая людских жизней, не удрученный нимало их гибелью и страданиями. Он, как и вообще Верховное командование, тушит пожар войны дровами ее — людьми: загрузить так, чтобы трудно было пробиться пламени. Как мне памятно по первым (и не первым) дням и неделям войны всеобщий панический пафос жертвенности (“пасть за родину”), запретность и недопустимость мысли о сохранении жизни своих. Отсюда и требование самоубийства во избежание плена» [14, 159]. Генерал в одноименной главе «Василия Теркина», как мы помним, посылал людей в бой на смерть, сразу прощаясь с ними. Причем не видя их, а только рисуя стрелки наступления на штабной карте.

В поэзии Твардовского презрение к смерти не означало готовности тотчас погибнуть, а было стремлением победить смерть ради жизни. Даже погибая, человек оставался у него «живым и теплым», а письма от погибших, словно от живых, шли и шли домой. Жизнь для него — самая высшая ценность, он постоянно напоминает об этом солдату-окопнику. Во второй части поэмы «Василий Теркин» он заявляет о том, что хотел бы идти мирной стезей, а не тропой войны, что ему «сказка мирная милей», чем фронтовая. Сказка одновременно и о будущем, и о прошлом.

О судьбе, что в гору шла,
О той жизни, что была,
За которую сегодня
Жизнь отдай, — хоть как мила [15].

Сама война порой становится у него горьким напоминанием о жизни, как это ни парадоксально звучит. В августе 1944 г. (любимая его пора) Твардовский записывает в Рабочую тетрадь: «Кажется, вообще не осталось ни одного ощущения, запаха, чтоб это уже не связывалось с войной. И, наверно, всю жизнь будет напоминать она всем, что есть самого дорогого в природе» [13, 284]. С особой силой зазвучали эти мотивы во второй половине войны, когда воочию увиделось, как истрадалась, как постарела от нее сама природа: «Большое лето», «В Смоленске», «Ветром, что ли, подуло...», «Здесь немцы были», «Минское шоссе», «В литовской усадьбе», «В поле, ручьями изрытом...» и др. Она, русская природа, действует на человека с такой пронзительной, чарующей силой, что кажется, «как будто войны никакой», что «нет ни этих немцев на свете, ни расстояний, ни лет». Но эта сила не расслабляет, не мешает храбро воевать. А фронтовой быт стал приедаться, «человек как бы говорит: хватит, дайте мне просто небо, без самолетов, дайте мне просто шутку, без смерти, стоящей за ней» [13, 252].

Когда воочию увидели следы страшных злодеяний фашистов на оккупированных территориях, в самых грозных интонациях зазвучали в газете призывы о возмездии. Священник Д. Азаренко, обращаясь к солдатам, офицерам и генералам Красной Армии, писал: «Неустрасимо идите вперед. Дело наше правое и святое. Добейте фашистскую гадину» [16]. Журналист И. Арамилев в статье «У могил расстрелянных» (в роще у поселка Легеново близ станции Понари было расстреляно 200 000 советских людей) невольно продемонстрировал, как одно зло порождает другое: «Русские люди добры и мягкосердечны. Но всему есть предел. В борьбе с немцем доброта — зло. Пусть каждый из нас, бойцов и офицеров, считает потерянным тот день, когда он не убил немца. Забудем все иные чувства, кроме ненависти к немцу. Подавим в груди все желания, кроме одного — убивать немца» [17]. Такое можно понять. И это не нуждается ни в осуждении, ни в оправдании. Однако Твардовский каждой своей строкой пробуждал в русском солдате «чувства добрые», готовил его к возвращению домой, к заботам и радостям мирной жизни.

На войне, писал Л. Толстой в «Севастопольских рассказах», «мысль очень обыкновенная — мысль о смерти». Картинами гибели, ее угрозами, ее предчувствиями, мыслями о смерти отмечены все страницы «Книги про бойца». Смерть разбойничает на всех дорогах и переправах, на полях сражений, на огромных пространствах России и Европы. В конце концов она становится синонимом войны, доминантой происходящего. Смерть здесь — «дело привычное», к ней относятся без паники и дрожи, о ней

говорят с грубоватой шутливостью, как принято в речевом солдатском обиходе: «Вдруг как сослепу задавит, — Ведь не видит ни черта», «Может в голову ударить, Или попросту, в башку», «Бомба — дура. Попадет Сдуру прямо в точку», «Потерять башку — обидно, Только что ж, на то война», «Но отнюдь не заколдован От осколка-дурака». «И хотя бы плюнь ей в морду, Если все пришлось к концу», «Изнывая, ждешь за кочкой, Скоро ль мина влепит в зад», «Так пошла ты прочь, Косая» и др. В главе «Смерть и воин» и Человек, и Смерть написаны с большой буквы: в диалоге тут не только Василий Теркин и его «личная» смерть, а метафизические величины, уровень философского поединка жизни и смерти. Об этом в поэме есть иные слова и строки, исполненные величия и печали, неутешного горя и страданий, боли и слез. Твардовский произносит их не без оглядки, боясь лишний раз поранить и без того израненное солдатское сердце. И все же произносит, потому что за ними правда войны, следовать которой он положил себе за правило. Приведем лишь самые показательные: «Люди теплые, живые, Шли на дно, на дно, на дно», «Спят бойцы. Свое сказали. И уже навек правы», «И забыто — не забыто, Да не время вспоминать, Где и кто лежит убитый И кому еще лежать», «Ветер злой навстречу пышет, Жизнь, как веточку, колышет, Каждый день и час грозя», «Там печаль свою великую, Что без края и конца, Над тобой, над речкой выплакать, Может, выйдет мать бойца», «Смертью праведной и честной Пали многие из них», «И в одной бессмертной книге Будут все навек равны...», «Сколько их на свете нету, Что прочли тебя, поэт». Как-то не замечалось, что именно «павшим памяти священной» посвятил свой любимый труд Твардовский, а не Верховному, и не маршалам.

В противовес смерти выдвигается единственное, что ее может осилить — не поддающийся ей воин, русский труженик-солдат, который не только прогонит Косую, но и покончит с войной, спасет от врага Родину, Россию. У солдата и народа есть священное задание, которое они непременно должны выполнить: «Жизнь от смерти отстоять». Это задание продиктовано несокрушимым убеждением: «Как ни велика война — эта жизнь больше ее» [11, 306].

Первые главы поэмы написаны щадяще, Твардовский пытается говорить о страшном как можно мягче, иносказательно, вытесняя черные мысли о наших поражениях балагурством, шутками-прибаутками, но при этом не скрывая своих намерений следовать правде, какой бы горькой она ни была: «Это присказка покуда, Сказка будет впереди» [9, 167].

С особым постоянством эта деликатность, это стремление всю тяжесть впечатлений от первых месяцев войны оставить в себе проступает в письмах жене Марии Илларионовне. Семейный союз удваивал его духовные силы, благодаря непрерывному диалогу с ней могли полноценно воплотиться за-

мысли многих его стихотворений и поэм. Сто тридцать девять писем и телеграмм с войны, по словам их дочерей, «могут быть прочитаны как повесть о жизни семьи, разделенной войной», как самоотчет поэта о работе писателя на фронте и как творческая история великой, уникальной поэмы «Василий Теркин», подробностей создания которой «нет ни в одном исследовании». В письмах Твардовский, чтобы не ранить родную душу, преднамеренно скрадывает, приглушает грозное, страшное шествие врага на восток по нашей земле, внушает веру в нашу непреклонную победу. Но при этом правду, как она ни тяжела, проговаривает: «Здесь всё совсем по-другому. Это не Финляндия». Но что бы там ни было, пишет он, «не унывай, раздумывая о нашем отходе. Он будет, может быть, даже большим, чем ты представляешь, но это путь к победе. Родине нашей случилось и без Москвы оставаться на время, а не то что» [13, 35]. Как это напоминает знаменитую политбеседу Теркина!

Не унывай.

Не зарвемся, так прорвемся,

Будем живы — не помрем.

Срок придет, назад вернемся,

Что отдали — все вернем [9, 169].

И в поэме он не сразу оглушает нас «смертным боем», картинами массовой гибели, тягостного и постыдного отступления, а говорит о воде и пище, о махорке и шутке, о поваре и ночлеге, словно отводя от пропасти, однако вскоре погружает в «сказку», в громокипящий котел войны, в ненасытную прорву смерти. Можно сказать, ближайшим визави солдата всегда оказывается смерть, она ни на минуту не оставляет его без прицела. Чаша весов его судьбы постоянно колеблется, знаменуя онтологическое равновесие жизни и смерти в бытии людей. Нередко беря верх, смерть нарушает привычные связи и отношения, напоминая об утрате базовых ценностей исторического существования. У смерти на войне отнюдь не окопное измерение, она так же всеобща и многозначна, как и далеко от линии фронта. На войне ей противостоит энергия и воля человека, его готовность и умение победить в схватке с ней. Порой человек у Твардовского оказывается на переходе от жизни к смерти и обратно. Еще живой, бегущий в атаку молодцеватый лейтенант, сраженный пулей, крикнул бойцам: «Я не ранен. Я убит». А Теркин, по всем признакам покойник, дважды оживает в поэме.

Более 200 раз (208) в тех или иных вариациях прозвучала на страницах «Книги про бойца» смерть. И это во фронтовой газете, на войне, при жесточайшей цензуре, когда само слово «смерть», как и «отступление», было под запретом, когда в несколько раз занижались наши потери. С беспощадной жадностью поглощает смерть наших бойцов, «живых и теплых», в главах «Переправа», «Дед и баба» (по 9 словоупотреблений), «Бой в болоте» (17), «Кто стрелял?» (19). И с запредельной частотностью прозвучала она

в главе «Смерть и воин» (54 словоупотребления), которая даже в редакции «Красноармейской правды», по словам поэта, «вызвала злоеший шум и толки» неприятия. Здесь из невидимой губящей силы она превращается в инфернальное живое существо со своим именем и обликом, со своим лексиконом и повадками, даже со своей концепцией человеческого существования: концепцией бездействия, распада, непротивления злу, поражения.

В годы войны, когда в мире правило «зло несытое», порой казалось, что лучше умереть, чем жить. В поэтическом дискурсе Твардовского формируются оксюморонные формулы, которые схватывают этот трагический парадокс бытия: «живая смерть», «жизни даст», «у смерти под защитой», «жив остался — не горюй», «в горький, грустный праздник свой», «сам не знает: жив, убит?», «печальный и протяжный стон: «Ура-а...», «рай с передним краем — это смежные места», «немец жить велел живым», «жить живи, дышать не смей», «все же вроде как жива», «со страдальчески-счастливым, от жары открытым ртом» и т.п. Даже веселый сельский праздник сабантуй обрачивается артобстрелом и бомбежкой, а майский жук — вражеским бомбардировщиком.

Смерть в XX веке обрела такой размах и такую силу, что осмелилась заявить о своем превосходстве над жизнью. Она действует уже не только физически (оружие, эпидемии), но и убеждением, прикидывается избавительницей от земных неурядиц и бед, сулит облегчение от тягот повседневного существования. В ее лексиконе и ласка, и похвала, и угроза, она находит такие аргументы, против которых трудно возразить. Однако на все ее увещеванья сдаться Теркин отвечает по-солдатски прямо и однозначно:

Так пошла ты прочь, Косая,

Я солдат еще живой.

Буду плакать, выть от боли,

Гибнуть в поле без следа,

Но тебе по доброй воле

Я не сдамся никогда [9, 275—276].

Один из главных уроков поэмы: за жизнь надо сражаться. И не только с врагом, несущим смерть, но и с самим собой, со своими слабостями и соблазнами. На войне любой путь спасения, кроме мужества, героизма и самопожертвования, может оказаться предательством. Физическая смерть героя обретает компенсацию в его духовном и нравственном обаянии, в народной памяти о нем. Память у Твардовского — как бы вторая жизнь, она многослойна и действенна, она уходит в глубины истории, в далекую череду поколений и равносильна бессмертию.

Твардовский начинает «Книгу про бойца» размышлениями о воде, пище, шутке и правде. Почему? В них опора жизни — физической и духовной. Правда, какой бы она ни была, в конце концов подтверждает солдатский подвиг, а без этого он не может вписаться в историю. Вода, как один из важнейших

пособников жизни, в поэме необычайно многозначна. Это и спасительный глоток влаги, и неодолимый водный рубеж, и победная переправа, и темная прорва смерти. А в финале поэмы она оmyвает солдата от грязи, пота и коpotи войны, являя нам человека во всей его природной телесности, со всеми отметинами отгремевших сражений. В заключительной главе «От автора» спасительная влага обращается в поминальную чарку по миллионам павших, которую мы пьем и поныне.

Апология всего живого означает у Твардовского, что на жизнь нельзя посягать. Для него это высшая ценность, вне забот о которой любые замыслы несостоятельны. Наша советская история — подчас бесцеремонное и жестокое посягательство на человеческую и природную жизнь. Насилие стало орудием большевистского государства. Забыто было о милости к побежденному народу, критики избивали Твардовского в 30-е годы не только за «симпатии» к кулакам, но и за то, что он считал их обычными людьми. А он ценил все, что работало на жизнь, на поддержание человека. Однако не всякую жизнь славил он, а только добрую, отзывчивую, радующую, жизнь не только для себя, но и для других. Превыше всего для поэта животворящая природа, жизнепопечительная озабоченность человека, благодаря чему победа смерти временна, не абсолютна, над ней берут верх таинственные силы жизни — наш общий на земле ходатай. В «Доме у дороги» новая жизнь зарождается в немыслимых для жизни условиях концлагеря. Родившийся там ребенок на какой-то момент оказывается даже сильнее матери, вернее, благодаря ему она становится увереннее в поединке с небытием, вкладывая в уста ребенка свои же клятвенные слова спасти его, не дать погаснуть на ветру войны этому маленькому огоньку жизни.

И так, порой полумертвы,
У смерти на примете,
Все ж дотянули до травы
Живые мать и дети [9, 376].

Глава восьмая «Дома у дороги» — один из самых мощных голосов XX века во славу жизни: и голос матери, дающей жизнь, и голос ребенка — самой этой жизни. Переключка с главою «Смерть и воин» здесь очевидна: Анна Сивцова и Василий Теркин побеждают «ради жизни на земле».

Во все периоды творчества слово «смерть» у Твардовского едва ли не самое «напоминательное». Помнить о смерти всегда означало: достойной ли была твоя жизнь? с чем ты придешь к финишу? Концептуальные грани смерти в его поэзии проступают отчетливо. Это конец земной, физической, телесной жизни. Разлучение души с телом. Переход к жизни вечной, духовной. Обретение памяти в остающихся жить. Смерть — неизбежный и закономерный финал всего живущего и цветущего, финал, дающий начало другой жизни. К такой смерти Твардовский

толерантен, хотя она всегда не ко времени. Но если смерть предумышленна и насильственна, если она намеревается подавить, запугать человека, он готов послать ее куда подальше, не стесняясь в выражениях («Ты дура, смерть» и т.п.). Законную смерть он готов встретить достойно, без панической суеты и обиды на всех остающихся жить.

По крайности — спасибо и на том,
Что от хлопот любимых нет отвычки.

Справляй дела и тем же чередом
Без паники укладывая вещи [18, 194].

Наступление наших войск действовало на Твардовского вдохновляюще, многие строфы третьей части поэмы дышат запредельным восторгом, голос его берет такие высокие ноты, от которых перехватывает дыхание.

И теперь взглянуть на запад
От столицы. Край родной!
Не на шутку был он заперт
За железною стеной.
И до малого селенья
Та из плена сторона
Не по щучьему веленью
Вновь сполна возвращена
По веленью нашей силы,
Русской, собственной своей.
Ну-ка, где она, Россия,
У каких гремит дверей! [9, 308].

Наступление подвигает его писать третью часть поэмы, он осознает, что «Теркин без наступления» вызывает чувство незавершенности у читателей, отсюда их просьбы продолжить поэму. И вдруг появляется странная запись в Рабочей тетради о том, что сейчас для успеха требуется нечто противоположное «Теркину». Что же? «Сейчас нужен герой — офицер, желательно дворянского, по крайней мере интеллигентного происхождения, в виде отклонения от нормы (что будет одновременно и допустимой смелостью) — религиозный, свято уважающий традиции военной семьи и т.п. Солдат сейчас не в моде. Он должен занять подобающее ему место. Это все трудно объяснить, но это все так примерно и еще хуже, и об этом не хочется» [13, 189].

Но пришлось, потому что очень уж сильный поворот наметился в отношении к народу-солдату, почувствовавшему себя хозяином на войне. Надо было поставить его на «подобное ему место». В главе «Дед и баба» Твардовский проверяет, как воспримут в народе такой дворянско-офицерский поворот. Наступающий Теркин вызывает деда с бабой из погребушки, куда они спрятались от врага.

– Значит, цел, орел, покуда.
– Ну, отец, не только цел:
Отступал солдат отсюда,
А теперь, гляди, кто буду,—
Вроде даже офицер.
– Офицер? Так-так. Понятно,—

Дед кивает головой. —
Ну, а если... на попятный,
То опять как рядовой?.. [9, 298]

Теркин заверяет деда, что теперь уже «ни в боль-
шом, ни в малом чине На попятный ходу нет» [9, 298].
Однако старик не унимается, потому что насмотрел-
ся всего и при наших, и при немцах.

Как получше,
На какой теперь манер:
Господин, сказать, поручик
Иль товарищ, офицер? [9, 299]

Это не проходной эпизод в сюжете поэмы, а прин-
ципиально важный итог раздумий Твардовского
о роли русского Ивана в войне, над которой он стал
размышлять еще в снегах Финляндии: «Ощущение
великой трудности войны» [5, 156]; «Сжималось
сердце при виде своих убитых» [5, 167]; «Меня до сих
пор не покидает соображение о том, что мое место,
в сущности, среди рядовых бойцов... Я то и дело мыс-
ленно ставлю себя на место любого рядового крас-
ноармейца. Правда, все реже» [5, 155]. В годы войны
Отечественной это чувство обострилось до крайно-
сти: «Мы живем по обочинам войны»; «Нет-нет и за-
щемит стыд перед теми, с кем вижусь от времени до
времени и покидаю их, спеша заключить в строчки
полученное от них...»; «О чем бы я ни думал, я вновь
возвращаюсь к мысли о нем, об Иване, на плечи кото-
рого свалилась вся страшная тяжесть этой войны...»
[13, 48]. Подставить свое плечо — вот на что решался
Твардовский. Работа во фронтовой газете казалась
ему малополезной: «Мы хекаем, а люди рубят» [13,
277]. Будучи сам офицером, он все эти мысли обра-
щал на самого себя, хотя и понимал, что преобра-
зиться в солдата ему не удастся.

Почему он так долго не решался продолжать «Тер-
кина», т.е. писать третью часть? Возникает и такой
мотив, с которым стоит считаться: «Вряд ли, кажет-
ся сейчас, можно будет ввести Теркина в этот период
(наступления. — В. А.) и дать ему развернуться. Он
родился в иной срок... И, конечно, он не офицер. “Кни-
га про бойца”. А строчка “наступает офицер” должна
чуть быть повернута: как бы, вроде, чуть не...” [13,
279]. В главе «Дед и баба», как мы видели, прозвуча-
ла одна из этих оговорок: «вроде даже офицер»: по
роли, а не на самом деле.

В приведенной выше записи от 29 июля
1944 года прозвучало «Книга про бойца». Но это
же подзаголовок поэмы «Василий Теркин», кото-
рый снимает всякие утверждения об офицерстве
главного героя. И появился он в «Красноармейской
правде» только через полгода, 29 января 1945-го,
победного, перед главой «Про солдата-сироту». Ка-
кое уж тут офицерство...

Во второй половине войны власть и официаль-
ная критика с каким-то подозрением стали воспри-
нимать «Василия Теркина». Скорее всего из-за его
беспартийности и последовательной народности, не

терпящей неправды и угодливости. «Во второй поло-
вине 1944 года, — пишет В. Кузнецhevский, — Сталину
стал нужен патриотизм не русский, а советский» [19,
4]. Но как раз за недостаточность советского в Тер-
кине и укоряли Твардовского, он ведь прежде всего
«русский чудо-человек»!

Твардовский смело передает его черты почти
всем героям поэмы, поэтому Теркину вовсе не обя-
зательно становиться действующим лицом каждой
главы и лично появляться перед читателем: доста-
точно указать на его имя: «Это был, понятно, он»
[9, 230], «Это был, конечно, он» [9, 271], «Объявился
старый друг» [9, 292], «По уставу каждой роте / Бу-
дет придан Теркин свой» [9, 287], «Мол, снабдил Ва-
сильий Теркин» [9, 318], «Все равно, что Теркин» [9,
326]. Все в нем и он в каждом — вот что подтверж-
дают эти пояснения. Отсутствие Теркина в тексте
компенсируется наличием его духа и языка, они-то
и дорисовывают его портрет, оживляют его. Надо
учесть тут и авторский комментарий: «Для многих
Теркин нечто, бывшее, звучавшее когда-то в первой
половине войны, лишь для меня это еще незакон-
ченная работа» [13, 373—374]. Возвращаясь в род-
ную часть после ранения или отдыха «в раю», Теркин
попадает в «сборный, смешанный народ», многих
не узнает, слышит незнакомые шутки-прибаутки
и даже встречает другого Теркина, то есть совсем
на него не похожего: самоуверенного, бахвалистого,
что также осложняло осмысление наступательного
периода Отечественной войны. Настоящий Теркин,
как и его земляк солдат-сирота, плачут от горя и ве-
ликих потерь, им трудно сполна отдаться победи-
тельному ликованию.

В набросках к заключительной главе «От автора»
(22.VII. 44), как и позднее в главе «Про солдата-си-
роту», Твардовский не без иронии говорит, что Тер-
кин больше был в моде и почете при отступлении,
когда сдавали города.

В отступленьи генералы
Как-то были все не в счет [13, 293].

А теперь:
Срок иной, иные даты.
Над Москвой гремит салют.
Города сдают солдаты,
Генералы их берут [13, 293].

Солдатам остается то, что и было всегда — тяж-
кий и жертвенный труд войны.

И ползешь ты где-то, Теркин,
Под огнем лежишь ничком
В старомодной гимнастерке
С отложным воротничком [13, 293].

Трещина между солдатами и генералами, обна-
руженная в конце войны, мучает Твардовского, он
не хотел бы об этом говорить, потому что, по его же
словам, генералы в большинстве своем — Теркины.
И только по принятой заповеди до конца говорить
правду он напишет (пусть только для себя):

Теркин, Теркин, век военный,
Поразмысли, рассуди,
И по службе непременно
В генералы выходи.
Хорошо ходить в лампасах,
Красота, а станешь стар —
За тобой мундир запаса
И земли тебе гектар
(Не то, но что-то такое).

.....

Нынче речи о Берлине,
А тебя и нет в помине [13, 293].

Это ведь тоже сталинский принцип задобрить
выдвинувшихся высокими окладами, дачами, маши-
нами и прочими подачками, о чем поэт, конечно же,
знал. А дальше шло о солдате, пришедшем с войны
с пустым рукавом, который «вспомнит где-нибудь
в пивнушке» автора и героя поэмы.

Строчки вслух переиначит,
Переврет и оборвет.
И над кружкой заплачет
И медаль, гляди, пропьёт [13, 294].

Конечно, это не для печати, и Твардовский тут
же делает существенную, но не простую оговорку:
«Очень черно, но близко к делу. Моя точка зрения не
должна быть этой, но и этой, и другой. Так же и о ге-
нералах, которые в большинстве Теркины» [13, 294].
И все же поэма эта — «Книга про бойца», про сол-
дата-сироту, книга о народе, одолевшем страшного
врага ради жизни на земле. Как только был найден
подзаголовок к «Василию Теркину», офицерство
героя отпало по логике вещей. Твардовский тем са-
мым подтвердил принцип народности, которому он
изначально следовал. Он не мог не замечать соци-
ального расслоения в обществе, так и не преодолен-
ной пропасти между властью и народом. На войне
это проявилось прежде всего в забвении принципа
народосбережения. Еще на Карельском фронте его
поразило, как безумно гнали необстрелянных сол-
дат под пулеметы на колючую проволоку и как они
сотнями гибли там. «Суворовых не оказалось, — го-
ворил он А. Беку. — Войну решили Иваны» [20; 133,
134]. Решили они и Великую Отечественную, поло-
жив миллионы жизней на алтарь Победы.

Война потребовала широкой, масштабной мысли
и глубокой, сочувствующей души. Подходить к ней
только с узкополитическими заданиями — значит
обрекать себя на творческое поражение. Твардов-
ский всем существом отдается происходящему. В Ра-
бочих тетрадах запечатлена не только панорама во-
йны, «дни беды и дни побед», но и перспективы ее
осмысления, наметки того, что подхватила послево-
енная литература и публицистика вплоть до наших
дней. Твардовскому важно было «сомкнуть оба пола
времени» — начальный и заключительный этапы
войны — в нечто целое как переплетение причин
и следствий, объясняющих друг друга. Особенно

трудным и сложным оказался для него этап заклю-
чительный, когда со всей очевидностью проступи-
ли и радужные, и темные лики победного шествия
наших войск, и великая Победа, и великая трагедия
народа, когда душу переполняли и разрывали зву-
ки ликующего гимна и горькие мелодии реквиема
(«Про солдата-сироту», «По дороге на Берлин» и др.).

О неизбежности поражения врага и возмездия
за все его злодеяния на нашей земле Твардовский
говорил все годы войны, но впечатления от картин
разгрома вражеского логова оказались столь же кон-
трастными и болезненными, как и наши поражения
начального этапа войны. Неостановимое штурмо-
вое шествие Красной Армии по Европе было вооду-
шевляющим и радостным, но не менее жертвенным,
чем при отступлении. Наши солдаты несли на своих
штыках глаголы ненависти и отмщения, а в стихах
Твардовского колокольно звучали такие слова, как
возмездие, расплата, священная месть, судный час,
праведный суд, святое пламя отмщенья, час испол-
нения гнева, идем с расплатой, казнь права, «плати
по счетам, Германия», «Мы справим суд свой до кон-
ца, А после будет видно» и др. Заметим, как настой-
чиво, как подчеркивающе звучат тут «священный»,
«праведный», «святой», «правый» рядом со слова-
ми «суд» и «расплата». Таким же святым и правым
назван у него смертный, кровавый, страшный бой
«ради жизни на земле». Тут сошлись концы и начала,
проступила логика главного события XX века — ми-
ровой войны, посягнувшей на жизнь целого народа:
она не избежала суда.

Но как неожиданно, как изумительно заверша-
ет свои Рабочие тетради Твардовский! На последних
страницах — три записи от 1-го и 3-го мая 1945 года,
три локальные и одновременно символически-обоб-
щенные картины на фоне поверженной Германии.
Первая картина (прозой и стихами) — о скворце,
хлопочущем «в садике горелом» по своим весенним
делам, зная не знающему ничего о том, что творится
в мире. Главное для него — устроить свой дом, свою
квартиру для будущей семьи, потому что «война вой-
ной, а плодиться надо». Теми же заботами занят скво-
рец и где-нибудь под Москвой, поющий о том, «что
теперь устроить дом — Вот что, дескать, главное».

Вторая картина так же локальна, но и она раз-
вернута на широкое мировое пространство: «Зеле-
неющая Германия, где пахнут и сеют те, что недавно
пришли сюда и вряд ли останутся еще на год (сол-
даты), либо те, что были здесь пленниками и не хо-
тели оставаться здесь ни одного лишнего часа, либо
те, что должны были защитить эту землю, откуда
они ходили по всей Европе, а сейчас в плену на ней»
[20, 381]. Редко у кого найдем мы такую историче-
ски значимую картину: весеннее поле объединило
бывших врагов, победителей и побежденных, об-
щим делом, пахотой и севом ради будущего урожая,
«ради жизни на земле». А третья картина — Побе-

да и Салют. «Стреляло все, что могло как-то стрелять в городе, начиненном фронтовыми и прочими учреждениями... Охрана поезда начала из автоматов, не выдержали и все, в том числе я, стали разряжать не чищенные по году пистолеты в воздух. Необыкновенное, самозародившееся и незабываемое» [13, 381].

Этот салют можно отнести, наверно, и скворцам, устраивающим гнезда для нового поколения, и солдатам, пашущим и засевающим землю зерном будущего, и автору, победно завершившему «свою атаку»...

ЛИТЕРАТУРА

1. Твардовский А. Новомировский дневник / А. Твардовский. — М., 2009. — Т. 1. 1961—1966.
2. Роговин В. З. Проблема гуманизма / В. З. Роговин // Из истории советского искусствоведения и эстетической мысли 1930-х годов. — М., 1977.
3. Коржавин Н. В соблазнах кровавой эпохи / Н. Коржавин // Новый мир. — 1992. — № 8.
4. Платонов А. Размышления читателя: ст. / А. Платонов. — М., 1970.
5. Твардовский А. Т. Собр. соч.: в 6 т. / А. Т. Твардовский. — М., 1978. — Т. 4.
6. Твардовский А. Т. Собр. соч.: в 6 т. / А. Т. Твардовский. — М., 1983. — Т. 6.
7. Буртин Ю. Примечания / Ю. Буртин // Твардовский А. Т. Собр. соч.: в 6 т. — М., 1977. — Т. 2.
8. Твардовский А. Письма с войны. 1941—1945 / А. Твардовский. — М., 2015.
9. Твардовский А. Т. Собр. соч.: в 6 т. / А. Т. Твардовский. — М., 1977. — Т. 2.
10. Миркина А. Навечно в памяти / А. Миркина // Литературная газета. — 1986. — 3 дек. — № 49.
11. Твардовский А. Т. Собр. соч.: в 6 т. / А. Т. Твардовский. — М., 1980. — Т. 5.
12. Твардовский А. Т. Собр. соч.: в 6 т. / А. Т. Твардовский. — М., 1976. — Т. 1.
13. Твардовский А. «Я в свою ходил атаку...»: Дневники. Письма. 1941—1945 / А. Твардовский. — М., 2005.
14. Твардовский А. Рабочие тетради 60-х годов / А. Т. Твардовский // Знамя. — 2004. — № 5.
15. Твардовский А. От автора / А. Твардовский // Красноармейская правда. — 1942. — 12 дек. — № 343.
16. Азаренко Д. Добейте антихристов! / Д. Азаренко // Красноармейская правда. — 1944. — 2 июля. — № 157.
17. Арамилев И. У могил расстрелянных / И. Арамилев // Красноармейская правда. — 1944. — 21 июля. — № 173.
18. Твардовский А. Т. Собр. соч.: в 6 т. / А. Т. Твардовский. — М., 1978. — Т. 3.
19. Кузнецовский В. Дело русской партии. Новый взгляд на политическое наследие Андрея Жданова / В. Кузнецовский // Литературная газета. — 2016. — 5—11 окт. — № 39.
20. Бек А. Встречи с Твардовским в 1940 году: Дневниковые записи / А. Бек // Знамя. — 2001. — № 10.

Воронежский государственный университет

Акаткин В. М., доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора

Voronezh state University

Akatkin V. M., Doctor of Philology, Professor of Russian literature of XX and XXI Centuries Department, Literature and Folklore Theory

ХРИСТИАНСКИЕ КОРНИ ПЕССИМИЗМА В ПОВЕСТЯХ И. С. ТУРГЕНЕВА «ПРИЗРАКИ» (1864) И «ДОВОЛЬНО» (1865)

Д. С. Барицкий

Московская духовная академия

Поступила в редакцию 5 ноября 2017 г.

Аннотация: на материале двух повестей «Призраки» и «Довольно» рассматривается специфика пессимизма в творчестве И. С. Тургенева. Тоска, которая лежит в его основе, имеет не бытовое, но онтологическое измерение. Это тоска по тем ценностям, которые провозглашает христианство, и в первую очередь — по заинтересованному в человеке личному бессмертному Началу, Которое единственное могло бы наполнить смыслом все аспекты человеческого бытия, начиная с уровня межличностных отношений, заканчивая социальным, культурным и историческим измерениями. Это отличает Тургеневский пессимизм от безразличного пессимизма стоиков и Шопенгауэра, и является ярким свидетельством присутствия в творчестве классика религиозной перспективы: на уровне архетипов оно коренится именно в христианском мировоззрении.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, «Призраки», «Довольно», пессимизм, тоска, смысл жизни, религиозность, Бог.

Abstract: the specificity of pessimism in the works of I. S. Turgenev is investigated on the material of two novels, «Phantoms» and «Enough». The longing lying at its core has not a household, but an ontological dimension. It is longing for the values proclaimed by Christianity and foremost for personal immortal Beginning interested in human being, Which alone could give meaning to all aspects of human existence from the level of interpersonal relations to social, cultural and historical dimensions. It distinguishes Turgenev's pessimism from indifferent pessimism of stoicism and Schopenhauer. Furthermore, it clearly underscore the presence of religious perspectives in the works of the classic: at the level of archetypes, it is rooted in the Christian worldview.

Keywords: I. S. Turgenev, «Ghosts», «Enough», pessimism, longing, the meaning of life, religion, God.

То, что творчество И. С. Тургенева содержит в себе множество глубоких философских идей, пожалуй, никто оспаривать не будет. Однако насколько оно религиозно? Совершенно очевидно, что как самому Тургеневу, так и его сочинениям чужда та религиозность, которую мы встречаем, например, в произведениях Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, И. С. Шмелева. У них она носит ярко выраженный характер: вопросы веры и неверия ставятся и порой решаются прямо. Достоевский говорит о трагедии атеизма, Гоголь о глубине и красоте Литургии, Шмелев о радости повседневной жизни в Церкви, когда само время «кажется равным вечности» [1, 50], а быт — бытию. Авторы мыслят в контексте Личного Бога, живая связь с Которым, в конечном счете, и определяет внутренний рельеф их творчества, его основные темы, проблемы, идеи.

Ничего этого мы не встречаем у Тургенева. Однако значит ли это, что его творчество совершенно лишено религиозной компоненты? Может быть, перед нами особая разновидность религиозности? Вопросы далеко не праздные. И тому есть одно важное свидетельство. Там, где Тургенев мог бы что-то сказать о Боге, о Его проявлениях в этом мире и жизни человека прямо, подобно вышеуказанным авторам,

но промолчал или же высказался в отрицательном ключе, мы ощущаем не безразличие и равнодушие к вопросам веры и высшего смысла, но всепоглощающую тоску.

Со всей силой это очевидно на материале двух произведений Тургенева, повестей «Призраки» и «Довольно». Обращение к ним принципиально важно для понимания мировоззрения автора. Ведь если не брать в расчет стихотворений в прозе, именно эти повести «представляют собою некий философский эпицентр, сгущение в одном фокусе специфически окрашенной философской мысли Тургенева» [2, 42].

Тургенев создает повесть «Призраки» практически одновременно с работой над романом «Отцы и дети». Произведение имеет ярко выраженную пессимистическую тональность. По словам Е. И. Кийко, «философско-историческая основа этой «фантазии»... опирается на древнюю традицию, истоки которой можно найти в проникнутых пессимизмом поучениях Екклесиаста. Марк Аврелий, Светоний, Паскаль, Шопенгауэр — вот мыслители, в философских системах которых исследователи находят точки соприкосновения с теми или иными мотивами «Призраков»» [3, 478]. Ф. М. Достоевский, который ранее указывал на то, что мотив тоски является доминирующим в «Отцах и детях», теперь подобным

образом высказывается и о «Призраках». По словам писателя, здесь «слишком много реального. Это реальное есть тоска развитого и сознающего существа, живущего в наше время, уловленная тоска. Этой тоской наполнены все «Призраки»» [4, 61].

Прямого ответа на вопрос, о чем же именно эта тоска, мы в повести не найдем. Да и сами образы рассказа не поддаются однозначной интерпретации. Это скорее, по словам самого Тургенева, «ряд каких-то душевных dissolving views (расплывчатых видений. — Д. Б.)» [5, 232]. Однако все же они задают некое направление, в котором может развиваться наша мысль.

Сюжет повести прост. Эллис, таинственный призрак, является герою по ночам и переносит его в различные уголки земли. Кто такая эта Эллис? Настроения тоски и тревоги концентрируются в ней с такой силой, что Боткин даже утверждал, будто Эллис — это «аллегория чего-то внутреннего, личного, тяжкого, глухого и неразрешимого» [3, 480]. Можно предположить, что ее образ — воплощение того, чем герой так страстно желал обладать, но, увы, не смог, а возможно, какое-то время обладал, но давно потерял. Призрак полноты счастья вместе с любимой. И, действительно, отношения между Эллис и героем, которые разворачиваются по ходу повествования, содержат в себе намек на любовную связь [3, 218].

С другой стороны мы видим, что это связь не составляет рассказчику ни полноценного удовольствия, ни удовлетворения. Более того, чем больше Эллис притягивает его, тем больше она вызывает у него чувство жути. А потому влечение героя к призраку больше напоминает одержимость или даже дурную зависимость. Не случайно многие исследователи указывали на сходство образа Эллис с образом вампира. Она манит рассказчика, привязывает его к себе ласками, и вместе с тем словно вытягивает из него соки, сковывает и поработывает его волю. Более того, как только появляется хоть малый намек на то, что герой может заполучить счастье, которого он так жаждет, она мешает ему.

Именно об этом свидетельствует один из центральных эпизодов рассказа — сцена на острове Isola Bella. Здесь герой любит красивую молодую женщиной, которая поет итальянскую арию, аккомпанируя себе на фортепьяно. Он слушает ее, «потрясенный до глубины сердца зрелищем этого молодого, спокойного, светлого счастья» [3, 205].

Однако когда он готов к нему приблизиться, спутница резко одергивает его: «Я оглянулся... Лицо Эллис было — при всей своей прозрачности — мрачно и грозно; в ее внезапно раскрывшихся глазах тускло горела злоба... — Прочь! — бешено шепнула она» [3, 205].

Все это позволяет предположить, что при помощи образа Эллис Тургенев передает идею недостижимости для человека такого желанного личного

счастья. Оно всего лишь призрак, лишенный плоти и крови. Видение, которое ласково манит, а затем жестоко обманывает. Вампир, капля за каплей высасывающий жизнь из своей жертвы.

В чем же причина такой нестабильности и капризности личного счастья? Есть внешние, объективные причины, которые мешают ему стать полноценным живым существом. В повести они сконцентрированы в образе уродливого, отвратительного нечто, «закутанной фигуры на бледном коне», олицетворяющей смерть. Ее описание проникнуто пафосом фатального трагизма. Смерть неизбежна. Но это лишь полбеды. Она абсолютно бессмысленна и принципиально непреодолима. «Это сила... которой нет сопротивления, которой всё подвластно, которая без зрения, без образа, без смысла — всё видит, всё знает, и как хищная птица выбирает свои жертвы, как змея их давит и лижет своим мерзлым жалом...» [3, 217].

Если существует такая сила, то полнота счастья с любимой невозможна принципиально. Отношения между людьми изначально обречены. Это обреченность на онтологическом уровне. В этой ситуации единственное, что остается человеку, так это осознание своего полного бессилия. Поэтому когда в финале повести смерть забирает Эллис, которая почти стала человеком, призрак восклицает: «О, я несчастная! Я могла бы... набраться жизни... а теперь... Ничтожество, ничтожество!» [3, 217—218]. Человек с его мечтами о таком желанном счастье полноценного общения с любимым, перед лицом непобедимой смерти — всего лишь ничтожество.

Не только личное счастье невозможно перед лицом смерти. Обесмысливается сама история. Исторические судьбы человечества несут на себе бремя той же самой фатальной обреченности, что и личные отношения рассказчика и Эллис. Куда бы таинственная спутница ни принесла героя, везде он видит полчища обескровленных призраков, которые обречены на то, чтобы кануть в забвение. Так, в Риме герою является целый сонм мертвецов, которые сопровождают бледный дух Цезаря; в Германии он видит бродячие сны в виде людей; в России он слышит голоса невидимых армий Степана Разина. Даже вполне реальные Париж, в котором как в муравейнике «уж очень много жизней сбилось... в одну кучу», и Петербург, погруженный то ли в белую ночь, то ли в «больной день», производят на героя удручающее впечатление. Очевидно, что на них уже при жизни лежит печать мертвенности. Все это всего лишь сонм призраков.

Пейзаж повести лишь усиливает эти мрачные настроения. В природе ощущается беспокойство и тревога. Она также несет на себе печать чего-то безликого, глухого, неумолимого и равнодушного. В этом смысле показательны описания мыса Благанг острова Уайт. Это проклятое место, где часто разбиваются корабли. Героя ужасает «разъяренное

море... Завывание бури, леденящее дыхание расколыхавшейся бездны, тяжкий плеск прибоя, в котором по временам чудится что-то похожее на вопли, на далекие пушечные выстрелы, на колокольный звон, раздирающий визг и скрежет прибрежных глыб, внезапный крик невидимой чайки, на мутном небосклоне шаткий остов корабля — всюду смерть, смерть и ужас» [3, 199].

Итак, в общих чертах идею, которая скрывается за образами рассказа, можно сформулировать следующим образом: перед лицом безликой, равнодушной и всемогущей смерти теряет смысл как личное счастье, так и человеческая история. Все это лишь призраки. И нет ничего, что могло бы придать глубокий, непреходящий смысл происходящему. И все, возможно, было бы не так трагично. Но проблема в том, что в герое живет предчувствие и желание этого высокого смысла. И в первую очередь оно выражено в его стремлении к личному счастью, полноценному общению к другим человеком, в желании видеть высокий смысл в самом историческом бытии человечества. Диссонанс между запросами духа и объективной данностью и есть причиной той тоски, которая ощущается на страницах повести.

Практически одновременно с «Призраками» Тургенев создает повесть «Довольно». В ней, как заметил один из критиков, писатель перевел «фантастические образы «Призраков»... на язык точной мысли» [3, 482].

Как указано в пояснении к заглавию повести, «Довольно» — «Отрывок из записок умершего художника», дневниковые записи, созданные на пороге смерти разочаровавшимся в жизни человеком, своего рода краткая автобиография-исповедь. Подобно «Призракам» повесть «Довольно» пронизана унынием и тоской. Однако здесь они ощущаются в еще большей степени. Возможно, свою роль в этом сыграло то, что идеи выражены теперь не в «расплывчатых» многозначных образах, но вкладываются автором непосредственно в уста героя и звучат в виде прямого слова (рефлексия персонажа, прямые комментарии произошедших с ним событий и пережитых им состояний). Не последнюю роль в создании такой атмосферы играет и то, что в записях большое место уделяется светлым воспоминаниям героя. А потому сильнее, нежели в «Призраках», ощущается контраст, который возникает между желаемым и реальностью, в данном случае — счастливым прошлым и мрачным настоящим.

Как и в «Призраках», здесь на первый план выступает личная трагедия героя, который потерял свою возлюбленную. Теперь он вспоминает те мгновения счастья, которые он с ней испытал. Они изображаются как абсолютное понимание и гармония между двумя людьми, единство, вплоть до полного взаимопроникновения, слияния в одно существо: «...Мы прислонились друг к дружке головами... Последние

преграды пали — и так успокоилась, так углубилась наша любовь, так бесследно исчезло всякое разъединение, что нам даже не хочется меняться словами, взглядом... Только дышать, дышать вместе хочется нам, жить вместе, быть вместе... и даже не сознавать того, что мы вместе...» [3, 224—225].

Это единство герой переживает как преодолевающее время, мыслит его как нечто вечное, то, что не должно прекратиться. При этом рассказчик косвенно дает понять, что это ощущение бесконечности счастья напрямую связано с горным благословением и предчувствием того, что душа человека бессмертна. «...Твой взор коснулся меня, скользнул выше и поднялся к небу, — а мне показалось, что только бессмертная душа может так глядеть и такими глазами» [3, 224].

Этой гармонии полноценных отношений двух личных начал, свету, бессмертию противостоят безликий хаос, тьма, смерть. Они нападают на счастье возлюбленных всей своей массой. «...Мы одни, одни в целом мире; кроме нас двоих, нет ничего живого; за этими дружелюбными стенами мрак, и смерть, и пустота... то жалуется и стонет Хаос; то плачут его слепые очи» [3, 224].

В повести не говорится, как именно герой потерял свою любовь. Бытовое измерение этой трагедии и не имеет значения. Рассказчик сразу переходит к ее осмыслению в онтологической плоскости: не слепой случай разлучил двух возлюбленных; этому просто суждено было быть, ведь так устроен этот мир — в нем царит смерть. Поэтому полнота счастья единства в любви «теряет все свое обаяние; все его достоинство уничтожается его собственной малостью, его краткостью» [3, 227].

Эта скоротечность жизни изначально обрекает всякие отношения на забвение. Поэтому с горькой иронией герой рассуждает: «...Человек полюбил, загорелся, залепетал о вечном блаженстве, о бессмертных наслаждениях — смотришь: давным-давно уже нет следа самого того червя, который выел последний остаток его иссохшего языка» [3, 227].

Факт смерти отравляет саму идею счастья, девальвирует всякие личные отношения, обесценивает само человеческое существование. По словам героя, перед ее лицом «самая суть жизни мелко-неинтересна и нищенски плоска» [3, 227].

Отсюда обесцениваются и теряют всякий смысл и остальные высокие и благородные проявления человеческого духа. Борьба за правду и справедливость — бессмысленна. Даже искусства и красота ввиду краткости человеческого века — всего лишь «бренность... тлен и прах» [3, 228].

Герой судорожно ищет в этом мире личное бессмертное начало, то, что придало бы хоть какой-то смысл его деятельности и самому существованию. Однако куда ни кинь взгляд, максимум, что он может разглядеть, так это природу.

Герой довольно много рассуждает о природе. Он говорит о ней как о начале равнодушном и безликом. Для него это «глухонемая слепорожденная сила», «которая даже не торжествует своих побед, а идет, идет вперед, все пожирая» [3, 229]. Она враждебна человеку и всему человеческому. Ведь как человек, так и все человеческое претендует на то, чтобы быть вечным и бессмертным. Однако перед лицом природы все это обречено. «...Рано или поздно она возьмет свое. Бессознательно и неуклонно покорная законам, она не знает искусства, как не знает свободы, как не знает добра; от века движущаяся, от века переходящая, она не терпит ничего бессмертного, ничего неизменного» [3, 228]. Однако это не значит, что в самой природе нет красоты и великолепия. Крыло бабочки, лепесток цветка не лишены изящества.

Здесь мы вплотную подходим к острию той проблемы, которая косвенно, при помощи образов, ставится уже в «Призраках». Если бы человек был бабочкой или лепестком, существом, лишенным личного начала и свободы, то не было бы трагичности и в его кратковременности. Ведь по незыблемым законам природы он повторился бы в той же самой конфигурации через тысячу лет. Однако проблема в том, что «человек не повторяется как бабочка, и дело его рук, его искусства, его свободное творение, однажды разрушенное, — погибает навсегда. Ему одному дано «творить»... но странно и страшно вымолвить: мы творцы... на час... В этом наше преимущество и наше проклятие» [3, 229].

Трагизм ситуации усугубляется еще и тем, что, ощущая высокие запросы своего духа, человек вместе с тем осознает свою кратковременность и скоротечность, или, по точному выражению одного исследователя, «вывихнутость» [6, 79] из потока истории и самого времени. Каждый человек «словно создан с преднамерением, с предначертанием; каждый более или менее смутно понимает свое значение, чувствует, что он сродни чему-то высшему, вечному — и живет, должен жить в мгновенье и для мгновенья» [3, 229—230].

В герое борются две силы: сердце и рассудок. Сердце рвется к вечному, чувствует бессмертное. Рассудок одергивает его как узду и заставляет обратиться к реальному опыту этой жизни. А потому он и восклицает: «пора взять голову в обе руки и велеть сердцу молчать. Полно нежиться сладкой негой неопределенных, но пленительных ощущений, полно бежать за каждым новым образом красоты, полно ловить каждое трепетание ее тонких и сильных крыл. Все изведано, — все перечувствовано много раз...» [3, 220].

Это и есть величайшая трагедия человеческого существа. Созданное для вечного счастья, для всего самого высокого и прекрасного, оно вынуждено существовать мгновение. Более того, оно обречено на то, чтобы осознавать и постоянно на собствен-

ном опыте переживать это противоречие. При этом оно может даже видеть выход из этого тупика. Однако взять ситуацию под контроль, заставить свои чувства молчать ему не суждено. Тяга к бессмертному, вечному так глубоко укоренена в нем, что даже силе ума не суждено с ней справиться. А потому участь всякого человека, по мысли героя, незавидна: «Сиди в грязи, любезный, и тянись к небу» [2, 230]. Все, что ему остается в этой ситуации, так это «сохранить ...единственное достоинство ему достоинство, достоинство сознания собственного ничтожества» [3, 226].

Вот что отравляет жизнь героя «Довольно», наполняет все его существование тоской, заставляет видеть в том, что происходит вокруг, лишь «толкучий рынок призраков» [3, 230].

И все же в повести можно увидеть едва-едва заметный намек на то, что надежда, хоть и практически утрачена, но все еще где-то теплится. Знаменательно, что при этом используются такие образы, как храм, лампада, икона святого. «Помнится, однажды поздней ночью, в Москве, я подошел к решетчатому окну старенькой церкви и прислонился к неровному стеклу. Было темно под низкими сводами — позабытая лампадка едва теплилась красным огоньком перед древним образом — и смутно виднелись одни только губы святого лика, строгие, скорбные; угрюмый мрак надвигался кругом и, казалось, готовился подавить своею глухою тяжестью слабый луч ненужного света... И в сердце моем — теперь такой же свет и такой же мрак» [3, 221].

Конечно, не приходится говорить о том, что герой доверяет Богу и надеется на Его помощь. Но очевидно то, что именно Его отсутствие он так остро переживает в своей жизни.

Итак, тоска, которая пронизывает повести «Призраки» и «Довольно», имеет не бытовое, но онтологическое измерение. Перед лицом неумолимой смерти и равнодушной, безликой природы теряют смысл всякие личные отношения между людьми, их социальная активность, творческие порывы, сама человеческая история. Осознание этого факта, его непреодолимости повергает героев в уныние и пассивность. Трагизм усиливается тем, что герои ощущают в себе «тягу к небу», свое «сродство с чем-то высшим и вечным», одним словом, живущие в них высокие запросы духа, и мучаются от того, что не могут эти запросы удовлетворить. Именно эти настроения — основа того глубокого пессимизма, который пронизывает повести Тургенева. Именно они определяют ту его специфику, о которой писал А. Батюто. По его словам, пессимизм Тургенева — не тот «бесчувственный», который мы встречаем в холодной и отстраненной философии стоиков и Шопенгауэра. Пессимизм Тургенева жизнеутверждающий. Он является свидетелем «неистребимой любви к жизни и человеку, следствием тоски по идеалу, по какому-

то иному, лучшему порядку в мире природы и в мире человеческих отношений...» [2, 39]

Вышеприведенный разбор произведений писателя показывает, что этот «лучший порядок» в своих основах имеет те ценности, которые провозглашает христианство. Подспудно в произведениях Тургенева присутствует скрытая надежда на то, что где-то могло бы быть вечное, заинтересованное в тебе личное Начало, Которое единственное способно наполнить смыслом, свободой, бессмертием все аспекты жизни человека, начиная с уровня межличностных отношений, заканчивая измерениями социальным, культурным и историческим. Укоренить все человеческое в вечности. Однако по какой-то причине героям Тургенева не удается это Начало обрести.

Поэтому не будет неверным сказать, что пессимизм Тургенева с его глубокой жадой превосходства личного над безличным, жизни над смертью, вечного над временным, с его тоской по полноценным, глубоким отношениям между людьми, с его требованием непреходящего смысла любой человеческой активности и самой истории — является ярким

свидетельством присутствия в творчестве писателя религиозной перспективы. На уровне архетипов оно коренится именно в христианском мировоззрении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никонова Т. А. Духовная ценность быта в книге И. Шмелева «Лето Господне» / Т. А. Никонова, Е. В. Юденкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2015. — № 4. — С. 49—52.
2. Батюто А. И. Тургенев — романист / А. И. Батюто. — Л.: Наука, 1972. — 392 с.
3. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т.: Сочинения в 12 т. / И. С. Тургенев. — М.: Наука. Т. 7. 1981. — 560 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Л.: Наука, Т. 28, кн. 2. — 1985. — 608 с.
5. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т.: Письма в 18 т. / И. С. Тургенев. — М.: Наука. Т. 5. 1988. — 640 с.
6. Николаенко Н. В. Тема поколения в творчестве И. С. Тургенева: мотив «вывихнутости» / Н. В. Николаенко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2009. — № 2. — С. 76—79.

Московская духовная академия
Барицкий Д. С., доцент кафедры филологии
E-mail: Baricky1981@yandex.ru

Moscow Theological Academy
Baritskii D. S., Docent of the Philology Department
E-mail: Baricky1981@yandex.ru

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ЛИРИКЕ Н. ГУМИЛЕВА: ОПЫТ ТИПОЛОГИИ

Л. Я. Бобрицких

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 ноября 2017 г.

Аннотация: в статье выстраивается типология героинь лирических произведений Н. Гумилева. Создавая галерею женских образов, автор опирается на философию и поэтику символизма. В анализируемых типах героинь Гумилева (женщина-идеал, женщина-тайна, женщина-игрушка, женщина-ребенок) с разной степенью интенсивности воплощаются Вечная Женственность и стихийное земное начало.

Ключевые слова: образ, Вечная Женственность, символизм, лирический герой, Н. Гумилев.

Abstract: in this article we developed the category of female characters in the lyrical works of N. Gumilev. Creating the gallery of female images the author used the philosophy and the poetry of symbolism as foundations. The eternal feminine and chaotic inception of the humanity are personified at a certain degree in the character types analysed in this article (the ideal woman, the mysterious woman, the plaything woman, the infant woman).

Keywords: image, eternal feminine, symbolism, poetic character, N. Gumilev.

Н. Гумилев, поэт-романтик, «конквистадор», «весело преследующий звезду», покоритель дальних стран, служитель прекрасного, через всю жизнь пронес трепетное отношение к женщине, до конца своих дней оставшись ее верным рыцарем и «слугой» ее «красоты». Создавая в своих стихах женские образы, он опирался на философию и поэтику символизма.

Одной из отправных точек философских и поэтических поисков символистов явилось учение Вл. Соловьева о «мировой душе», о гармонии красоты, добра и истины, олицетворением которых он назвал «Вечную Женственность», или мудрую Софию, призванную спасти мир. Соловьев утверждал, что София — единственная носительница духовности в мире. В соответствии с его философией, любовь выявляет начала «Вечно Женственного», присутствующие в каждом из нас, поэтому София является одновременно реальным объектом нашей любви и воплощением принципа «идеального единства» [1, 167]: «...задача истинной любви состоит не в том только, чтобы поклоняться ... высшему предмету, а в том, чтобы реализовать и воплотить его в другом, низшем существе той же женской формы, но земной природы» [1, 169]. На этом основании можно сделать вывод о том, что Соловьев не видел никакого святотатства в отождествлении отдельной женщины с Софией.

Поэты-символисты поют гимн женской красоте, томятся в отсутствии «Вечно Женственной» и надеются на встречу с ней. Вспомним блоковское:

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Всё в облике одном предчувствую Тебя.
Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо,

И молча жду, — тоскуя и любя. [2, 30]

В поэзии символистов женский образ воплощает в себе красоту и гармонию мира. Это собирательный образ женщины-идеала, и поэты оставляют его неопределенным, сохраняя дистанцию между собой и своим Божеством (ср. у Блока: «...в лицо мне глядит, озаренный, Только образ, лишь сон о Ней» [2, 52]). Сама она лишена всяких конкретных характеристик и предельно обобщена (например, у А. Белого: «Образ возлюбленной — Вечности — встретил меня на горах. <...> Там стоит, там манит рукой...» [3, 18—19]).

«Прекрасная Дама» Гумилева, как и у поэтов-символистов, не явлена прямо, образ ее лишен, подобно сну, отчетливых очертаний, что передается особой лексикой — «мечты», «бред весны», «сны» — со значением неопределенности, непостижимой тайны.

Так, в стихотворении «Я сам над собой насмехался...» облик героини условно-символичен: белые одежды, напоминающие «пеплум древних богинь», в «прозрачных и тонких перстах» — таинственная «хрустальная сфера», за плечами — пламя «ослепительного света» и «два золотых крыла». Она является для героя средоточием всего:

А все океаны, все горы,
Архангелы, люди, цветы —
Они в хрустале отразились
Прозрачных девических глаз. [4, 425]

Герой Гумилева, как и у поэтов-символистов, обожествляет возлюбленную, что подчеркивает библейская эмблематика: она для него — «Иерусалим пилигримов», «дрожание милых ресниц» и «улыбка любимых губ» «отрадней пения птиц, Благодатней ангельских труб» [4, 221], в ее голосе столько «сладостных гармоний», что он «звонче лютни серафима», а говорить о ней можно только на языке ангелов.

В создании образа важную роль играет цветовая и световая символика. В цветовой гамме гумилевских стихов преобладают краски, характерные для иконописи: золотой, белый, голубой, синий («косы золотые», «золотой серафим»; «белая роза», «белая, в белой одежде», «два белые стебля высоко закинутых рук»; «синяя звезда» и др.).

В туманной дымке вырисовывается как знак «истинного чуда» (Блок) сверкающее сияние («как ты сияешь...», «ты светла...», «...свет у тебя за плечами, Такой ослепительный свет»).

Говоря о любовной лирике Гумилева, С. Маковский справедливо заметил, что «почти все (его) стихотворения приводят к одному и тому же “духовному тупику” — к страшной тайне сердца, к призраку девственной прелести, которому в этом мире воплотиться не суждено» [5, 302].

Героиня Гумилева ведет «сердце к высоте», «рассыпая звезды и цветы» [4, 224] (согласно народному преданию, славянская богиня Лада «выводит весеннее солнце из-за туманных покровов зимы. В ярких красках зари наши предки видели рассыпаемые ею по небесному своду розы, а в росе — ее жемчужные слезы. Падают слезы на землю, и распускается всемирный цвет — свет дня, восходящее летнее солнце» [6, 49]). Однако счастье для героя возможно лишь во сне, бреду. А в реальности — томление по недосягаемому:

Вот стою перед дверью твоею,
Не дано мне иного пути,
Хоть и знаю, что не посмею
Никогда в эту дверь войти. [4, 225]

Здесь сказалась и убежденность Гумилева-акмеиста в том, что «непознаваемое, по самому смыслу этого слова, нельзя познать <...> все попытки в этом направлении — нецеломудренны» [7, 19].

В ряде стихотворений, рисуя облик «Вечно Женственной», Гумилев ориентируется на более четкие, по сравнению с символистской поэзией, образы («твой детский рот и смелый взгляд девический», «розовым девическим стопам», «твои молодые груди»). Вместе с тем, желая подчеркнуть «девственную прелесть» героини, поэт использует яркие образные средства, характерные для символистов: эпитеты («изящный лоб»), сравнения (глаза «как отблеск чистой стали»; щеки — «розоватый жемчуг юга»), метафоры («уста, что никого не целовали»; руки, которые «ласкали лишь друг друга, Переплетаясь в молитвенном экстазе») [4, 70].

Для героя Гумилева «две лучших звезды» — «смелые очи» любимой женщины. Она для него — «крылатый призыв к вышине» («О тебе»):

Благородное сердце твое —
Словно герб отошедших времен.
Освещается им бытие
Всех земных, всех бескрылых племен. [4, 224]
Однако, если в начале стихотворения звучит обра-

щение к земной женщине («О тебе, о тебе, о тебе...»), то постепенно женский образ обогащается новыми семантическими приращениями:

И когда золотой серафим
Протрубит, что исполнился срок,
Мы поднимем тогда перед ним,
Как защиту, твой белый платок. [4, 225]

Здесь, на наш взгляд, налицо связь с образом Пресвятой Богородицы, которая «незримо простирает свой Покров над русским людом, спасая его от невзгод, бед, всякого лихолетья» [8, 498]. Права Т. Ушакова, заметившая, что в данном стихотворении «образ воспринимается как конкретное явление, осмысленное как явление вселенской значимости и, наоборот, как Образ Вечной Женственности, воплотившейся в облике земной женщины» [9].

Такова героиня стихотворения «Канцона третья»: с одной стороны, это таинственная властительница, с другой — земная женщина, с которой связан герой:

Делюсь я с тобою властью,
Слуга твоей красоты,
За то, что полное счастье,
Последнее счастье — ты! [4, 222]

Таким образом, можно говорить о неоднозначности женского образа в лирике Гумилева.

Особый интерес в этом отношении представляет стихотворение «Она». Лирическая героиня почти сливается с портретом реальной женщины (Анны Ахматовой). Она узнаваема: ее характер — «молчанье, Усталость горькая от слов...»; ее духовные интересы — «ее душа открыта жадно Лишь медной музыке стиха, Пред жизнью долней и отрадней Высокомерна и глуха» [4, 130]; ее походка («неслышный и неторопливый, Так странно плавлен шаг ее...») и внешность («Назвать нельзя ее красивой...» [4, 130]), а также характер отношений с лирическим героем: «Когда я жажду своеволий И смел и горд — я к ней иду Учиться мудрой сладкой боли В ее истоме и бреду» [4, 130]. Но последняя строфа указывает на ее принадлежность к миру иному: она «держит молнии в руке», ее сны «как тени На райском огненном песке» [4, 130]. В этом загадочном женском образе Р. Эшельман выделяет три ипостаси. Эмблема героини — «молнии в руке» — отсылает нас к образу древнегреческой богини Афины, часто изображавшейся со стрелой в виде молнии. Данному мифологическому образу соответствуют и «такие приметы, как ее глаза, ассоциирующиеся с глазами совы (сова — атрибут Афины); медная музыка — с Афиной, богиней музыки, в том числе военной; эмоциональный холод — с девственностью богини и т.д.» [Цит. по: 10]. «Второй план стихотворения связан с реальным прототипом — Анной Ахматовой, чей портрет и характер ... узнаются в образных деталях. Наконец, “Она” изображает общую категорию женщин, в представлении

Гумилева отличающихся холодом и склонностью к отвержению, а также неутоленностью в любви» [Цит. по: 10].

Последнее замечание находит свое выражение в целом ряде лирических текстов поэта. Так, в стихотворении «Кенгуру. Утро девушки» героиня, «охваченная истомой», грезит о нем, «дальнем, незнакомом», о его ласках («Я хочу к кому-нибудь ласкаться, Как ко мне ласкался кенгуру» [4, 106].

Страстью охвачена и героиня стихотворения «Песня Дриады». Образы страсти имеют особое значение в поэзии символистов. Так, в 1904 году В. Брюсов писал: «Страсть — это тот пышный цвет, ради которого существует, как зерно, наше тело, — ради которого оно изнемогает в прахе, умирает, погибает, не жалея о своей смерти» [11, 115]. «Целомудрие есть мудрость в страсти, сознание святости страсти. Грешит тот, кто к страстному чувству относится легкомысленно» [11, 119]. Героиня Гумилева полна страстного ожидания любви («Я люблю тебя, принц огня <...> Так давно я ищу тебя...» [4, 37]. Поэт создает в стихотворении атмосферу страсти, используя для этого такие словесные образы, как «объятья», «поцелуй» и др. Напряженность страсти выражается в метафорах «пламени» (горения, огня), характерных для поэтики символистов (ср.: у Гиппиус — «... мы горим в непонятном огне Любви никогда небывалой» [12, 78]): «принц огня», «горит... алый камзол». Особую торжественность моменту придают слова и выражения, которые являются традиционной принадлежностью условно-поэтического стиля («сверкают милые очи», «уйду от лобзаний ночи», «из лучей нам постелет ложе»). Однако героям не суждено быть вместе: она — «дриада» («... в греческой мифологии нимфы, покровительницы деревьев...» [13, 407], он — «принц огня», и поэтому всё происходящее лишь «сны золотых цветов», но, несмотря ни на что, напряженное переживание остается для героев самым ценным содержанием жизни.

Женский образ у Гумилева, как и у поэтов-символистов, часто окутан тайной, что подчеркивают такие художественные детали, как «вуаль», «даль» и др., как, например, в стихотворном цикле «Беатриче»: «Заворожи, как дымчатой вуалью, Моих садов мучительную даль» [4, 111]. В этих строках явная отсылка к блоковской «Незнакомке»:

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль. [2, 126]

Ощущение «тайны» делает переживание мира сказочным и чудесным.

Настроением тайны проникнуто и стихотворение «Из логова змиева», которое погружает нас в эпоху языческой Руси, отсылает к «преданьям старины глубокой», на что указывают следующие топоры: древний Киев как «логово змиево» (в коммента-

риях к I тому Н. Гумилева, объясняя это название, Н. А. Богомолов ссылается на энциклопедию «Мифы народов мира»: «Украинское предание связывает происхождение Днепра с божьим ковалем: кузнец победил змея, обложившего страну поборами, впряг его в плуг и вспахал землю; из борозд возникли Днепр, днепровские пороги и валы вдоль Днепра («Змиевы валы»)» [13, 648]; со змеем древний Киев связан и былинным эпосом (см. «Добрыня и змей», «Алеша Попович и Тугарин Змеевич»); днепровские омуты; Лысая гора, где устраивала шабаши нечистая сила; сказочная «птица-певунья», а также простонародная лексика: «забавница», «своенравница», «неможется», «топорщится», «покликаешь», «по-мудреному». Начальные строки с анафорой «Из города Киева, Из логова змиева» напоминают традиционный былинный зачин (ср.: «Из того ли-то из города из Муромля, Из того села да с Карачирова...» [14, 103] («Илья Муромец и Соловей-разбойник») или «Из-за моря, моря синего, Из-за синего моря Халынскаво...» [14, 331] («Соловей Будимирович»). Именно этому колдовскому миру принадлежит героиня Гумилева («Я взял не жену, а колдунью»). Герою непонятно ее томление, ему не дано проникнуть за пределы ирреального мира. В строках: «...крещеному, С тобой по-мудреному Возиться теперь мне не в пору; Снеси-ка истому ты В днепровские омуты, На грешную Лысую гору» [4, 131], — передается «ироничное отношение к ее тоске, восприятие ее мира не всерьез, не как чего-то стоящего внимания» [9]. Вместе с тем ему жаль женщину («Мне жалко ее, виноватую...»), хотя вина ее также остается для лирического героя загадкой.

Полным тайны для героя Гумилева является и мир театра, что особенно ярко выражается в стихотворении «Сада-Якко». Здесь поэт создает игрушечно-театрализованную атмосферу с декорациями («Группы бабочек и лилий На шелку зеленоватом»), в центре которой «игрушечная» героиня (как и окружающий ее мир):

Вы казались бонбоньеркой
Над изящной этажеркой,
И, как беленькие кошки,
Как играющие дети... [4, 61]

Героиня живет в только ей принадлежащем мире («И когда Вы говорили, Мы далекое любили...»), недоступном окружающим («Вы бросали в нас цветами Незнакомого искусства, Непонятными словами Опьяняя наши чувства...» [4, 61].

В стихотворении Гумилева «Китайская девушка» «игрушечный» мир героини также подчеркнуто ограничен («Голубая беседка Посредине реки, Как плетеная клетка, Где живут мотыльки» [4, 198]), он отделен от остального мира с «качающимися ветками», «скользящими челноками». На игрушечность, искусственность мира, окружающего героиню, указывают такие детали, как «кусты фарфоровых роз», «блестящий золотой хвост металлической птицы».

Мир «игрушечный» обычно связан с образом детей (вспомним строки из стихотворения «Сада-Якко»: «Как играющие дети, Ваши маленькие ножки Трепетали на паркете...» [4, 61]). Так, в стихотворении «Отказ» перед нами предстает хрупкая, утонченная женщина, стремящаяся навстречу своему счастью, к «бирюзовым владениям влюбленного принца». «Мир “царицы” и “серебряных зорь” кажется полудетским» [9] (строка: «Царица — иль, может быть, только печальный ребенок» [4, 58] — не случайна в тексте: только возвышенные, романтические натуры и дети верят в таинственное, чудесное и стремятся к нему, не задумываясь о зыбкости и непрочности созданного ими мира). Мотив несбыточности надежд в последних двух строках звучит с особой болью:

Царица — иль, может быть, только капризный ребенок,

Усталый ребенок с бессильною мукою взгляда. [4, 59]

Особое место в лирике Гумилева занимает образ Беатриче, которой посвящен отдельный стихотворный цикл. По мнению А. Рослого, «в образе Беатриче акмеисты воспринимали группу идеальных понятий, своеобразный архетип. Для них значимы святость, призвание быть спутницей, музой, безгрешность, преодоление смерти, вечная слава и т.д.» [15, 17]. Наряду с этим поэт переосмысливает традиционное восприятие возлюбленной Данте. С одной стороны, Гумилев называет ее «лепестком иранских белых роз», что символизирует чистоту и святость героини (идеал женской красоты), с другой — это «странная белая роза В тихой вечерней прохладе», связанная со «странной тайной», о чем свидетельствуют риторические вопросы: «Что это? Снова угроза Или мольба о пощаде?» [4, 110]. Лирический герой находится во власти чар любимой женщины («Я оставил соблазн роковых своеволий, Усмиренный, покорный, я твой навсегда» [4, 111]), он готов принять от нее и ласки, и «смертную дрожь», которая уведет его к «островам совершенного счастья» [4, 112].

Черты Беатриче мы находим и в женских образах стихотворений «Девушке», «Сомнение», «Жестокое». Поэт подчеркивает «томность ... скрещенных рук» и «спокойную скромность» и «стыдливый испуг» своей героини, она «надменна» и одновременно «нежна и чиста», «пленительная» и «злая», а ее «покорность», ее «трепет» «лишь бред весны и сны».

На контрасте строится и образ героини стихотворения «Рассыпающая звезды»: она «нежный друг» и «беспощадный враг», она «светла», но ее «глаза большие зажжены Светами магической луны» [4, 224] (у всех славян лунный свет считается опасным, так как он «привлекает нечистую силу. На молодом месяце ведьмы собираются на игрища» [16, 146]).

В героине стихотворения «Это было не раз...» также сочетаются противоположные начала, что подчеркивает оксюморон «враждующий друг». В ос-

нове стихотворения лежит прием антитезы: любовное чувство — «битва глухая и упорная»; «стоны любви» — «стоны мук»; «поцелуи — окрашены кровью». Для Гумилева, как и для поэтов-символистов, любовь — это смертельный поединок (ср.: у Брюсова — «Я бросил щит, я уступаю, — Лишь дай, припав устами к краю, Огонь отравы пить до дна!» [17, 195]):

Тебе восторг — мой стон последний,

Моя прерывистая дрожь. [4, 86]

Согласно поэтике символизма, Прекрасной Даме присуща некая двойственность: «Женщина-идеал несет в себе как животворную, так и разрушительную силу» [18, 94], «любовь к женщине драматична по своей сути», а сама Прекрасная Дамы — «вестница трагедии» [18, 98]. Так, героиня Гумилева — «предвестница бури, и крови, и страсти, И радостей злых, и хмурых несчастий» [18, 121]. «Синей звездой» зовет лирический герой «девушку с огромными глазами, девушку с искусными речами», «“милую девочку”, с которой ему “нестерпимо больно”» [5, 302—303]. Он всего лишь «раб истомленный» «перед ее “мучительной, чудесной, неотвратимой красотой”. И не о земном блаженстве грезит он, воспевая ту, которая стала его “безумием” или “дивной мудростью”, а о преображенном, вечном союзе, соединяющем и землю, и ад, и Божьи небеса» [5, 303]:

... ты могла явиться мне

Молнией слепительной Господней

И отныне я горю в огне,

Вставшем до небес из преисподней... [4, 383]

Как справедливо заметила Т. А. Пахарева, «Гумилев во многом продолжает символистскую традицию, создавая женские образы в своей поэзии по уже знакомым нам моделям “ангел/демон” и “святая/блудница”» [19, 235] (ср.: у Брюсова — «Ты — женщина, ты — ведьмовский напиток!» [17, 93]). «Наиболее лаконично и ёмко эта концепция... выражена в “Сне Адама”, где Ева предстает воплощением обоих противоположных типов женственности» [19, 235]: «Вот Ева — блудница, лепечет бессвязно, Вот Ева — святая, с печалью очей» [4, 121], а также во многих стихах, связанных с образом Анны Ахматовой (например, уже упомянутая нами «жена-колдунья» в стихотворении «Из логова змиева», и «ангелоподобная» в акrostихе «Ангел лег у края небосклона...»).

Итак, как показывает проведенный анализ, героиня лирических текстов Гумилева многолика. Прежде всего это женщина-идеал, к которому тщетно стремится лирический герой. Женщина-тайна, воздушная, как дымка, как туман, также остается для него недостижимой. Женщина-игрушка, женщина-ребенок живут в ими созданном искусственном и оттого зыбком, непрочно мире, в котором нет места герою. Женский образ у Гумилева амбивалентен: он олицетворяет собой земную женщину и одновременно образ «Вечной Женственности»; в нем сочетаются черты идеальности, святости и вместе с тем

бунтующего начала. Героиня несет лирическому герою как непомерное счастье, так и боль и печаль, а любовь превращается для него в «поединок роковой» (Тютчев).

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев В. С. Смысл любви: Избранные произведения / В. С. Соловьев; сост., вступ. ст., коммент. Н. И. Цимбаева. — М.: Современник, 1991. — 525 с.
2. Блок А. А. Стихотворения. Поэмы. Воспоминания современников / А. А. Блок; вступ. ст., сост. и прим. Т. Н. Бедняковой. — М.: Правда, 1989. — 592 с.
3. Белый А. Стихотворения и поэмы / А. Белый. — М.: Профиздат, 2006. — 288 с.
4. Гумилев Н. Сочинения: в 3 т. / Н. Гумилев; вступ. ст., сост., примеч. Н. Богомолова. — М.: Худож. лит., 1990. — Т. 1. Стихотворения; Поэмы. — 590 с.
5. Маковский С. На Парнасе Серебряного века / С. Маковский. — М.: XXI век — Сogласие, 2000. — 560 с.
6. Артемов В. Мифы и предания славян / В. Артемов. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. — 304 с.
7. Гумилев Н. Сочинения: в 3 т. / Н. Гумилев; подгот. текста, примеч. Р. Тищенко. — М.: Худож. лит., 1991. — Т. 3. Письма о русской поэзии. — 430 с.
8. Некрылова А. Ф. Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома / А. Ф. Некрылова. — СПб.: Азбука-классика, 2007. — 768 с.
9. Ушакова Т. Символ и аллегория в поэзии Николая Гумилева: дис. ... канд. филол. наук / Т. Ушакова. — Режим доступа: <https://gumilev.ru/about/66/> (дата обращения: 14.07.2017).
10. Струве Г. Примечания. «Она» / Г. Струве, Б. Филиппов. — Режим доступа: <https://gumilev.ru/notes/83/> (дата обращения: 14.07.2017).
11. Брюсов В. Я. Среди стихов: 1894—1924: Манифесты, статьи, рецензии / В. Я. Брюсов. — М.: Сов. писатель, 1990. — 720 с.
12. Гиппиус З. Н. Живые лица. Стихи. Дневники: в 2 кн. / З. Н. Гиппиус. — Тбилиси: Мерани, 1991. — Кн. 1. — 397 с.
13. Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. — М.: Сов. энциклопедия, 1980. — Т. 1: А–К. — 672 с.
14. Былины / вступ. ст. В. Калугина. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1998. — 512 с.
15. Рослый А. С. Данте в эстетике и поэзии акмеизма: система концептов (на материале творчества А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. С. Рослый. — Ростов н/Д, 2006. — 23 с.
16. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. — М.: Междунар. отношения, 2004. — Т. 3: К–П. — 704 с.
17. Брюсов В. Я. Избранные сочинения / В. Я. Брюсов; сост., вступ. ст. и примеч. А. Козловского. — М.: Худож. лит., 1980. — 574 с.
18. Новикова Т. «Прекрасная Дама» в культуре серебряного века / Т. Новикова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. — 1998. — № 1. — С. 90—100.
19. Пахарева Т. А. Образ «монахини-блудницы» в культурном контексте Серебряного века / Т. А. Пахарева // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. — Симферополь, 2011. — Вып. 9. — С. 227—237.

Воронежский государственный университет

Бобрицких Л. Я., кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы

E-mail: kafruslit@gmail.com

Voronezh State University

Bobritskikh L. Y., Candidate of Philology, Associate Professor of the History and Typology of Russian and Foreign Literature Department

E-mail: kafruslit@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В СОБЫТИЙНОМ РЕПОРТАЖЕ

Н. В. Вальтер

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 августа 2017

Аннотация: целью данного исследования является изучение особенностей употребления глагольных форм в текстах событийных репортажей. В статье приводятся интересные случаи употребления глаголов, когда их прямое временное значение изменяется в зависимости от контекста. Источниками для исследования послужили материалы интернет-изданий, таких как «Русский репортер», The Village, «Газета.ру», Meduza, «Новая газета», «Сноб».

Ключевые слова: глагольные формы времени, текст, событийный репортаж, текстовые категории, план коммуникации, план информации

Abstract: in our study, we focus on the usage of various verb forms in the texts of event reports. The paper presents the brightest examples of verb usage. Specifically, we detail the cases when the direct tense meaning may vary depending on the context. The material for the research was derived from Internet sources such as Lenta, Russian Reporter magazine, The Village, Meduza, Novaya Gazeta newspaper, and Snob magazine.

Keywords: verb tense forms, text, event report, text categories, communication plane, information plane

Событийный репортаж характеризуют две яркие особенности — оперативность и актуальность. В основе текста всегда лежит общественно-значимое событие, очевидцем которого является репортёр. Он наглядно отображает всё, что ему удаётся узнать, стремится максимально точно передать динамику происходящего, сопровождая своё повествование фактами, деталями и подробностями, дополняющими информацию. Как отмечает М. Н. Ким, в этом типе репортажа «слово репортера не организует, не ведет событие, а следует за ним» [1, 25].

В то же время автор имеет возможность поделиться с читателями своей оценкой события, впечатлениями, сопровождать их собственными рассуждениями и комментариями, потому что это способствует созданию эффекта присутствия — неотъемлемой составляющей событийного репортажа.

Для исследования различных текстовых категорий в событийных репортажах мы привлекли материалы интернет-изданий «Русский репортер», The Village, «Газета.ру», Meduza, «Новая газета», «Сноб». Выяснилось, что важное значение для событийного репортажа имеет категория времени глагола.

Основой лингвистического времени в русском языке является, как известно, грамматическое время, которое во взаимодействии с лексическим, синтаксическим и контекстуальным временем составляет функционально-семантическое поле темпоральности [2, 50].

Для того, чтобы правильно определить отношения между грамматическими формами глагола

в русском языке, важно учитывать оппозицию, на которую обратил внимание Н. С. Поспелов. Он предложил разделять время говорения и время повествования в соответствии с двумя рядами грамматических значений в глагольных формах времени — с планом коммуникации и планом информации.

План коммуникации представляет собой свободную речевую деятельность говорящего, не ограниченную никаким специальным заданием. План информации передает сообщение о событиях в рассказе о прошлом, при регистрации происходящего в настоящем или планировании предстоящего, будущего действия [3, 83—99].

Исходя из этого, можно предположить, что каждая грамматическая форма времени может быть выражена с помощью следующей оппозиции: актуальный момент речи (план коммуникации) — неактуальный момент речи (план информации), а каждая глагольная форма представлена следующими оппозициями: настоящее актуальное — настоящее неактуальное, будущее актуальное — будущее неактуальное, прошедшее актуальное и прошедшее неактуальное. Из этого следует, что между временными формами глагола и выражаемыми ими смыслами нет однозначного соответствия [4, 28—32]. Совпадение с моментом речи — лишь разновидность, оттенок общего значения.

Так, «форма настоящего времени, — замечает Д. Н. Кудрявский, — может вовсе не иметь значения времени, обозначая и то, что относится ко всякому времени».

По мнению В. В. Виноградова, основное значение настоящего времени — это «обозначение действия,

осуществляющегося вне ограничений временем при всяких вообще условиях, обычно, постоянно, и вследствие этого как бы свойственного субъекту». А про будущее время академик говорил что оно «тоже употребляется без всякого оттенка времени, подобно настоящему, чаще всего в описаниях» [5, 137].

Анализируя тексты событийных репортажей, мы столкнулись с ярко выраженными особенностями употребления глагольных форм.

Глаголы в форме настоящего времени часто называют такое действие, которое мыслится как постоянное, проявляющееся вне времени, например:

- Впервые в истории конкурс патриотической песни проводится под эгидой вновь образованных Федеральной службой войск национальной гвардии. Эта структура является правопреемницей целого ряда силовых составляющих и продолжает выполнять задачи по обеспечению внутренней безопасности нашей страны. Таким образом, мы сопрягаем воспитание наших детей с теми славными традициями, которыми насыщена история наших силовых структур. («Росгвардия подала голос», Новая газета)

- Находившиеся в Карабахе и освещавшие конфликт журналисты узнали об этом прямо на позициях, которые занимают военные непризнанной республики. («Один снаряд за день», Meduza)

Глаголы является — продолжает выполнять — сопрягаем — занимают, стоящие в форме настоящего времени, указывают не на конкретное актуальное время, а на действия, которые выполняются в течение длительного неопределённого отрезка времени (и в прошлом, и сейчас, и, возможно, в будущем).

- В этот день дети благодарят своих матерей, клянутся любить и заботиться о них всю жизнь, проводят время в совместных молитвах, а вечером собираются всей семьёй на праздничный ужин. («Взрывы в День матери», Газета.ру)

- У нас в Туле на митингах хорошо! Там чаёк наливают, гречкой кормят... («Концерт в честь присоединения Крыма», Сноб)

В этих примерах глаголы в форме настоящего времени указывают на действия, которые из года в год, из раза в раз, выполняются одинаково, по традиции.

Эти примеры подтверждают существование в современной речи вневременного значения глагола в настоящем времени, для которого настоящее время не актуально, оно употребляется безотносительно к определённому временному моменту.

Глаголы в форме прошедшего времени не всегда обозначают события, происходящие в прошлом. Они могут означать такое прошедшее действие, результаты которого напрямую связаны с настоящим, и вообще не имеют конкретной привязки к хронологической временной последовательности. Можно сказать, что такие формы глагола, встречающиеся в современных текстах, являются примером так на-

зываемого старого русского перфектного времени (прошедшего неактуального).

- В кои-то веки подневольные бюджетники проявили характер и на несколько минут разбили строй полицейских, чтобы скорее покинуть мероприятие, которое даже не начиналось. («Концерт в честь присоединения Крыма», Сноб)

Приведённый пример важно рассматривать в контексте всего репортажа. Корреспондент описывает события, которые происходят в настоящий для него момент. Постоянно чередует глаголы прошедшего и настоящего времени, описывая течение концерта. Время, как таковое, в этом репортаже не разбивается на прошлое и на настоящее, всё оно составляет одно — актуальное для описываемого информационного события, время.

- В пятницу вечером питерские дальнбойщики объявили, что разбивают у «Меги» в Химках лагерь минимум на неделю. Похоже, что решение депутатов Госдумы, которое в тот же день снизили штраф за неуплату «Платону» с 450 тысяч до 5 тысяч рублей, их не удовлетворило. («Шершавенькой вам дорожки», Новая газета)

В этом примере, как и в предыдущем, смысл употребления форм глаголов в прошедшем времени нивелируется общим контекстом. Объявление дальнбойщиков было важно и тогда и действительно сейчас, как и снижение цен. Эта информация безотносительна к конкретному времени.

Кроме того, в одном предложении можно встретить употребление глаголов в форме разных времён — настоящего и прошедшего, хотя время, обозначаемое ими, не отличается друг от друга с точки зрения отношения к моменту речи:

- «Ещё через час несколько десятков телекамер смогли снять, как Улюкаев заходит в зал». («Последнее выступление министра. Алексея Улюкаева отравили под домашний арест», Meduza)

Совмещение в тексте глаголов настоящего и прошедшего времени также выражает вневременное действие, происходящее безотносительно к моменту речи.

Оппозиция *актуальное время* и *время неактуальное* характерна и для глаголов в форме будущего времени.

- Олеся описывает студента Сколково так: «Наш студент — не классический студент МВА. Он готов рисковать, в душе он предприниматель, и, когда он будет возвращаться после обучения в корпорацию, он будет делать это не для того чтобы преодолевать новые ступеньки в карьере, а чтобы привносить инновации в корпорацию. Или будет создавать свой бизнес» (Репортаж из школы управления «Сколково», The Village).

В приведённом примере глаголы стоят в форме будущего времени, но его не обозначают, они передают действие, происходящее продолжительное, но неопределённое время.

Исходя из проанализированных нами примеров, можно сделать вывод о том, что глагольные формы в текстах событийных репортажей имеют вневременной характер и употребляются преимущественно в значении актуального с точки зрения смысла сообщаемой в репортаже информации момента, безотносительно к точному грамматическому значению. Данная особенность семантики глагольных форм в событийном репортаже позволяет репортеру придать тексту динамизм и экспрессию, повышает воздействующий потенциал текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ким М. Н.. Основы творческой деятельности журналиста: Учебник для вузов / М. Н. Ким. — СПб.: Питер, —2011.—400 с.

тер, —2011.—400 с.

2. Бондарко А. В. Русский глагол. Пособие для студентов и учителей / А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. — Л.: Просвещение, 1967. — 190 с.

3. Поспелов Н. С. О двух рядах грамматических значений глагольных форм времени в современном русском языке / Н. С. Поспелов // Мысли о русской грамматике. — М., 1990. — С. 83—99.

4. Козлова, Р. П. К вопросу о значении глагольных форм времени в русском языке / Р. П. Козлова // Вестник Тамбовского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 1. — Тамбов, 1998. — С. 28—32.

5. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов / Под. ред. Г. А. Золотовой. — 4-е изд. — М.: Рус. яз., 2001. — 720 с.

Воронежский государственный университет

Вальтер Н. В., аспирант кафедры общего языкознания и стилистики

E-mail: valtner.91@mail.ru

Voronezh State University

Valter N. V., Postgraduate Student of the General Linguistics and Stylistics Department

E-mail: valtner.91@mail.ru

НЕКРАСОВСКИЕ ОБРАЗЫ НАРОДНЫХ ЗАСТУПНИКОВ В КАВКАЗСКОЙ ПОЭЗИИ XIX—XX ВВ.: ЭТИЧЕСКОЕ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ

И. А. Гасанов

*Большеарешевская средняя общеобразовательная школа
Кизлярского района Республики Дагестан*

Поступила в редакцию 5 ноября 2017 г.

Аннотация: статья посвящена анализу проблемы влияния некрасовских образов борцов за народ на кавказскую поэзию XIX—XX вв. Устанавливается, что диапазон воздействия эстетической системы Некрасова на кавказскую лирику включает и социальные, и этические, и философские мотивы. Обосновывается мысль о том, что и Некрасов, и кавказские поэты считали возможным соединить высшие гуманные начала и методы революционной борьбы. Особое внимание обращено на представления Некрасова и кавказских поэтов о самопожертвовании как высшей форме проявления любви к народу.

Ключевые слова: традиции; самопожертвование; интертекстуальность; народные заступники; кавказская поэзия

Abstract: the article is devoted to the analysis of the problem of the influence of Nekrasov's images of fighters for the people on the Caucasian poetry of the 19th-20th centuries. It is established that the range of influence of Nekrasov's aesthetic system on the Caucasian lyrics includes both social, ethical, and philosophical motives. The author substantiates the idea that both Nekrasov and Caucasian poets considered it possible to combine the highest humane principles and methods of revolutionary struggle. Particular attention is paid to the views of Nekrasov and the Caucasian poets on self-sacrifice as the highest form of manifestation of love for the people.

Keywords: traditions; Self-sacrifice; Intertextuality; Popular defenders; Caucasian poetry.

В современном литературоведении понятия интертекстуальность, интертекст стали чрезвычайно актуальными и востребованными. После исследований М. М. Бахтина, Ю. Кристевой, Ж. Женнет, И. В. Арнольд и др. феномен способов взаимодействия текстов разных литератур и культур приобретает новые очертания и смысл, способствует более глубокому пониманию литературных и культурных традиций.

В этом контексте наше обращение к поэзии Некрасова в аспекте влияния его образов народных заступников на кавказскую лирику XIX—XX вв. становится актуальным. Оно позволит нам высветить новые грани интертекстуальных связей, осмыслить важную роль поэзии Некрасова в развитии кавказской литературы.

Серьезный вклад в изучение влияния творчества Некрасова на кавказскую литературу внесла Всесоюзная научная конференция, организованная Ереванским университетом и Институтом мировой литературы им. А. М. Горького в 1971 г. По итогам конференции был выпущен сборник [1]. Необходимо, пожалуй, отметить и труд известного учёного Р. Ф. Юсуфова «Общность литературного развития народов СССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1985 (отдельная глава посвящена влиянию лирики Некрасова на литературу Поволжья и Северного Кавказа). Однако многие аспекты проблемы в силу объектив-

ных причин остались вне поля зрения исследователей, в том числе и проблема воздействия некрасовских образов народных заступников на кавказскую литературу.

Прежде всего необходимо определить суть некрасовской концепции героя, выяснить причины весьма сложного синтеза в его творчестве революционных и христианских идей, истоков романтических представлений о будущем как о царстве справедливости и методах достижения цели.

Социальная и экзистенциальная мечта Некрасова о счастливой жизни воплотилась в его представлениях о самопожертвовании. Ученый В. И. Мельник замечает: «Некрасов, поэт страдания, поэт, имеющий комплекс вины перед народом, поэт личного покаяния и преклонения перед подвигом самопожертвования, не всегда различал, так сказать, нравственное содержание подвига. Его как бы увлекает сама идея — положить душу «за други своя» [2, 129].

Подобная же мысль утверждается М. М. Дунаевым: «Некрасов также принял участие в известном рода канонизации революционеров, принёсших себя в жертву своей борьбе» [3, 141].

Некрасовское отношение к борцам за народное дело амбивалентно (преклонение перед их мученичеством сменяется мотивами неверия и сомнения). Однако в некрасовской антропологии этическое всегда доминировало над революционным в решении социальных и экзистенциальных проблем (со-

ветское литературоведение было нацелено именно на этот мотив).

Истинное отношение Некрасова к человеку раскрывается в письме В. П. Боткина к нему: «Я не знаю другого сердца, которое так же умеет любить, как твое, — только ты любишь без фраз и так называемых излияний» [4, 242].

Некрасовские образы борцов эстетически ущербны, несколько рассудочны, но поэт попытался создать новую художественную модель борца-подвижника, в котором соединились бы активное сопротивление злу и христианские заповеди. Некрасов, очевидно, понимал несостоятельность своей грандиозной попытки создать новую этическую систему ценностей — поэтому столько скорбной силы в его покаянных стихах.

О сути мироощущения Некрасова прекрасно сказано известным некрасоведом Н. Н. Пайковым: «От критики и его тогдашнего окружения Некрасов впитал идеи возможности построения справедливого общественного уклада, социального гуманизма и идейного подвижничества. Этим убеждениям он не изменит никогда. Но точно так же никогда поэт не обращался в социалиста на революционно-демократический лад. Он был скорее моралист и метафизик, нежели нигилист и утилитарист» [5].

Значительный корпус некрасовских стихотворений посвящён изображению образов борцов за народ, они, для поэта, — подвижники, посвятившие себя святому делу.

В произведениях «Пророк», «Памяти Добролюбова», «Памяти Белинского», «Смолкли честные, доблестно павшие», «Медвежья охота», «Поэт и гражданин», в поэмах «Белинский», «Несчастные» и др. Некрасов рисует свой идеал борца за народную правду. Образы борцов полны патетики, в них аккумулярованы некрасовские этические представления.

Образы народных заступников не лишены налёта идеализации, но примеров самопожертвования в русской жизни в эпоху Некрасова было достаточно (Михайлов, Чернышевский, народовольцы).

Именно этот высокий дух самопожертвования и призывы Некрасова посвятить свою жизнь борьбе за народное дело оказались созвучны настроениям кавказской интеллигенции XIX — начала XX вв.

Прежде всего, в кавказской поэзии находит отзвук некрасовская жажда героя — заступника за правду народную. Произведения, в которых отразился подобный мотив, отсылают нас к некрасовским текстам (т.е. к претекстам):

Некрасов:

Но где герой, кто выведет
Тебя на свет?

[6, 137].

С. Габиев:

Кто факел вознесёт рукою властной?
Чей смелый, звонкий прозвучит призыв?
[7, 347].

К. Хетагуров:

Где же ты вождь наш? Для радостей жизни
Нас собери своим словом теперь.

[8, 10].

Налицо интертекстуальная перекличка образов С. Габиева, К. Хетагурова с некрасовскими представлениями о герое (влияние некрасовских традиций на лирику К. Хетагурова, С. Габиева является несомненным фактом).

Можно утверждать, что строки из текстов С. Габиева и К. Хетагурова являются трансформированными цитатами из лирики Некрасова, но они служат С. Габиеву и К. Хетагурову как структурные элементы собственных текстов. В ряде произведений К. Хетагуров создал образ борца за свободу, который полон трагизма и противоречий. В стихотворении «За заставой» явственно звучат некрасовские мотивы разочарования, сомнений в победе над злом, малодушия некоторых борцов за народное дело. Затрагивается К. Хетагуровым и (болезненный для Некрасова) мотив бесперспективности усилий народных заступников преодолеть враждебность «остервенелой толпы» («Толпа»). Интертекстуальная перекличка образов этого стихотворения с некрасовскими «Последними элегиями» несомненна. Жажда героя, способного на самопожертвование, отражена К. Хетагуровым и в стихотворении «На Bis»:

Ищу готового пойти с ним на Голгофу
Для блага родины, страдая и любя (8, 33).

Некрасовская социальная и нравственная философия близка габиевской. Дагестанский поэт и революционер впервые познакомился с поэзией Некрасова во время учёбы в Ставропольской гимназии через К. Хетагурова, а потом глубже, будучи студентом Санкт-Петербургского университета (1905—1911 гг.).

Прямые призывы к революционной борьбе с оружием в руках сочетаются в его творчестве с воспеванием братских отношений между людьми. Так, он пишет лаксскому поэту и просветителю М. Чаринову: «Слушайте моих советов, моих слов. Живите как братья. Любите друг друга» [9].

Некрасовский образ подвижника, посланного «Рабам земли напомнить о Христе» («Пророк») оказался созвучен образу народного заступника у С. Габиева. Интертекстуальные связи стихотворения С. Габиева «Реквием» и нескольких произведений Некрасова, в том числе «Смолкли честные, доблестно павшие», «Кому на Руси жить хорошо», «Русские женщины» и т.д., обнаруживаются на разных уровнях: поэтико-синтаксическом, лексико-семантическом, духовно-нравственном.

В «Реквиеме» изображены страдания борцов за народное дело, идущих по этапу. Автор восхищается их стоическим терпением и стойкостью, употребляет для их характеристики возвышенно-поэтическую лексику:

Идёте вы, братья, лязгая цепями.
Крепко связаны руки и ноги.

Проходите достойно вы свой путь
И бесконечная степь ждёт вас впереди.
Нешадное солнце жжёт вам глаза,¹
От пыли этапа труднее дышать.
[7, 126].

В стихотворении С. Габиева «Реквием» актуализована «некрасовская» лексика: братья, звон кандалов, жандармы, дорога, несправедный суд, честь, павшие в бою, самопожертвование.

Некрасовская этика любви и самопожертвования духовно близка габиевской, она выражает многие общие грани мироощущения обоих поэтов.

Скорбно-пронзительный пафос стихотворения Некрасова «Смолкли честные, доблестно павшие» сообщается и описанию борцов в «Реквиеме» С. Габиева.

Кандалы, дорога, палачи, кровавые раны превращаются у Некрасова и С. Габиева в символы страданий, знаки ложного мироустройства.

Некрасовский концепт героя способствовал конструированию художественных моделей образов борцов в кавказской поэзии, в том числе и у С. Габиева: нравственная чистота, дух самопожертвования, любовь к народу, но в то же время доктринёрство и рассудочность.

Имплицитная связь на уровне аллюзий и скрытых реминисценций с некрасовскими текстами выявляются в стихотворении И. Чавчавадзе «День падения коммуны» (как и некрасовское стихотворение «Смолкли честные, доблестно павшие», оно является своеобразным откликом на разгром Парижской коммуны). Образы борцов, как у Некрасова, сакрализуются, они названы «мучениками».

Лексика метатекста духовно близка некрасовской: «венец терновый», «для блага ближнего», «крестное страдание» и т.д.

Пусть кровью мучеников вновь
Укреплено святое дело —
Увы, великая любовь,
Ты поражение потерпела.
[10, 356].

Для кавказских поэтов русская литература всегда являлась источником, откуда черпались идеи, образы, духовные и философские представления. В этом контексте уместно высказывание учёных Е. В. Кауновой, М. В. Шишкиной: «Так, например, интертекстовый анализ художественных произведений авторов XX — начала XXI в. выявил широкий спектр опорных категорий текстов, выступающих в качестве прецедентных, или пре-текстов, при построении новых текстов культуры: 1) Священное Писание; 2) Классические русские произведения (преимущественно XIX в.); 3) Классические зарубежные произведения; 4) Мифологические тексты; 5) Фольклорные тексты; 6) Авторские песни». [11, 286—287].

Лирика Некрасова оказала благотворное влияние на грузинского поэта А. Церетели, которому были особенно близки гражданские мотивы русского поэта..

Например, стихотворение А. Церетели «Колыбельная» во многом перекликается со стихотворением Некрасова «Свобода». На лирику грузинского поэта оказал воздействие и некрасовский образ истерзанной Музы (стихотворение А. Церетели «Большая»). Мотив жертвенности (актуализированный Некрасовым и поэтами некрасовской школы) звучит и в лирике А. Церетели:

Да, я готов пожертвовать собою,
Меня не остановит смерти страх.
Душой и телом предан я отчизне,
Пусть над ней развеется мой прах.
[10, 369].

В небольшом по объёму стихотворении «Думы умирающего» дважды повторено слово «пожертвовать», что придаёт тексту особую тональность.

В стихотворении А. Церетели явно слышен отголосок нескольких текстов Некрасова («Родина», «Элегия», «Что ни год — уменьшаются силы»), в данном случае, заимствование происходит на уровне аллюзий.

В тексте А. Церетели доминирует голос автора-повествователя (поэта), но в некрасовской этике понятия «певец» и «народный заступник» почти тождественны, к ним предъявляются одинаковые этические требования. Некрасовские традиции оказали существенное воздействие и на лирику грузинского поэта Важа Пшавелы. Некрасовская лира пленила В. Пшавелу своим гуманизмом, состраданием к близкому, активным протестом.

Своеобразным антиподражанием Некрасову («Нравственному человеку») является стихотворение В. Пшавелы «Утешение». Авторское «Я» поступает через систему сложных отношений (в тексте слышится отзвук и пушкинского «Памятника»). В тексте В. Пшавелы функцию народного заступника выполняет поэт: он несёт добро и свет людям.

Связь с некрасовским текстом осуществляется на уровне лексики, интерполяций, тональности: Некрасов:

Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.
[12, 58].

В. Пшавела:

Я в этом мире зла не сотворил.
[10, 374].

Экстралингвистические связи выявляются на уровне лексики («ближний», «любовь», «ближнему помочь», «земное», «небесное») — из некрасовского поэтического арсенала.

Влияние некрасовских традиций заметно и в лирике И. Иоаннисиана, в становлении которого как поэта ключевую роль сыграла русская культура, литература, особенно поэзия Некрасова, в которой он нашёл созвучные ему образы и представления. «В 80х годах с вступлением армянской поэзии в новую полосу своего развития влияние поэзии Некрасова

сказалось с новой силой. Более близкой и понятной, чем его предшественникам, стала для Иоаннисиана «муза мести и печали», — пишет литературовед А. М. Давтян [13, 314].

В лирике И. Иоаннисиана нашла отклик и некрасовская этика борца за народ: в посвящении «С. Шахазизу» чётко прослеживаются интертекстуальные связи с стихотворением Некрасова «Памяти Добролюбова», налицо и скрытые реминисценции.

Некрасов:

Свои труды, надежды, помышленья
Ты отдал ей...

[14, 173].

Иоаннисиан:

Ты отдал струнам жар свой молодой,
Охваченный заботой благородной.

[10, 402].

Борцов за свободу автор называет «достойными сыновьями», их образы героизированы и романтизированы:

Подняли знамя разума они,

Тьму разорвали сильными руками.

[10, 401].

Явные следы усвоения некрасовских принципов изображения борцов за народное дело мы обнаруживаем в лирике дагестанского поэта и революционера З. Батырмурзаева, в творчестве которого отразились некрасовские мотивы борьбы и самопожертвования (стихотворения «Караван ушёл», «Утренняя звезда»).

Образы его стихотворения «Народному заступнику» (название явно некрасовское) восходят к некрасовским.

Призывная императивная лексика стихотворения З. Батырмурзаева («шагай вперёд», «должен к счастью повести», «отдай кровь свою», «не преклоняй») близка по духу Некрасову и поэтам некрасовской школы, а ключевым словом является «проснись» (одно из ключевых слов и в некрасовской поэзии).

Таким образом, кавказская поэзия XIX—XX вв. оказалась чуткой ко многим мотивам и образам Некрасова, в частности к изображению народных заступников. Интертекстуальные связи кавказских текстов с некрасовскими обнаруживаются на разных уровнях: лексико-семантическом, этическом, эстетическом.

Образы многих борцов за свободу в кавказской поэзии носят отпечаток некрасовских образов, они сконструированы на некрасовских принципах изображения и отражают определённые эстетические и этические представления Некрасова о жизни — и мироустройстве.

Глубинная соотнесённость некрасовских текстов с образами борцов за свободу в кавказской поэзии выявляет уровни освоения художественной методологии Некрасова кавказскими поэтами XIX—XX вв., отражающие весьма сложный эстетический и этический комплекс воззрений Некрасова на революционеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Некрасов и литература народов Советского Союза. Ереван. Изд-во Ереванского у-та, 1972. 610 с.
2. Мельник В. И. «Кому на Руси жить хорошо»: проблема христианского сознания / В. И. Мельник // Некрасовский сб., вып. XIII. СПб. Наука, 2001. С. 126—134.
3. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII—XX веках / М. М. Дунаев. — М.: Издат. Совет. Русской Православной Церкви, 2002. — 1056 с.
4. Переписка Н. А. Некрасова. В 2-х т. — Т. 1. — М.: Художлит, 1987. — 543 с.
5. Пайков Н. Н. Код Некрасова. Источник: <http://Некрасовское наследие юношеству. Материалы VIII Некрасовских юношеских чтений. 30 ноября 2011 года>.
6. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем / Н. А. Некрасов. — В 15 т. — Т. 3. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1982. — 541 с.
7. Габиев С. Стихи / С. Габиев // Антология лакской поэзии в 5 т. — Т. 2. Дореволюционная поэзия. Махачкала, 2006. — 455 с.
8. Хетагуров К. Л. Собр. соч. / К. Л. Хетагуров. — В 3-х т. — Т. 1. — М.: Худож. лит., 1974. — 180 с.
9. Габиев С. Письмо к М. Чаринкову // Илчи, 2001, 31 мая.
10. Поэзия народов СССР XIX — начала XX века. М.: Худож. лит., 1977. — 742 с.
11. Каунова Е. В. Интертекстуальность в художественном дискурсе / Е. В. Каунова, М. В. Шишкина // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах типов: коллективная монография. М.: Флинта; Наука, 2014. — С. 280—304.
12. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем / Н. А. Некрасов. — В 15 т. — Т. 1. — Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1981. — 720 с.
13. Давтян А. М. Итоги и перспективы изучения традиций Некрасова в армянской поэзии / А. М. Давтян // Некрасов и литература народов Советского Союза. — Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1971. — 610 с.
14. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем / Н. А. Некрасов. — В 15 т. — Т. 2. — Л.: Ленингр. отд-е, 1981. — 447 с.
15. Дагестанские лирики. — Л.: Советский писатель, 1961. — 403 с.

Большееарешевская СОШ Кизлярского района Республики Дагестан

Гасанов И. А., кандидат филологических наук, преподаватель русского языка и литературы

E-mail: ardgyna.gasanoff@yandex.ru.

«Bolsheareshevskaya secondary school» of the Kizlyar district of the Republic of Dagestan

Gasanov I. A., Candidate of Philology, Teacher of Russian Language and Literature

E-mail: ardgyna.gasanoff@yandex.ru

ОБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ КОНТЕКСТЕ Н. С. ЛЕСКОВА (ОБРАЗЫ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ)

Б. С. Дыханова

Воронежский государственный педагогический университет

Е. В. Оболенская

Воронежский институт МВД России

Поступила в редакцию 5 ноября 2017 г.

Аннотация: статья посвящена проблеме вторичной семантизации факта в художественной системе Лескова и одному из основополагающих принципов поэтики Лескова — ассоциативному возвращению к тем или иным фактам — культурным, историческим, образным. Образам священнослужителей посвящаются очерковые циклы писателя, и жизненный материал своеобразно преломляется в художественных текстах. Способы символизации объективного факта многое проясняют в художественном мировосприятии «волшебника слова».

Ключевые слова: объективный факт, художественная идеология, православие, зеркальные отражения, ментальность, культурный контекст.

Abstract: the article is devoted to the problem of secondary semantization of fact in the Leskov's artistic system, and one of the fundamental principles of Leskov's poetics— associative return to those or other facts — the cultural, historical, imaginative. Images of priests are devoted to writer's sketch cycles, and the life material is refracted in fiction in some kind. Methods of symbolization of objective fact clarify a lot in the artistic worldview of the “wizard of words”.

Keywords: objective fact, art ideology, Orthodoxy, mirror reflection, mentality, cultural context.

Религиозно-философские взгляды русского «ересиарха Николая» были актуальными и для современников, и для потомков и таковыми остаются и по сей день в связи с «возвращением христианских ценностей и многовековых духовных традиций» [1, 22]. В работе Т. Б. Ильинской «Христианские мотивы в творчестве Н. С. Лескова (проблема интерпретации)» [2] дается краткий обзор картины восприятия христианских мотивов лесковского творчества на протяжении полутора столетий, и автор обращает внимание на то, что в разные исторические эпохи трактовка лесковской религиозной позиции была крайне противоречивой: выводы на основе фактов зачастую противоречили друг другу.

Расширяя контекст вопроса о роли православия в художественном сознании писателя, автор вышеуказанной статьи обращается к современной Лескову и посмертной церковной и религиозно-философской критике, в частности, к духовной публицистике 1870—1880 гг. XIX в., периоду, которому принадлежат «Соборяне» (1872 г.), «Очарованный странник», «Запечатленный ангел» (1873 г.) и циклы очерков «Мелочи архиерейской жизни» (1878), «Архиерейские объезды» (1879 г.), «Епархиальный суд» (1880 г.) — художественные и очерковые произведения, так

или иначе взаимодействовавшие в творческом сознании автора.

«В восприятии публицистов духовных изданий 1870—1880 гг. XIX века Лесков, — резюмирует Т. Б. Ильинская, — противостоял широкому потоку беллетристики, являющей собой «длинный ряд пасквилей на духовенство», и приводит высказывание рецензента «Киевских епархиальных ведомостей» о том, что литература «давно уже отвыкла от изображения светлых положительных типов белого духовенства, вроде о. Туберозова и диакона Ахиллы, так мастерски и художественно и вместе с тем с таким сочувствием очерченных г. Лесковым в его «Соборянах». Ныне она рисует нам в духовенстве типы каких-то кулаков-мироедов, выжимающих у крестьян последние соки, то отчаянных пьяниц, то по меньшей мере апатичных требоисправителей, чуждых всяких забот высокого пастырского служения» [2, 40].

Положительное отношение к религиозным представлениям Лескова в духовной публицистике меняют «Мелочи архиерейской жизни», «Заметки неизвестного», византийские сказания, «Полунощники». Смерть писателя повлекла за собой новый этап осмысления его творчества в православной печати. «Главным обстоятельством теперь становится тот факт, что Лесков изображал духовенство не в духе «физиологий» — как некий экзотический быт, а с точки зрения идеалов праведничества, хранящихся

в народе» [2, 41]. Подтверждая свой комментарий, Т. Б. Ильинская приводит высказывание А. П. Лопухина, писавшего: «...Сторонясь от духовенства, <...> писатели лишают себя главного источника для изучения собственно народной жизни и его души. <...> Это вполне понимал Лесков, и поэтому-то, когда жизнь в качестве странствующего агента дала ему возможность поближе сойтись с народом и заинтересоваться его жизнью, он как человек даровитый увидел, что ключ к пониманию его жизни заключается именно в изучении жизни его пастырей, которые, несмотря на тысячелетие исторической жизни России со всеми её превратностями, доселе остались самым, так сказать, историческим, исконно русским сословием, носящим в себе наиболее живое и непосредственное самосознание народного духа» [3] — [цит. по: 2, 41].

Справедливость выводов А. П. Лопухина подтверждается авторской оценкой «картинок с натуры», как Лесков определяет жанр цикла «Мелочи архиерейской жизни»: материал, послуживший для их создания, — «не чьи-либо измышления, а настоящая, живая правда, списанная с натуры, и притом отнюдь не со злою целью». Но не менее важные аргументы антисатиричности этих писаний обнаруживаются при сопоставлении вышеперечисленных художественных и публицистических текстов в их «пересечениях» и «зеркальных» отражениях.

Реальные факты, исторические анекдоты, личные «памяти» переплавляются в художественные образы, столь достоверные, что современники принимают их за документальные. Уровень подлинности таков, что И. Репин в письме к В. В. Стасову отмечает: В «Соборях» Лескова действительно ретроградных тенденций полно, но очень художественно и верно изображает средо...» [цит. по: 4, т. 1, с. 380], а Ф. М. Достоевский, восторженно отзываясь о «Демикотоновой книге» протопопа Туберозова, допускал её подлинность.

Подобный дневник священнослужителя действительно существовал в реальности, и «выписку» из него автор «Соборьян» включил в цикл очерков «Архиерейские объезды». Эти записки в течение довольно многих лет вел сельский священник и благочинный села Горевичи (близ Киева) о. Фока Струтинский. Лесков называет документ «вещью редкою (здесь и далее курсив Лескова. — Б. Д., Е. О.) потому, что до сих пор не встречал ещё ни одного русского сельского священника, который бы вел записки изо дня во всю свою жизнь». В этих записках человека «умного, опытного, наблюдательного и немножко юмориста» открываются подробности жизни рядового церковнослужителя в её зависимости от вышестоящих лиц, капризов природы и материальной скудности. Туберозова с автором записок роднит, кроме самого факта ведения дневника, включенность в бытовую жизнь, отсутствие ханжества и внимание к живым проявлениям истинной христианской веры.

Хронологически роман-хронику (1872) от очерковых циклов — «Мелочи архиерейской жизни» (1878), «Архиерейские объезды» (1879), «Епархиальный суд» (1880) — отделяет всего несколько лет, но жизненный материал, позднее реализованный Лесковым в названных публицистических произведениях, уже присутствует в художественном тексте. Об этом свидетельствует, например, высказывание автора: «Мелочей архиерейской жизни» о прямой связи романа-хроники с реальной действительностью: «Благодаря орловской монастырской слободке я знал, что среди страдающего и приниженного духовенства русской церкви не все одни «грошевики, алтынники и блинхоты, каких выводили многие повествователи, и я дерзнул написать «Соборьян»».

Масштаб личности главного героя романа-хроники соизмерим не столько с внутренним обликом автора записок, приведенных в очерке «Архиерейские объезды», как с типажам из «Мелочей архиерейской жизни» — Филаретом Московским, Филаретом Киевским, Иринархом, Тихоном Задонским и другими выдающимися иерархами русской церкви. Дьякон Ахилла называет своего духовного отца «философом» и «министром юстиции». И действительно, в образе протопопа Туберозова «просвечивает» мудрость, не книжная, не заемная, а идущая от сердечной доброты, здравого смысла и житейского опыта. Но для Лескова записки не «философа», не «политика», не «министра юстиции», а вполне бытовой фигуры — о. Струтинского исполнены глубокого смысла, так как бытовые подробности повседневности для писателя — зеркало, отражающее национальную ментальность, образ мышления народа, в конечном итоге определяющее его историческую судьбу. В «Демикотоновой книге» о. Савелия множество таких «мелочей», связанных с его собственной жизнью и соответствующими «ролями» — отца благочинного, духовного пастыря, с одной стороны, и главы семьи, любящего мужа, скорбящего о своей бездетности, с другой.

В «Мелочах архиерейской жизни» подробно описаны быт и нравы Монастырской слободки в родном для автора Орле, знакомые автору с детства и использованные в «Соборьянах», но в другом ракурсе, чем в очерковом тексте. В одноименных очерках о Епархиальном суде автор акцентирует его большие «погрешности» в сравнении с судом светским: при определении степени виновности духовного лица действует не закон, а произвол, и потому несправедливо обвиненный не имеет возможности «бестрепетно доказывать правоту». В «Соборьянах» эпизоды «владычного» наказания опального протопопа прежде всего характеризуют величие духа лесковского героя и уже во вторую — мелкотравчатость консисторских чиновников, консерватизм и формализм церковного судебного «устройства».

В «Соборях» владыка, от которого зависит срок наказания строптивого протопopa, ничем не напоминает жестокосердного Смарагда или других, подобных ему. В рассказе Ахиллы о скорбном «житии» духовного отца владыка «даже вовсе не особенно грозны и даже совсем не гневливы и предали их (Туберозова. — Б. Д., Е. О.) сему терзанию только для одной политики, чтобы не противоречить чиновникам светской власти. Для сего единственно и вызов отцу Савелию сделали, да-с! И отец Савелий могли бы совсем эту вину с себя сложить и возвратиться, потому что владыка потаенно на их стороне... да-с! И им было от владыки даже на другой же день секретно преподано, чтоб они шли к господину губернатору и повинились, и извинились, да-с! ...»

Но благоволение владыки, не рискующего, однако, пойти против светских властей, ничего не значит для самого «строптивца» («... Отец Савелий, по крепкому нраву своему, отвечал строптиво... «Не знаю, говорит, за собой вины, а потому не имею в чём извиняться!») Бунт Туберозова — это протест против мертвечины церковной «законности». Последние слова перед своей кончиной — слова обвинения: «Как христианин, я... прощаю им моё пред всеми поругание, но то, что букву мёртвую блюдя... они здесь... божие живое дело губят... <... > Ту скорбь я к престолу... Владыки царей... положу и сам в том свидетелем стану...» И лишь повинуюсь мольбам Захарии, умирающий произносит требуемое: «Благо мне, яко смирил мя еси», но «вслед за тем неожиданно твёрдым голосом» договаривает: «По суду любящих имя твое просвети надежд и прости слепому и развращённому роду его жестокосердие».

Какие модификации претерпевает, эстетизируясь, факт в художественном поле лесковских творений, демонстрируют и другие персонажи романа-хроники. Если образ протопopa Туберозова как бы интегрирует лучшие качества православных иерархов, то второй представитель старгородской «поповки» имеет в «Мелочах архиерейской жизни» явных «двойников». Это и молодой сельский дьячок Лукиан, и о. Антоний, обладающие «беспокойным характером» и поэтому вступающие в разнообразные стычки с окружающими. Но особенно близкий к образу Ахиллы и, по словам самого автора, давший ему «много красок для этого лица», «богатырь, красавец и жуир», бывший «парадный архиерей», занимавший особое положение в монастыре, «где дорожили его громopodobным голосом и спускали ему многое, чего, может быть, не следовало бы спускать».

Рифмуется с восприятием Антония («его любили как простяка, за его наивную и бестолковую, а часто даже комическую удаль») и отношение окружающих к Ахилле. Подобно Антонию «с его нелепым басом, гигантским сложением, завитыми кудрями и щегольскими чёрными бархатными рясами, то на жёлтом, то на голубом атласном подбоя», Ахилла столь же эксцентричен и также «слишком бьёт в глаза каждому».

Но и в этом случае между реальным прототипом и художественным образом — «дистанция огромного размера». Обременённый избыточной физической мощью Антоний и Ахилла, в котором «в одном тысяча жизней горит», завершают свой жизненный путь по-разному. И не случайно в художественном тексте Лесков не использует самооценку бывшего монаха инока — «паразит» (Антоний «сам рассказывал, что по ужасному своему телосложению, он более не монах, а паразит»).

В словаре Вл. Даля лексема «паразит» толкуется как «растение-тунеядец, чужеядное, живущее соками других растений», «чужеяды, живущие на (или в) других животных» [5, т. III, с. 17]. В реплике персонажа эта лексема имеет общеупотребительный, а не специально научный смысл, восходящий к исконному значению лат. *parasitus* — «нахлебник», бесполезный для окружающих, не оправдывающий возложенного на него сана.

Почему же при сходных природных данных и личных склонностях «живой натуры» реального лица и вымышленного персонажа столь различен финал жизненного пути? Первый, по словам очеркиста, человек уже совершенно погибший: «в нём умерло всё человеческое — всё, кроме того, что не умирает в душе даже самого падшего человека: он сохранил редкую способность — “добро помнить”». Напротив, мощь художественного воздействия на читателя образа дьякона Ахиллы Десницына многократно возрастает, достигая трагического апофеоза и нравственной предельности в финале хроники. Вектор духовной эволюции дьякона определяется уже в предваряющей сюжетное развитие характеристике повествователя. В отличие от двух других старгородских клириков презентация этого героя читателям соединяет традиционное описание (первые впечатления Туберозова: «Сей всех нас больше, всех нас толще, и с такой физиономией и с такой фигурой, что нельзя, глядя на него, не удивляться силе природной произрастительности. Голос он имеет весьма добрый, нрава весьма весёлого и на первый раз показался мне будто очень почтителен. Но наипаче всего этот человек нравится мне своим добродушием...») с отсылкой к «определениям», «дабы при помощи их могучий Ахилла сколько-нибудь удобнее нарисовался читателю».

Каждое из этих «определений» принадлежит разным лицам, не включенным в сюжет и необходимым повествователю только для передачи живого и непосредственного чувства, возбуждаемого дьяконом с юных лет. «Инспектор духовного училища, исключивший Ахиллу Десницына из синтаксического класса за «великовозрастие и малоуспешие», говорил ему «Эка ты, дубина какая, протяжённо сложенная!» Ректор, «по особым ходатайствам вновь принявший Ахиллу в класс риторики», уточняет: «Недостаточно, думаю, будет тебя и дубиной называть, поелику

в моих глазах ты по малости целый воз дров». «Регент же архиерейского хора, в который Ахилла Десницын попал по извлечении его из риторики и зачислении на причетническую должность, звал его «непомерным»: «Бас у тебя,— говорил регент, хороший, точно пушка стреляет, но непомерен ты до страсти, так что через эту непомерность я даже не знаю, как с тобой по достоинству обходиться». Наконец «четвёртое же и самое веское из характерных определений было сделано самим архиереем, и притом в весьма памятный для Ахиллы день, именно в день изгнания его, Ахиллы, из архиерейского хора и посылки на дьяконство в Старый Город. По этому определению дьякон Ахилла назывался «уязвленным».

Виртуозность авторской игры с чужим словом проявилась в синтезе биографических подробностей, психологических и физиологических особенностей личности и простодушной рефлексии окружающих. Определение «уязвленный» несёт особую смысловую нагрузку в языке Лескова. В «Очарованном страннике» цыганка Груша «уязвляет» Флягина красотой и талантом, в случае с Ахиллой, отличавшимся «страшной» для регента «увлекательностью», роковую роль играет порученное Ахилле «весьма хитрое басовое соло на словах “и скорбьми уязвлен”». Исполняя его, тот не смог удержаться от многократных, не предусмотренных псалмом повторений.

Этот природный артистизм, душевная чуткость, талант безграничной любви и преданности, готовность защищать справедливость напроць исключает «паразитизм», «нахлебничество». Олицетворяя размах, силу и непосредственность русского национального характера, образ Ахиллы демонстрирует неисчерпаемые потенциальные возможности России. Кроме того, Ахилла с его наивным тщеславием и детской непосредственностью гораздо ближе к Богу, чем владыка, для которого мертвая буква закона важнее, чем живое чувство и живая жизнь. Вот почему им усваиваются уроки духовного наставника (сердце у Ахиллы, по словам Туберозова, «бьётся верно»), и не случайно именно дьякон становится преемником «савелиева духа».

Самый непритязательный из духовников Старого Города отец Захария, в отличие от Туберозова и Ахиллы,— воплощение кротости и смирения перед жизненными испытаниями и неидеальностью мира. Однако и этот «престец» крайне неприметной наружности, контрастирующей с мужественной красотой его друзей (он «мал, худ, щедеушен и лыс»), душевно близок им органической добротой и сердечной мудростью. Отец Захария носит имя, принадлежащее многим библейским персонажам (числом 34), однако ни с одним из последних не «совпадающее».

Повествователь называет в связи с многодетностью отца Бенефактова имя Иакова, одного из ветхозаветных патриархов, родоначальника народа Израилева, сына Иакова и Ревекки, имевшего от че-

тырёх жён двенадцать сыновей и одну дочь. Главное жизненное назначение «воспамянутого Господом» (буквальное значение имени Захария) лесковского персонажа — в «умножении человеков», но в романе-хронике у него есть и ещё одна очень важная роль — миротворца, посредника в возникающих спорах, конфликтах или иных случаях, способных нарушить гармоническое равновесие мира, общее согласие и спокойствие. Праведная кончина последнего представителя старгородской поповки, в Светлое воскресенье великого праздника весны и «тихого уснувшего во время самого богослужения» — свидетельство его скромной, но столь же несомненной, как у Туберозова, праведности.

В лесковских картинках с природы «есть строки, вполне приложимые к оценке этого персонажа, но обращённые к личности Филарета Киевского: «для людей, знавших Филарета, долго будет казаться, что органически ему присущее добро умерло с ним в том отношении, что их глаз не находит другого такого человека, который был бы так подчинен кроткому добротолению, не по теории, не в силу морали, воспитания и, ещё более, не в силу сухой и несостоятельной морали направления, а именно подчинился этому требованию сильным образом органически. Он родился с своею добротою, как фиалка с своим запахом, и она была его природою».

Парадокс художественной идеологии автора «Соборян» в том, что не только образ протопопы Туберозова, но и образ кроткого, непритязательного попика вписывается «в перечень великих молитвенников земли русской и многократно отзовётся в последующих творениях автора — в «Запечатленном ангеле» «беззавистный» и «безгневный» старец Памва; в антинигилистическом романе «На ножах» попик Евлампий, в «Заячем ремизе» архиерей, покровитель юного Оноприя. Не бунтующие и не противящиеся злу прямым действием, «тихие» «престецы» способны нести миру свет добра и правды, способствуя смягчению гнева господня из-за несовершенства рода человеческого.

В советскую эпоху было принято считать, что отношение Лескова к церкви и духовенству с течением времени становилось всё более критическим. Сегодня исследователи при оценке «религиозно-нравственных представлений и устремлений Н. С. Лескова уже не разделяют лесковскую позицию по отношению к церкви на «позитивную» (в начале творчества) и «негативную» (после заграничной поездки 1875 г. [об этом см.: 6]). Писателю желалось,— говорит современный исследователь,— чтобы обновление в духе Христовой истины пришло через попов великих, подобных отцу Савелию Туберозову — «бесстрашному протопопу» в романе-хронике «Соборяне» (1872) <...> «Мелочи архиерейской жизни» (1878—1880), как и целая серия работ, примыкающих к циклу, имели целью не отрицание Церкви, а очищение её «на-

правленного и непреображённого человеческого естества». Лесков, будучи кровно связан с русской религиозной ментальностью как важнейшей стороной национального бытия, в беллетристике и публицистике выступал против церковной «летаргии», призывая священнослужителей ревностно исполнять их истинное предназначение — духовное делание, ставя в пример образцовых православных священников, фигуры которых нередко изображаются в его творчестве и являются своеобразным «болеутолителем» (курсив автора статьи. — Б. Д., Е. О.) для самого писателя, глубоко страдавшего при виде внутренних церковных «нестроений» [6, 118—119].

Присоединяясь к выводам автора цитируемой работы, однако, считаем, что главные «ответы» содержатся в лесковском художественном мире, не являющемся прямой проекцией идей Лескова-публициста. Не зря и не случайно в «Полунощниках» священнослужитель не имеет ни имени, ни лица. «Вопреки уверенности современников, что автор сатирически изобразил Иоанна Кронштадтского, анализ художественного текста показывает, что уровень символизации факта в этой повести таков, что Петербург, Кронштадт, приют паломников («Ажидация») — все «реалии» места и времени оборачиваются в эстетическом пространстве неожиданными символами, а образ духовного пастыря в этом контексте теряет всякую связь с конкретным историческим миром» [см. об этом: 7, 110—111].

В последней повести писателя «Заячий ремиз», ещё недавно считавшейся однозначно сатирической, а на самом деле зеркально отражающей и обогащающей открытия Лескова-художника, обнаруживаются и разного рода параллели не только с содержанием «Очарованного странника» [см. об этом: 7, 77—109], но и с очерковыми циклами о духовенстве. Лесков здесь возвращается к основным типажам «картинок с натуры» — «несытым скотинам» из духовных и излюбленным им человеколюбцам и «простецам». И даже стилевая доминанта повести — смешение языков, русского с украинским «подсказана» записью от 16 сентября из дневника Струтинского, где тот под влиянием «овладевшего им весёлого юмора» продолжает писать по-малороссийски. Двухязычие рассказчика — Оноприя Перегуды из Перегудов и создаёт особый колорит повествования и обогащает его языковую палитру, её колорит, который в письме к потенциальному издателю автор определяет как «слегка сумасшедший».

Таков же «малороссийский» спектр образов перегудинских попов. Первый из них — Прокоп — «откуда-то привезён» основателем села и полковником Опанасом Перегудом «для утверждения самой правильной веры». Его задача — не пустить в Перегуды «ни жида, ни ляха», или («Боже, спаси!») поляков.

Портрет попа Прокопа — явная комическая «калька» ахилловского. По словам рассказчика, «всем на

загляденье это был человек самого превосходного вида: рослый, пузатый и в красных чоботах, а лицо имел тоже красное, як у серафима, а притом голос такой обширный, что даже уши от него затыкали». Ещё одна «цитата» из «Соборян» и «Мелочей архиерейской жизни» — сила певческого голоса у Ахиллы и о. Антония. Но новая «краска», общая для чоботов и лица — красный цвет — на символическом подтекстовом уровне сигнализирует о некоем симбиозе «дьявольского» и «ангельского», взаимоисключающих друг друга.

Серафимы (от греч. Seraphim < др.-евр. Seraphim > «жечь», «пламенеть») — один из девяти ангельских чинов небесной иерархии, ближайший к Богу. Цвет чоботов снижает раннехристианский символ мученичества и любви, а тяготеет к цветовому канону католической церкви, где красный ассоциируется с кровью и адским пламенем [8, 236]. Этот мотив поддержан предсмертными страхами попа Опанаса перед загробной жизнью («... всё воздушных бесов множество за ним гналось и во сне ему стало сниться. Перегуд видел, как они, восшумев своими перепончатыми крыльями <... > схопят его за чуб и поволокут ад, а другие будут подгонять сзади огненными прутьями...») и погребальным одеянием («...он убран был в алом жупане и в поясе с золотыми цвяшками»).

Золото, имеющее издревле разнообразную знаковую — как «божественную», так и «бесовскую», в лесковском тексте — эталонный металл, своеобразный символ богатства, будучи материалом для цвяшек (укр. гвоздиков), символически тяготеет к обозначению несправедливо нажитых денег, земных благ вообще [8, 92—93].

Панский красный жупан в randan к красным чоботам попа как бы уравнивает того и другого в бесовской ипостаси. Обувь священнослужителя должна быть традиционно чёрного цвета, а о грехе стяжания, «сребролюбии» напоминает библейская история изгнания из храма менял Христом. Их склонность к мошенничеству, вымогательству, вызвавших гнев Господень, на метатекстовом уровне является косвенной характеристикой «антихристовых» деяний полковника Опанаса, обратившего вольных казаков в перегудинских «крепаков», и попа Прокопа, всеми средствами укрепляющего веру последних в том, что они «рабы» и что цель их жизни — «повиноваться своим господам». Дополнительный нюанс — скорое разложение трупа («Закройте его швыдче: аль вы не чуєте як засмердело!»), тогда как благоухание мощей свидетельствует о праведности покойника.

«Восприемщик» самого Прокопа его зять Маркел, характеризуемый рассказчиком как «страшный хозяин и превеликий хитрец», вместе с приходом «наследует» и любовь к «хапанцам», ростовщичество и вполне земные интересы. Исполненный необычайного комизма торг, который затевает отец рассказчика за возмещение «детской крови», ещё

более сближает духовного пастыря с мирянином: каждый блюдет свою выгоду, демагогически облекая её в пристойную оболочку.

Но самым ярким в поповской «дьяволиаде» оказывается Назарка, бывший «поэт» и «мечтатель», действующий несравненно изворотливее предшественников. Завоевавший «пшеничное сердце» Домасы, богатой наследницы попа Маркела, «хриями», «тропами», «метафорами» и «синекдохами», «учинился поп, и нарекся отец Назарий и сел в Перегудах», превзойдя деда и батьку жены, которые «были простяки и блюли только свои хапанцы». «Ну, а сей, как только получил перегудинский приход, так и начал вмешиваться «не в свои дела», — рассказывает бывший перегудинский становой, — а главнейше всего, стал заступать в мою часть, и с самой преудивительнейшей ещё стороны...» Рассказчик имеет в виду нарушение тайны исповеди и доносительство, поощряемое светской властью. Именно «пип Назарко», награждённый за перечисленные «заслуги» орденом, и становится для главного героя «змеем-искусителем». «Спавшая» Назарию «на перси» награда заставляет лесковского героя усомниться в правильности божественного мироустройства: «Господи! Христос, царь небесный! Да где же после этого на свете справедливость! Я столько конокрадов изловил и коней мужикам возвратил, и мне за это ничего ещё не свалилось, а пип Назарко що-сь такое понаврал, и уже награду сцапал!... Напала на меня от этого разом тоска, и возросло вдруг непомерное честолюбие. Не могу так служить — хочу награды...» Впадение в грех «любоначалия» имеет катастрофические последствия для Оноприя, в конечном итоге одержавшего победу над «бесовским» и вернувшегося к высшим духовным ценностям [см. об этом: 7, 107—109].

На фоне оборотней в рясах образ архиерея генетически восходит к типажам лучших представителей русского духовенства в лесковском творчестве. Отсутствие имени как бы исключает его прямое отождествление с конкретным историческим лицом, но необыкновенная душевная теплота, непосредственность, терпимость и простота общения при обширности познаний в философии, истории, древней поэзии напоминают о выдающихся церковниках, изображённых Лесковым. Имена античных мыслителей, историков — Платона, Цицерона, Плавта, Сенеки, Тацита, Теренция, Овидия; религиозных деятелей — аввы Досифея, Феофана Прокоповича, Григория Сковороды; писателей — Гоголя, Дзюба-того, Основьяненко упоминаются рассказчиком, но имеют первоисточник — «тесное общение с духовным отцом». По словам Оноприя, архиерей «...и ещё чего только не знал, и чего не читал».

Особое обаяние образу малороссийского архиерея в «Заячьем ремизе» сообщает его глубокий и живой интерес к повседневной жизни: «...Иные находили в нем как бы не весьма много духовности, но зато он

был превеликий любитель миролюбия и хозяйства и столько был в это внимателен и опытен, что с проходящими просителями охотнее говорил о произрастаниях из полей и о скотоводстве, и многие советы его были удивительны...»

Этот лесковский персонаж не чужд человеческим слабостям — некоторому тщеславию (при выборе между мирским, «чёрным» и «белым» духовным поприщем монашество оказывается предпочтительнее, ибо, по его признанию, в «духовном звании звезды на перси легостнее ниспадают»). Житейский прагматизм архиерея проявляется в терпимости к недостаткам «негодяя паче нежели Регул», которого он держит из-за того, что тот «знал превосходно способ успешного ведения приказных дел», потребный «в сношениях по письменной части». Владыка не считает грехом чревоугодие, трижды с аппетитом пообедав в один и тот же день и съев «всё, что перед ним поставили». Это напоминает о преосвященном Н-тове, попросившем хозяина дома не беспокоиться особенно об его обеде, потому что он всё «предлагаемое кушает»; что оценивается в лесковском очерке как позволительное и полезное.

Столь же далёк лесковский персонаж от мистицизма и всяческой отвлечённости. «Быв по натуре своей одновременно богослов и реалист», архиерей, по словам рассказчика, «созерцаний не обожал и не любил, чтобы прочие люди заносились в умственность, а всегда охотно зворчал с философского спора на существенные надобности», а также находил для якобы таинственных случаев, таких как падение иконы Спасителя в канун Пасхи в доме родителей Оноприя или пугающее окружающих рычание купленной коровы, житейские объяснения. В разъяснениях владыки сугубо бытовое, включенное в культурный контекст, усиливает комизм текста.

На «дискурс» простодушной матери героя, попросившей архиерея объяснить падение «образа всемилостивейшего спаса», тот отвечает «с конца», об истоках поверья: в языческие времена в Риме «перед погибелью Нерона лары упали во время жертвоприношения» (сведения из «книг исторических», то есть характеризующие любителя чтения). Но понимая, по словам рассказчика, как неудобна «трактация» с «жинками», «прямо из языческого Рима» владыка «переносится» в бытовую реальность, спрашивая у собеседницы: «Умеете ли заготавливать в зиму пурмидоры?»

Архиерейский «диагноз» коровьего рычания предваряется латинским изречением: «*Ju deorum hominunque tyranne, Amore!*» («О ты, Амур, тиран богов и людей!» — переводит Оноприй). Архиерей же поясняет попросту: «Когда рогатая скотина рычит, то вернее всего для того, что мечтает иметь свидание с быком» (что и подтверждает «практика» — после свидания с племенным производителем корова вооружилась «вполне жизнью довольная»).

Все сказанное подтверждает, что «произведения Лескова буквально пронизаны цитатами и реминисценциями», а «интертексты присутствуют в них на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах», благодаря чему лесковский текст выступает как «конденсатор культурной памяти» и генератор новых смыслов [9, 124]. Заметим, однако, что зеркальность как основополагающий фактор поэтика Лескова для самого автора — способ художественного исследования коллективного национального сознания и слежения за теми социально-историческими и культурными сдвигами, которые подспудно совершаются в его глубинах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Снегирёва И. С. Религиозно-философские взгляды Лескова / И. С. Снегирёва // Юбилейная международная конференция по гуманитарным наукам, посвящённая 70-летию Орловского государственного университета: Материалы. Вып. 1; Н. С. Лесков. Орёл: ОГУ, 2001. — С. 22—29.
  2. Ильинская Т. Б. Христианские мотивы в творчестве Н. С. Лескова: проблемы и интерпретации / Т. Б. Ильинская // Sciences and humanities: Современное гуманитарное знание как синтез наук. Лесковский полимсет: Материалы круглого стола. — № 1(1) 2012. — СПб., 2012. — С. 40—43.
  3. Митякин А. <А.П. Лопухин>. Покойный Лесков как бытописатель духовности и соприкосновенной с ним области / А. Митякин // Церковный вестник. — 1895 — № 9. — С. 278.
  4. Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памяткам / А. Н. Лесков. — В 2-х тт. — М., 1984.
  5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт.
  6. Новикова-Строганова А. А. «Потребность духа, ищущего высшего состояния»: религиозно-нравственные искания в поэтике Н. С. Лескова / А. А. Новикова-Строганова // Лесковиана: Документальное наследие Н. С. Лескова: текстология и поэтика: тезисы докладов международной конференции (г. Москва, 21—23 ноября 2011 г. РГАЛИ. — М.: НИП «ВФК», 2011.) / А. Новикова-Строганова. — С. 116—119.
  7. Дыханова Б. С. В зазеркалье «волшебника слова»: о поэтике отражений Н. С. Лескова: научная монография — Воронеж, Ворон. гос. пед. ун-т, 2013. — С. 204.
  8. Копалинский В. Словарь символов. — Калининград, 2002.
  9. Озерова Е. Г. Особенности и функции интертекстуальности в произведениях Н. С. Лескова / Е. Г. Озерова, М. Ю. Шевелёва // Лесковиана: Документальное наследие Н. С. Лескова: текстология и поэтика: тезисы докладов международной конференции (г. Москва, 21—23 ноября 2011 г. РГАЛИ. — М.: НИП «ВФК», 2011).
- Воронежский государственный педагогический университет
Дыханова Б. С., доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы
Воронежский институт МВД России
Оболенская Е. В., группа международного сотрудничества
E-mail: obolens88@gmail.com
- Voronezh state pedagogical University
Dukhanova B. S., Doctor of Philology, Professor
Voronezh Institute of MIA Russia
Obolenskaya E. V., International Cooperation Group
E-mail: obolens88@gmail.com

ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ КАК ОДНА ИЗ ХАРАКТЕРИСТИК АДМИНИСТРАТИВНОГО ДИСКУРСА

О. А. Евтушенко

Волгоградский государственный технический университет

Поступила в редакцию 22 мая 2017 г.

Аннотация: в статье рассматривается одна из главных характеристик административного дискурса и проводится анализ тех коммуникативных категорий, которые проявляются только посредством данной характеристики — документирования.

Ключевые слова: документ, административный дискурс, официальность, легитимность, волеизъявительность, информативность.

Abstract: the article considers one of the main characteristics of administrative discourse and analyzes those communicative categories that manifest themselves only through this characteristic — documentation.

Keywords: document, administrative discourse, officiality, legitimacy, voluntariness, informativity.

Документ или документный текст — это сложный лингвистический объект, для создания которого требуется соблюдение языковых законов письменной речи и внеязыковых правил организации, которой принадлежит данный документ [1, 8]. Целью нашей работы мы ставим изучение специфики документирования как неотъемлемого компонента административного дискурса (АД). Важным основанием документирования в АД нам представляются такие категории, как легитимность, официальность, волеизъявительность и информативность. Каждая из категорий носит коммуникативный характер, то есть проявляет организующую или регулирующую функцию, и имеет языковое выражение в текстах документов.

Рассмотрим коммуникативную категорию официальности. Как верно отмечает О. П. Сологуб, данная категория наиболее полно и регулярно проявляется в институциональном дискурсе, выполняя организующую, коммуникативную функцию между административно-управленческими органами, производственными и профессиональными коллективами [2]. По той причине, что АД относится к институциональному дискурсу и реализуется через основные функции управления и регулирования, категория официальности находит яркое выражение в многообразных текстах документов. Яркими примерами проявления официальности в текстах служат: 1) официонимы (*Минобрнауки России, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный технический университет», МОУ лицей № 9 им А. Н. Неверова, проректор по учебной работе*); 2) документонимы (*акт, справка, свидетельство, программа развития опорного университета*);

3) официальные клише (*по семейным обстоятельствам, назначать на должность, временно исполняющий обязанности, ответственность за исполнение возлагается*); 4) официолемы (*Ректор Иванов И. П., О порядке установления надбавок по итогам учебного календарного года*); 5) официально окрашенные лексемы (*ходатайствовать, нижеподписавшийся*); 6) паравербальные средства: *официальный бланк, печать, гриф, герб, подпись, регистрационный номер*.

Официальность ярко проявляется в текстах документов, в которых участникам административного общения удается подчеркнуть свое статусное положение путем указания полных названий должностей и социальных институтов, из которых исходит тот или иной документ. Административное общение (АО) подразумевает общения базисной пары «начальник-подчиненный», и официальность данного общения накладывает отпечаток на его особенности и делает документирование необходимым.

Другая категория АД, предлагающая основания для общения базисной пары — это легитимность. С одной стороны, согласимся с мнением ученых, что данная категория носит прежде всего психологический характер, то есть участники АД взаимодействуют в коммуникативном пространстве определенной организации и сознательно принимают правила и условия общения в ее рамках. С другой стороны, подобное общение имеет документальное основание, без которого АО представляется невозможным. Легитимность АД основывается на ОПД (организационно-правовых документах): устав организации, положение о структурном подразделении организации, штатное расписание; правила внутреннего трудового распорядка, должностные инструкции. Все вышеперечисленные документы являются неотъемлемой составляющей АД, обладая рядом отличительных признаков: 1) правовая основа, ссыл-

ки на действующие правовые акты, законы и т.д. (утверждены постановлением Минтруда РФ от 06.06.1996 № 32, Указом Президента РФ от 1 июля 1992 г. № 721); 2) юридическая лексика (уголовная, дисциплинарная, административная ответственность, права, органы исполнительной власти, законы, уставы, положения, нарушения, взыскания, конституционные гарантии, нотариально заверенная копия); 3) лексика, направленная на организацию (определять порядок, принимать решение, установить сроки, включить в повестку дня, назначить на должность, исполнить в срок до, возложить ответственность за исполнение на).

Существует еще одна категория документов, составляющих ядро письменного пласта АД, которая представлена распорядительной документацией. В процессе управления руководитель наделен правом издавать распорядительные документы, которые составляют большую часть всей административной документации. Особенностью таких документов является волюнтаристичность — вынесение воли говорящего слушающему, и обязательность исполнения данной воли. Распорядительная документация, имеющая долженствующе-предписывающий характер, представлена следующими документами: приказ, распоряжение, указание, инструкция. Особенности, объединяющие эти документы в группу распорядительных и позволяющих определить языковые особенности волюнтаристичности: 1) проявление авторского начала («Постановляю», «Обязываю», «Приказываю»), и как следствие, использование глаголов в повелительном наклонении; 2) обезличенность текста: пассивные конструкции, безличные конструкции (необходимо учесть, будет произведена), что влечет отсутствие эмоциональности и экспрессивности; 3) строгое композиционное построение текста данного документа: вводная часть, распорядительная, заключительная; 4) высокая частотность использования инфинитивных форм (запретить курение, считаю необходимым предусмотреть, постановить, предлагаю предоставить); 5) использование отглагольных существительных (соблюдение, формулирование, приобретение, отнесенность, недовключение, анкетирование, актирование, представление, подписание, нахождение); 6) устойчивые языковые формулы (контроль за выполнением возлагается на, признать утратившим силу, в целях... и в изменение порядка); 7) модальные формы (необходимо, следует, надлежит). Рассмотрим пример текста приказа.

ПРИКАЗЫВАЮ:

2. Устанавливать единовременные надбавки из средств за подготовку специалистов сотрудниками университета ...

3. Производить оплату издательских расходов книжной продукции ...

5. Контроль за исполнением настоящего приказа оставляю за собой [3].

Категория волюнтаристичности проявляется через использование инфинитивных форм в сочетании с глаголом в повелительном наклонении «Приказываю» (отменить, устанавливать, производить, назначать). Автор приказа выражает свою волю, долженствующий характер которой очевиден (Контроль за исполнением настоящего приказа оставляю за собой).

Закрывают группу документов АД информационно-справочные, включающие: протоколы, акты, служебные записки, справки, характеристики, заявления. Информативность документного текста является здесь ключевым моментом, так как основное назначение данного рода документов — это сообщение и изложение только той информации, которая необходима для решения конкретной задачи на данном этапе. Данные документы являются второстепенными и вспомогательными, а их значимость определяется содержательной стороной, которая является основанием для составления распорядительных документов. В ходе исследования нами были выделены следующие языковые особенности данной категории документов: 1) нейтральность изложения; достигается за счет использования деипричастных оборотов («учитывая высказанные замечания...», «считая принципиальным положение...», «рассматривая поступившее заявление...»); 2) обязательное использование паравербальных средств: дата, регистрационный индекс, печать, виза, подпись, указание на автора (Начальник юридической службы Королев М. Ф. Королев 05.09.2000); 3) обращение от 1 лица мн. числа (просим выделить, направляем на рассмотрение), 1 лица ед. числа (считаю необходимым, настаиваю на), 3 лица ед. числа (фабрика гарантирует, отдел не возражает); 4) стандартные языковые обороты и клише, придающие документам (в частности письмам) убедительность, официальность, однозначность толкования текста («Оплата гарантируется...», «В порядке обмена...», «В соответствии с предварительной договоренностью...», «В связи с проведением совместных работ...» и т.д.); 5) информационное наполнение, то есть информативность (данная характеристика свойственна всем видам документов в АД). Информативность тесно переплетается с цельностью текста, то есть единством темы, направленности и интенции, и обеспечивается использованием релевантных клише, прагматическим членением текста и его четким структурированием [4]. Рассмотрим пример текста, взятого из инструкции по охране труда.

Инструкция № 1 по охране труда для аккумулятора

1.1. К работе в качестве аккумулятора допускаются мужчины, достигшие 18 лет, прошедшие обучение по специальности и специальное обучение безопасности труда.

1.2. На рабочем месте работник получает пер-

вичный инструктаж по безопасности труда и проходит: обучение ...; проверку теоретических знаний...; стажировку.

1.5. На работника могут воздействовать опасные и вредные производственные факторы...

1.6. Работник должен быть обеспечен средствами индивидуальной защиты[5].

Анализируя информативную составляющую данного документа, понимаем, что в нем сообщается только то, что в нем сказано, то есть это подтверждает тот факт, что документные тексты недвусмысленны, прозрачны, высокоинформативны (*аккумуляторщиком может быть квалифицированный мужчина старше 18 лет, прошедший инструктаж и стажировку на рабочем месте, обеспеченный спецодеждой, так как эта работа может быть опасна для здоровья*). Цельность обеспечена четкой структурой, разделением текста на пункты и подпункты, использованием свойственных инструкции клише (*должен иметь, должен получить, должен быть обеспечен, могут воздействовать*).

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что документирование представляет собой важную и неотъемлемую характеристику письменного моду-

са АД, а официальность, легитимность, волюнтаристичность и информативность — это те коммуникативные категории, через которые проявляется данная характеристика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Косова М. В. Метод документоведческого анализа в лингвистических исследованиях / М. В. Косова // Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание. — 2016. — № 1 — С. 7—17.
2. Сологуб О. П. Официальность как организующее начало документной коммуникации / О. П. Сологуб // Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание. — 2016. — № 1 — С. 18—27.
3. Документы ВолгГТУ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vstu.ru/sotrudniku/dokumenty/> (дата обращения: 22.05.2017)
4. Токарев Г. В. Документный и художественный тексты в аспекте реализации их признаков / Г. В. Токарев // Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание. — 2016. — № 1 — С. 77—81.
5. Охрана труда [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://trud22.ru/ohrana_truda/npa/gos_nd/tip_instruk/obchepit/ (дата обращения: 18.05.2017)

Волгоградский государственный технический университет

Евтушенко О. А., доцент кафедры иностранных языков
E-mail: ksenja22@yahoo.com

Volgograd State Technical University
Evtushenko O. A., Associate Professor of the Foreign Languages
Department
E-mail: ksenja22@yahoo.com

КОММУНИКАТИВНАЯ ВОСТРЕБОВАННОСТЬ СЕМЕМ АДЪЕКТИВНЫХ ЛЕКСЕМ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

И. С. Карпенко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 сентября 2017 г.

Аннотация: статья посвящена определению коммуникативной востребованности основного и производных значений наиболее частотных адъективных лексем русского и английского языков.

Ключевые слова: коммуникативная релевантность, коммуникативная востребованность, индекс коммуникативной релевантности семем.

Abstract: the paper is devoted to determination of the communicative importance of the main and derived meanings of the most frequently used Russian and English adjectival lexemes.

Keywords: communicative relevance, communicative importance, index of communicative relevance of sememes.

Согласно ряду исследований [1, 2, 3], проведенных в рамках сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований [4] на материале русских и английских субстантивных, глагольных и адвербиальных лексем, индекс коммуникативной релевантности семем, определяемый через отношение количества зафиксированных употреблений данной семемы к общему количеству исследованных употреблений лексемы [5], не всегда оказывается наиболее высоким у основного значения Д1. В рамках данной статьи мы предприняли попытку определить, всегда ли семема Д1 является наиболее коммуникативно значимой у адъективных лексем русского и английского языков. Исследование выполнено на материале 58 русских и 44 английских малосемемных [6,42] адъективных лексем, которые вошли в состав ста наиболее частотных прилагательных русского и английского языков по данным Частотного словаря С. А. Шарова [7] и списка частотных прилагательных Британского Национального корпуса [8]. Для определения востребованности значений изучаемых лексем русского и английского языков было отобрано по 1000 примеров употребления каждой лексемы из Национального корпуса русского языка [9] и Британского Национального корпуса [8]. Частотность семем была выявлена путем соотнесения каждого из примеров с конкретной семемой, входящей в соответствующую семантему.

В ходе исследования было установлено, что у 47 русских лексем (*американский, национальный, политический, главный, единственный, местный, настоящий, подобный, правый, равный, ранний, реальный, русский, определенный, особый, отдельный, поздний, интересный, мировой, многих, научный, небольшой, необходимый, нужный, огромный, единый, извест-*

ный, иной, всякий, государственный, гражданский, данный, детский, длинный, финансовый, человеческий, экономический, больной, важный, великий, военный, чужой, социальный, специальный, старший, страшный) семема Д1 имеет наиболее высокий индекс коммуникативной релевантности по сравнению с остальными семемами, развиваемыми семантемой, т.е. является коммуникативно доминирующей. Примером коммуникативного превалирования семемы Д1 служит семема «занимательный, любопытный» лексемы *интересный* (*Бывает, одна и та же интересная мысль приходит в две головы одновременно и возникает совместное произведение искусства.*) с индексом коммуникативной релевантности 95,6%. Вторая семема данной лексемы — семема К1 «красивый, привлекательный» (*Выхожу, вижу: стоит интересная женщина, правда, в летах.*) имеет коммуникативную релевантность, равную всего 4,4%.

Однако, как показало проведенное исследование, основное значение Д1 оказалось наиболее востребованным не у всех русских лексем данной группы. Так, у 12 русских лексем (*внутренний, готовый, дорогой, знакомый, международный, различный, сложный, советский, современный, средний, федеральный, бывший*) наибольшим индексом коммуникативной релевантности обладает семема К1. Примером лексемы русского языка, семема К1 которой оказалась наиболее коммуникативно востребованной, может служить лексема *средний*, семема К1 которой «промежуточный по своим признакам, свойствам» (*Форму поставить в духовку со средним жаром и выпекать до образования на поверхности бабы золотистой корочки.*) имеет индекс коммуникативной релевантности 57,1%, в то время как семема Д1 данной лексемы «находящийся в середине, между двумя точками, величинами, равноудаленный от краев» (*Спинку среднего места можно откинуть вперед — получится широ-*

кий подлокотник, он же столик с подстаканниками и боксом для мелочи.) имеет индекс коммуникативной релевантности 24,5%.

Высокая коммуникативная релевантность семем K1 ряда лексем может быть обусловлена развитием у них лексико-грамматической вариантности [6]. Так, индекс коммуникативной релевантности семемы K1a/n¹ «состоящий в знакомстве с кем-либо» лексемы *знакомый*, составляющий 56,9%, складывается из индекса коммуникативной релевантности субстантивного лексико-грамматического варианта (*Знакомые собирают для Ивановых деньги*), равного 42,3%, и индекса коммуникативной релевантности атрибутивного лексико-грамматического варианта (*Позвонил знакомому кинологу*), равного 14,6%. Отметим, что такая же картина преобладания коммуникативной значимости семем K1 с лексико-грамматической вариантностью наблюдается в семантемах еще двух лексем: *дорогой* и *сложный*.

Что касается семем D2 наиболее частотных малосемемных адъективных лексем русского языка, то, как показало исследование, они не обладают наивысшей коммуникативной релевантностью.

При рассмотрении группы английских адъективных лексем выявилось, что у 40 из них (*able, American, available, central, concerned, current, foreign, happy, human, important, industrial, late, legal, likely, local, main, national, necessary, only, political, possible, previous, recent, royal, significant, similar, sorry, sure, total, various, whole, appropriate, difficult, different, economic, English, European, far, final, financial*) наиболее высок индекс коммуникативной релевантности семемы D1. Так, семема D1 лексемы *legal* «юридический, правовой, судебный» (*Some businesses may take legal advice, either from in-house legal advisers, or from their solicitors.*) имеет индекс коммуникативной релевантности 73,3%, в то время \

как индекс коммуникативной релевантности семемы K1 «законный; дозволенный законом; легальный» (*The courts don't give you what's fair; they give you what's legal.*) составляет 26,7%, а индекс коммуникативной релевантности семемы D2 «основанный на Моисеевом законе» равен 0.

В ходе исследования выяснилось, что коммуникативное превалирование семемы K1 наблюдается у четырех адъективных лексем английского языка: *individual, personal, present, serious*. Например, семема K1 лексемы *personal* «задевающий, затрагивающий личность кого-либо, относящийся к частной жизни кого-то» (*She was interested in his personal life.*) имеет

индекс коммуникативной релевантности, равный 51,3%, в то время как семема D1 данной лексемы «личный, персональный, относящийся или принадлежащий одному человеку по праву собственности» (*That's his little personal seal, the one he sometimes uses to give authority to his special messengers.*) характеризуется показателем индекса коммуникативной релевантности 31,2%. Таким образом, коммуникативная релевантность коннотативного значения в 1,6 раза превышает коммуникативную релевантность основного значения D1.

Что касается коммуникативного доминирования семемы D2, то среди английских малосемемных адъективных лексем его выявлено не было.

Проведенное исследование показало, что основное значение адъективных лексем, также как и лексем другой частеречной отнесенности в русском и английском языках, может утрачивать наиболее высокую коммуникативную востребованность, передавая ее коннотативному значению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кривенко Л. А. Словарь коммуникативной релевантности семем наиболее частотных субстантивных лексем русского и английского языков / Л. А. Кривенко, М. А. Стернина. — Воронеж: Истоки, 2013. — 117 с.
2. Никитина И. Н. Словарь коммуникативной релевантности семем наиболее частотных глагольных лексем русского и английского языков / И. Н. Никитина, М. А. Стернина. — Воронеж: Истоки, 2013. — 154 с.
3. Кочетова Н. В. Словарь коммуникативной релевантности семем наиболее частотных адвербиальных лексем русского и английского языков / Н. В. Кочетова, М. А. Стернина. — Воронеж: Истоки, 2016. — 93 с.
4. Стернина М. А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований / М. А. Стернина — Воронеж: Истоки, 2014. — 115 с.
5. Кривенко Л. А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Кривенко. — Воронеж, 2013. — 22 с.
6. Стернина М. А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка / М. А. Стернина. — Воронеж: Истоки, 1999. — 160 с.
7. Частотный словарь С. А. Шарова — Режим доступа: www.artint.ru/projects/frqlist.asp.
8. Британский национальный корпус — Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
9. Национальный корпус русского языка — Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.

Воронежский государственный университет
Карпенко И. С., преподаватель кафедры английского
языка естественно-научных факультетов
E-mail: kisss22@mail.ru

Voronezh State University
Karpenko I. S., Teacher of the English Chair for Science
Departments
E-mail: kisss22@mail.ru

ТВОРЧЕСТВО В. А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА В СОВРЕМЕННЫХ КРИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А. С. Конюхова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 ноября 2017 г.

Аннотация: целью данной статьи является рассмотрение биографических, критических и литературоведческих работ, посвященных творчеству мало известного русского православного писателя В. А. Никифорова-Волгина. Источником исследования послужили как работы современных автору писателей и публицистов, так и новейшие литературоведческие работы. Исследование творчества В. А. Никифорова-Волгина ведется по нескольким направлениям: сюжетология, типология героев, жанровое и стилевое своеобразие.

Ключевые слова: В. А. Никифоров-Волгин, биография, критика, научные исследования, сюжет, типология героев, жанр.

Abstract: the aim of this article is the consideration of biographical, critical and literary articles devoted to the works of little-known Russian Orthodox writer V. A. Nikiforov-Volgin. The source of the investigation were the works of contemporary writers and publicists as well as latest literary works. The investigation of Nikiforov-Volgin's works is carried on several directions: plot theory, typology of the characters, genre and style originality.

Keywords: the biography, criticism, scientific investigation, plot, typology of the characters, genre.

Творчество В. А. Никифорова-Волгина (1900—1941) — особая «страница» в литературе русского зарубежья, и его проза только открывается современному исследователю и читателю. Ещё в раннем детстве писатель покинул Родину и почти всю жизнь прожил в Прибалтике, в Эстонии. Первая публикация вышла в таллиннской газете «Последние известия» 10 сентября 1921 года и принесла начинающему писателю успех у читателей и критиков. На протяжении многих лет В. А. Никифоров-Волгин сотрудничал с журналом «Нарвский листок». В 1935 году парижский журнал «Иллюстрированная Россия» присудил писателю первую премию за рассказ «Архиерей». С 1936 года автор переехал из Нарвы в Таллинн, вступил в просветительское общество «Витязь», много печатался в рижской периодике — газете «Сегодня» и журнале «Для Вас», выпустил несколько самостоятельных сборников («Земля Именинница» и «Дорожный посох»). В 1941 году В. А. Никифоров-Волгин был арестован по приказу советских властей. Его обвинили в издании антисоветской литературы и расстреляли 14 декабря 1941 года в Кирове (Вятка).

Жизнь писателя пришлась на переломную эпоху: Первая мировая война, предреволюционные годы, русская революция 1917 года, Гражданская война — все эти драматические изломы в судьбе страны нашли самое непосредственное отражение в его творчестве. Произведения В. А. Никифорова-Волгина, начиная со второй половины 1920-х гг. и вплоть до

последних произведений, пронизаны раздумьями о будущем России, о тех глобальных исторических переменах, современником и свидетелем которых он стал. Именно поэтому его рассказы и повести интересны современным читателям, размышляющим о событиях столетней давности и оценивающим их роль в судьбе России.

Книги В. А. Никифорова-Волгина еще при его жизни привлекли внимание современников. Игорь Северянин, с 1918 по 1941 год живший в эмиграции в Эстонии, в 1934 году выпустил сборник «Медальоны», в который вошли 100 сонетов — характеристик известных поэтов, писателей и композиторов. Поэт посвятил В. А. Никифорову один из сонетов, в котором точно расставил основные акценты творчества, вписал его в традицию русской классики и современной литературы [1, 223]:

Ему мила мерцающая даль
Эпохи Пушкина и дней Лескова...
Он чувствует Шмелева мастерского,
И сроден духу родниковый Даль.

Соотнесение произведений В. Никифорова-Волгина с творчеством А. С. Пушкина и Н. С. Лескова обусловлено близостью тем данных авторов. Они обращаются к описанию дворянского и помещичьего быта. Для всех рассказов и повестей писателя будет характерна тоска по уходящей России, России XIX века с ее несчастливым бытом, цветистым говором и христианской осмысленностью бытия. Отсылка к В. И. Далю также представляется нам не случайной. Многие критики будут обращать особое внимание на умение В. Никифорова подобрать нужное слово, наиболее

точно передающее то или иное явление и впечатление. Язык его произведений своими корнями уходит в традиции народной речи, описанные В. И. Далем.

И. Северянин чутко улавливает и основную тему всего творчества В. Никифорова, акцентирует внимание на особенностях тематики и стиля книг писателя:

Деревни ль созерцает, города ль,
В нем нет невыносимо городского:
Он всюду сын природы. В нем морского
Мороза хруст, что хрупок, как миндаль.
В весенний сад, что от дождя заплакан,
Выходит прогуляться старый дьякон...

Поэт в процитированных отрывках проводит параллель между книгами В. Никифорова и И. Шмелева. Как и у И. С. Шмелева, вся жизнь человека в рассказах В. А. Никифорова-Волгина вписана в круг православных праздников и обрядов. Все происходящее в мировой истории автор рассматривает как Промысел Божий о судьбе родной страны и всего человечества. Заметим, что сам И. Шмелев, которому В. А. Никифоров-Волгин однажды прислал свою книгу, отозвался в своей переписке с О. А. Бредиус-Субботиной довольно критично о молодом авторе: «"Влияние" доходит до прямого подражания. Но что ты хочешь?! И мне отвратно читать, будто меня корежат, пародируют. Думаю — без умысла...» [2]. Подобное мнение, к счастью, единично.

Отзывы современников о творчестве В. А. Никифорова-Волгина положительны. Одним из первых молодого автора заметил Александр Амфитеатров, известный публицист, автор романов «Восьмидесятники» (1907 г.), «Закат старого века» (1910 г.), «Дрогнувшая ночь» (1914 г.). С 1921 по 1922 год он жил в Праге и сотрудничал с рижской газетой «Сегодня», в которой публиковались рассказы В. А. Никифорова-Волгина. В 1937 году в варшавской газете «Меч» вышла статья А. Амфитеатрова «Тоска по Богу», посвященная анализу прозы В. Никифорова. Автор подчеркивает: несмотря на то, что автор только начинает издаваться, талант его несомненен. Критик отмечает, что не хочет анализировать стиль произведений В. Никифорова. С его точки зрения, гораздо важнее рассмотреть «моральный центр тяжести этой (имеется в виду сборник В. Никифорова-Волгина «Земля Именинница», вышедший в 1937 году в Таллинне) книги» [3, 483]. Автор статьи считает, что «весь интерес писателя обращен на духовную нужду народа... Рассказы В. Никифорова-Волгина похожи на «духовные стихи» слепых старцев: рапсодии о людях, как будто маленьких, но своею могучею верою подъяемых над смятенным и отчаянным человечеством выше всех великих и сильных» [3, 484]. Это очень важное замечание, поскольку в нем подчеркнута индивидуальность творчества В. Никифорова, а также его тесная связь с фольклорной традицией и традицией авторов XIX века. Публицист проводит параллель между рассказами писателя и поэмой Н. Некрасова

«Кому на Руси жить хорошо», в которую входит сказание о Кудеяре-атамане. Именно данным произведением можно объяснить интерес В. Никифорова к теме покаявшегося разбойника, которая позже породит новый тип героя — красноармеецпокаянец.

Современные писателю авторы часто останавливались на описании ужасов, творимых большевиками над служителями православной церкви. Показывая сходство рассказов писателя с творчеством И. С. Шмелева, А. Амфитеатров отмечает различия этих двух авторов. В. А. Никифоров не избегает подобных страшных страниц русской истории, но ему удастся сочетать их с «лучом» надежды, проглядывающим через описываемую тьму беззаконий. Этот луч и есть «тоска по Богу», которая может пробудиться в душе самого закоренелого грешника.

А. Амфитеатров, завершая свою статью, называет книгу В. Никифорова «возвышенной поэмой русской тоски по Богу и упования к Нему возвращения» [3, 489]. Таким образом, данная работа публициста положила начало рассмотрению творчества В. А. Никифорова-Волгина как уникального явления в русской литературе, органично вписанного в канву литературного процесса как XIX, так и XX века.

Это не совсем научная статья, но именно в ней впервые полно отмечаются основные черты творчества В. Никифорова: ориентация на православную нравственность и мораль, умение в самых трудных и страшных обстоятельствах увидеть перст Божий, введение нового героя, созвучного времени, — красноармейцапокаянца.

Александр Стрижев, составитель сборника «Заутреня святителей» и один из немногих биографов В. Никифорова-Волгина, в предисловии к изданной книге метафорично подтверждает мысль А. Амфитеатрова: «Кусками огненной магмы, выхваченной из горнила суровой действительности, светились читателю эти рассказы, раскрывающие суть скорбного бытия русских людей под большевиками» [4, 8]. Во многом эта заметка биографического характера, хотя А. Стрижев и уделяет внимание воздействию произведений В. Никифорова на читателей-современников:

«Книги Никифорова-Волгина буквально потрясли русских изгнанников своей правдивостью и смелостью» [4, 8].

Александр Перфильев, публицист, литературный критик и поэт (сборники «Снежная месса» 1925 г., «Листопад» 1929 г., «Ветер с Севера» 1937 г.), особое внимание в своей заметке «Земля Именинница» (журнал «Для Вас», Рига, 1937 год) уделяет необычному языку книг В. Никифорова: «Никифоров-Волгин не боится этого деревенского языка. Он его бережет и лелеет. Но — не скупой хозяин — он щедро раздает его всем, кто может оценить и понять всю красоту и звучность этого языка, и потому по всей книге как драгоценные камни разбросаны чудесные, полно-

весные, звонкие русские слова» [5, 476]. Автор подчеркивает, что это не механическое употребление просторечных, диалектных и церковнославянских выражений, а органичное осмысление мира и действительности на языке понятном и близком автору. Данная работа показывает связь между сюжетами, к которым обращается автор, и лексическими средствами, используемыми для наилучшего воплощения замысла.

Статья Сергея Нарышкина «Певец Бога и земли» (1939 год) посвящена раскрытию произведений В. Никифорова как очень сложного и глубинного явления. Критик отмечает, что данный прозаик сразу полюбился и читателям, и исследователям, заслуженно получил несколько престижных литературных премий. Заметка обращена ко второй книге В. Никифорова — «Дорожный посох». С. Нарышкин подчеркивает, что автор «очень русский, отдавший свое сердце, приклонивший свой слух земле» [6, 471]. Отметим, что подобное замечание является необыкновенно важным и ценным.

В. Никифоров покинул Россию в возрасте десяти лет и снова увидел Родину из окна поезда, везущего его на расстрел, но все творчество данного автора отмечено искренней любовью к Руси Святой, чей образ ему удавалось увидеть и сквозь революционные метели. С. Нарышкин подчеркивает литературную непохожесть писателя. При этом критик отмечает тесную связь автора «с былым, ушедшим, далеким».

Таким образом, все статьи современных В. А. Никифорову-Волгину критиков направлены на рассмотрение сюжетного своеобразия книг автора. Публицисты отмечают яркость образов и неповторимость языка рассказов. Главной ценностью творчества В. Никифорова единодушно признается нравственная устойчивость и крепость веры, которую не могут поколебать никакие события современного автору мира.

Первым из современных исследователей к изучению творчества В. А. Никифорова-Волгина обратился С. Исаков, эстонский литературовед, профессор отделения славянской филологии Тартуского университета. Именно он собрал и издал впервые после реабилитации писателя сборник рассказов «Дорожный посох», который вышел в России в 1992 году. С. Исаков сопроводил данное издание вступительной статьей, где после долгого перерыва обращает внимание читателей и исследователей на своеобразие произведений В. Никифорова, на необычайно светлый взгляд на мир. Как основную черту творчества данного автора, С. Исаков выделяет незлобие. Ужасы послереволюционных гонений не заставили В. Никифорова ожесточиться. Ненависть полностью отсутствует в его произведениях. Обусловлено это, по мнению критика, христианским мировоззрением автора, которому он остается верен до конца: «Ему свойствен добрый всепрощающий взгляд на жизнь и на людей,

конечно, идущий от христианского мироощущения, с детства усвоенного писателем. В. Никифоров-Волгин и его герои совершенно чужды нетерпимости, они исполнены любви к ближним, готовности простить им их прегрешения» [7, 6].

Николай Пересторонин, публицист и поэт, автор сборников «Следы на снегу» (стихи, 1981), «Старый двор» (стихи и проза, 1988), «Снегопады двадцатого века» (стихи, 1993), «Серебряный берег» (1997), лауреат премии Правительства России в области печатных СМИ, лауреат всероссийской литературной премии имени Святого благоверного князя Александра Невского, продолжает линию А. Перфильева. В заметке «Чтобы помнили», опубликованной в газете «Вятский край» в 2006 году, он подробно останавливается на индивидуально-авторской манере В. А. Никифорова-Волгина: «Но (он) литературный отшельник, ни на кого не похожий. Ручная узорная работа, ровное дыхание мастера, незаемное, выверенное слово — это все о Василии Акимовиче. И колоритная образность, плотная художественная ткань, ненавязчивая, совершенно естественная тональность изображения событий — тоже о Никифорове-Волгине» [8]. Эта статья отличается яркой эмоциональной окраской и публицистичностью. Главная задача Н. Пересторонина — обратить внимание на незаслуженно вычеркнутого из литературы писателя.

Итак, можно констатировать, что на данный момент наблюдается возрождение интереса к творчеству Никифорова-Волгина. Но, к сожалению, статей, посвященных научному исследованию феномена творчества писателя, пока еще немного. По преимуществу это работы сопоставительного характера, где исследователи помещают писателя в современный ему литературный контекст православной прозы.

В качестве примера можно назвать диссертацию О. Лапко «Художественное воплощение наставничества в русской прозе 1920—1930-х годов», защищенную в 2009 году в Москве. Объектом исследования становится русская художественная проза 1920—1930-х годов (повесть Б. Л. Пастернака «Детство Люверс», роман Л. И. Добычина «Город Эн», сборники рассказов В. А. Никифорова-Волгина «Земля именинница» и «Дорожный посох», рассказы Н. А. Тэффи, А. Т. Аверченко). Особое внимание исследователь уделяет произведениям «неклассической прозы», «знаковым для своего времени, но еще не прочитанным с достаточным вниманием (повесть Б. Л. Пастернака «Детство Люверс», роман Л. И. Добычина «Город Эн»)). Не исследовано творчество В. А. Никифорова-Волгина, отразившего в своих произведениях православное мироощущение русского человека. Как и для Б. К. Зайцева, И. С. Шмелева, тоже навсегда» [9]. О. Лапко предлагает новую классификацию наставников: 1) универсальный Логос, язык, Слово, Имя (повесть Б. Л. Пастернака «Детство Люверс», первоначально названная «Три имени», «Земля именинница» и «До-

рожный посох» В. А. Никифорова-Волгина); 2) отец и мать как воплощение мужского и женского начал бытия (повесть Б. Л. Пастернака «Детство Люверс», роман Л. И. Добычина «Город Эн»), нравственного ориентира героя («Земля именинница» и «Дорожный посох» В. А. Никифорова-Волгина); 3) святые, ангелы-хранители героев, олицетворенные в земных наставниках или являющиеся героям в видениях и снах («Земля Именинница», «Дорожный посох» В. А. Никифорова-Волгина); 4) священники, лица монашеского звания, служители церкви, старцы («Земля Именинница» и «Дорожный посох» В. А. Никифорова-Волгина) 5) память о родной природе, образах родного дома, об искусстве России в прозе русского зарубежья (рассказы В. А. Никифорова-Волгина, А. Т. Аверченко, Н. А. Тэффи); воспоминания о погибших, перешедших в мир иной людях или об «утраченном рае» детства. Обосновывая взаимосвязь феномена наставничества с мотивами движения, странничества, пути, исследовательница обращается к рассмотрению сборника рассказов «Земля Именинница» и повести В. А. Никифорова-Волгина «Дорожный посох», главный герой которой — священник — странник, вынужденный оставить свой дом и отправиться на проповедь. О. Лапко приходит к выводу: «В прозе В. А. Никифорова-Волгина наставничество неотъемлемо от образа-символа Пути, земного и небесного странствия и преображения человеческой души» [9].

В 2010 году И. А. Казанцева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX—XIX веков Тверского государственного университета, публикует статью «Отражение сакрального пространства в произведениях В. А. Никифорова-Волгина и В. Н. Крупина». В первую очередь, данная работа интересна сопоставлением В. Никифорова не с писателями XIX или XX веков, а с современным автором. Показывается не только преемственность прошлого опыта, но и продолжение заложенной данным писателем традиции изображения сакрального пространства. Как отмечает исследователь, двух авторов объединяет Вятский край, где в 1941 году родился В. Крупин и в этом же году был расстрелян В. Никифоров. Также общей для писателей является теоцентрическая картина мира. Главной задачей статьи И. А. Казанцева определяет выявление «художественных приемов, способствующих освоению сакрального и сакрализации профанного пространства» [10, 107]. Основными признаками сакрального пространства признается его «иерархичность и ориентированность на вертикальную доминанту» [10, 107]. Данное пространство актуализируется у обоих авторов через детские религиозные переживания. Автор статьи, подчеркивая общие черты, выделяет и индивидуально-авторские, замечая, что подобное различие связано со «спецификой задач», определяемых временем. Для сопоставления И. А. Казанцева выбирает рассказы, содержащие в себе сюжетную

опору на определенные церковные образы героев: герой-святитель, герой-юродивый, герой-ребенок. Для каждого типа исследователь приводит свои особенности создания сакрального пространства. Например, анализируя рассказы с героями-юродивыми, В. И. Казанцева отмечает, что «Сакральное пространство у В. А. Никифорова-Волгина воссоздается через аллюзии и реминисценции из житийных источников, у В. Крупина — прежде всего через актуализацию жанра» [10, 109]. Автор отмечает древнерусские истоки в творчестве обоих писателей. Подводя итог, В. И. Казанцева отмечает, что именно аллюзии, реминисценции и цитаты осваивают сакральное пространство, «а профанное сакрализуется введением образов святых и топоса в сочетании с актуализацией фольклора на уровне жанра и стиля» [10, 110]. Исследователь еще раз подчеркивает, что «специфика инварианта реализма В. Никифорова-Волгина порождена атмосферой намоленной земли» [10, 110].

В 2013 году в сборнике «Духовная традиция в русской литературе» вышла статья Н. П. Видмарович «Образ пасхального пространства в рассказах В. А. Никифорова-Волгина и А. Солженицына: к проблеме трансформации». Исследовательница сосредотачивается на рассказе В. Никифорова-Волгина «Солнце играет», показывает преображение пространства через звучащие слова Нагорной проповеди Спасителя. Н. Видмарович подчеркивает, что Солженицын «выступает продолжателем (Никифорова-Волгина), так как у Солженицына показаны уже плоды деятельности вдохновителей всеобщего переустройства мира, названных в Нагорной проповеди «лжепророками»» [11, 331]. Исследовательница отмечает и разницу в способах преображения пространства: у Никифорова-Волгина «тесное апостасией пространство... поглощает ее саму, преображает животворящим крестом душу Ростовцева, богохульно перевоплощающегося в Самого Христа, и в этом явлено чудо; у Солженицына чудо совершается в том, что утесненное и долженствующее исчезнуть пасхальное пространство не исчезает, но трансформируется, переходя на лица молящихся, участников крестного хода» [11, 333]. Таким образом, Н. Видмарович делает акцент на общности столь разных художников, как В. Никифоров-Волгин и А. Солженицын. Она показывает, что оба автора отразили один и тот же процесс трансформации пасхального пространства через слова Евангелия и молитв, но на разных стадиях: в самом начале, когда мир «еще противится злу», и в завершении «процесса обезличивания и обезбоживания человека» [11, 335].

В 2015 году в Вестнике МГЛУ Выпуск 5 (716) выходит статья Е. А. Осьминой «Тексты церковных песнопений в циклах «Детство», «Из воспоминаний детства» В. А. Никифорова-Волгина». Исследователь выделяет три важнейшие темы, затронутые в творчестве писателя: это «красная Россия (антибольше-

вистский пафос), прошлая Россия (ностальгическая нота) и зарубежная Россия (бытописание)» [12, 217]. При этом следует отметить, что многие рассказы не ограничиваются лишь одной темой. Для писателя важно показать жизнь во всем ее разнообразии и контрасте, именно поэтому все выделенные темы существуют не автономно, а в тесном сплетении друг с другом. Е. Осьминина указывает, что наиболее часто церковные песнопения встречаются в произведениях, посвященных прошлому России (т.е. ностальгической тематики), хотя их можно обнаружить и в оставшихся двух группах. Исследователь особое внимание уделяет циклам «Детство» и «Из воспоминаний детства». Автор статьи систематизирует все упоминания о тех или иных церковных службах и песнопениях, сопровождающих их. Е. Осьминина приходит к выводу, что употребление церковных песнопений, с одной стороны, несет просветительскую функцию. В. Никифоров — детский писатель. Его произведения предназначены для семейного чтения, таким образом, подобный вывод исследователя закономерен. Также Е. Осьминина подчеркивает и эстетическую функцию церковных песнопений. Она, подобно публицистам XX века, восхищается лексикой рассказов В. Никифорова, проводит аллюзии с поэтами как XIX, так и XX века: «"яблоком и медом" («Гой ты, Русь, моя родная» С. А. Есенина), «громокипящий» («Весенняя гроза» Ф. И. Тютчева, название сборника И. Северянина)» [12, 225]. Исследователь в качестве индивидуально-авторской особенности творчества выделяет внимание писателя к звуку: «Мало того, Никифоров-Волгин это звучание обозначает, передает, и здесь, в передаче звука, ему нет равных. Бунин среди писателей русской эмиграции славился своим «зрением», Шмелев — «обонянием», Никифорову-Волгину можно отдать пальму первенства в отношении "звука"» [12, 224].

В этом же году выходит книга Валерия Лепахина «Икона в русской словесности XIX—XX веков», одна из глав которой посвящена творчеству В. А. Никифорова-Волгина («Пригвожденная Богородица. Иконы и иконоборцы в произведениях В. А. Никифорова-Волгина»). Исследователь отмечает, что В. Никифоров в своих произведениях отразил три образа Руси: есенинскую Русь уходящую, Русь бунтующую и Русь постреволюционную. Для анализа автор выбирает несколько рассказов В. Никифорова, в которых тема иконопочитания заявлена прямо или косвенно (рассказы «Икона», «Сумерки», «Молитва», повесть «Дорожный посох»). Автор подчеркивает, что описание крестных ходов у В. Никифорова соотносимо с этим же явлением в произведениях «Мельникова-Печерского и Толстого, Горького и Шмелева» [13, 227], похожее изображение красного угла можно встретить в книгах Пушкина, Достоевского, Лескова, антиномичность образа Руси — России соотносима с поэзией Серебряного века, стихами И. Северянина, Н. Клюева,

С. Есенина. Отметим, что данные параллели не только с прозаическими произведениями авторов XIX—XX веков, но и с поэтическими, кажутся нам оправданными: многие критики отмечали, что рассказы В. Никифорова подобны стихам в прозе. В. Лепахин подчеркивает, что икона для писателя — это одушевленный предмет, который живет, страдает и страдает вместе с людьми. Как главный мотив всего творчества В. Никифорова исследователь выделяет «не Второе пришествие и не Страшный Суд», а надежду «на восстановление в человеке образа Божия, иконы Спасительной» [13, 236]. В рассказах об обновлении икон В. Лепахин подчеркивает веру писателя в возможность воскрешения Святой Руси. Завершая главу, автор вновь указывает на родство В. Никифорова и писателей XIX века, а именно Ф. М. Достоевского. По мнению исследователя, как и Достоевский, В. Никифоров-Волгин «ставит в конце своих раздумий знак вопроса, но это только риторический вопрос, ведь для него очевидно, что иконы не только прошлое, но и будущее Руси» [13, 237].

Таким образом, исследование творчества В. А. Никифорова-Волгина ведется по нескольким направлениям: изучение биографии писателя (А. Стрижев, С. Исаков), публицистические работы (А. Амфитеатров, С. Перфильев) и исследовательские работы (О. Лапко, В. И. Казанцева, Н. П. Видмарович, Е. Осьминина, В. Лепахин). Для биографических работ главной задачей становится максимальная информативность, попытка восстановить множество пробелов, вызванных непростыми обстоятельствами жизни данного автора. Публицистические работы направлены на привлечение внимания к феномену творчества В. Никифорова. Во многом они рассматривают основные сюжеты, образы, мотивы, содержащиеся в книгах. Особый акцент все критики делают на лексическую сторону произведений, отмечая необычную красочность и причудливое смешение церковнославянского и народного русского языков. Авторы научно-исследовательских работ не только подчеркивают соотносимость феномена творчества В. А. Никифорова-Волгина с традицией авторов XIX—XX веков, но и предпринимают попытку рассмотрения творчества автора как уникального явления в литературном процессе XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Северянин Игорь. Лирика / Игорь Северянин. — Л.: Детская литература, 1991. — 223 с.
2. Переписка И. С. Шмелева и О. А. Бредиус-Субботиной [Электронный ресурс]. — http://az.lib.ru/s/shmewlew_i_s/text_0220.shtml
3. Амфитеатров А. Тоска по Богу / А. Амфитеатров. — М.: Паломник, 2003 — 498 с.
4. Стрижев А. Василий Акимович Никифоров-Волгин. Биографический очерк / Александр Стрижев // Заутреня святителей / В. А. Никифоров-Волгин. — М.: Паломник,

2003.— Гл. 1.— С. 3—9.

5. Перфильев А. Земля Именинница / Александр Перфильев // Для Вас [Рига].— 1937.— № 30.— С. 29.

6. Нарышкин С. Певец Бога и земли / С. Нарышкин // Для Вас [Рига].— 1939.— № 14.— С. 14.

7. Исаков С. О В. А. Никифорове-Волгине / Сергей Исаков // Дорожный посох / В. А. Никифоров-Волгин.— М.: Русская книга, 1992.— Введение.— С. 5—8.

8. Пересторонин Н. Чтобы помнили: Серебряная метель Никифорова-Волгина / Николай Пересторонин.— Вятский край, 2006.— Режим доступа: <http://www.vk-smi.ru/2006/jan06/vkjan061203.htm>

9. Лапко О. Художественное воплощение наставничества в русской прозе 1920—1930-х годов: автореф. дис. канд. филолог. наук / О. Лапко.— [http://cheloveknauka.com/hudozhestvennoe-voploschenie-nastavnichestva-v-russkoy-](http://cheloveknauka.com/hudozhestvennoe-voploschenie-nastavnichestva-v-russkoy-proze-1920-1930-h-godov)

[proze-1920—1930-h-godov](http://cheloveknauka.com/hudozhestvennoe-voploschenie-nastavnichestva-v-russkoy-proze-1920-1930-h-godov)

10. Казанцева И. А. Отражение сакрального пространства в произведениях В. А. Никифорова-Волгина и В. Н. Крупина / И. А. Казанцева // Вестник Тюменского государственного университета.— 2011.— № 1 — С. 107—111.

11. Видмарович Н. П. Образ пасхального пространства в рассказах В. Никифорова — Волгина и А. Солженицына: к проблеме трансформации / Н. Видмарович // Духовная традиция в русской литературе.— Ижевск.: Изд-во «Удмуртский университет», 2013.— С. 321—340.

12. Осьминина Е. А. Тексты церковных песнопений в циклах «Детство», «Из воспоминаний детства» В. А. Никифорова-Волгина / Е. А. Осьминина // Вестник МГЛУ.— 2015.— № 5 — С. 216—226.

13. В. Лепахин Икона в русской словесности XIX—XX веков / В. Лепахин.— СЕГЕД.— 2015.— С. 226—237.

*Воронежский государственный университет
Конюхова А. С., аспирант
E-mail: asy_artemenko@mail.ru*

*Voronezh state University
Konyukhova, A. S., Postgraduate Student
E-mail: asy_artemenko@mail.ru*

НАРРАТИВ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ СОБЫТИЯ: ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОМАНАХ Е. Н. ЧИРИКОВА И О. А. ИЛЬИНОЙ-БОРАТЫНСКОЙ

Е. В. Курбакова

Московский институт телевидения и радиовещания «Останкино»

Поступила в редакцию 17 июня 2017 г.

Аннотация: в ряду произведений о Гражданской войне в России (А. Н. Толстой «Хождение по мукам», М. А. Шолохов «Тихий Дон», А. А. Фадеев «Разгром» и мн. др.) роман Е. Н. Чирикова «Зверь из бездны» и роман О. А. Ильиной-Боратынской «Канун Восьмого дня» занимают особое место. Их авторы, оказавшиеся в эмиграции, принесли российским читателям XXI века новый контекст смыслов той трагической эпохи, которая стала и следствием, и причиной «безвременья» в стране, оторвавшейся от своих корней и утратившей глубину самосознания. Система ценностей православия является призмой, которая помогает обоим авторам воспринимать характер происходивших в стране событий. Именно в этом состоит основная особенность освоения прозаиками, принадлежащими к разным поколениям, трагической реальности Гражданской войны.

Ключевые слова: нарратив, художественное освоение события, система ценностей православия, духовная природа человека, отречение.

Abstract: in a series of works about the Civil War in Russia (A. N. Tolstoy «The Road to Calvary», M. A. Sholokhov «Quiet Don», A. A. Fadeev «Rout» and many others) the novel by E. N. Chirikov «The Beast from the Abyss» and the novel by O. A. Ilyina-Boratynsky «Dawn of the Eighth Day» take a special place. Their authors, who had emigrated, brought to Russian readers of the XXI century a new context of meaning of that tragic era, which was both a consequence and a cause of «timelessness» in the country, which is cut off from its roots and lost the depth of consciousness. The Orthodox Christian system of values is the prism that helps both authors to perceive the nature of the events taking place in the country. That is the basic feature of developing the tragic reality of the Civil War by the writers belonging to different generations.

Keywords: narrative, fictional revision of the events, Orthodox Christian system of values, the spiritual nature of man, renunciation.

За последние полтора десятилетия, прошедшие со времени возвращения имен Е. Н. Чирикова и О. А. Ильиной-Боратынской в Россию, о творческом наследии этих авторов создано немало научных трудов [1]. Исследователями справедливо замечено, что «Зверь из бездны» и «Канун Восьмого дня» — произведения, воплотившие кровную связь их авторов с Россией, глубокое знание ими российской провинции, богатый опыт участия в судьбе страны вплоть до роковых событий Гражданской войны и последовавшей вынужденной для них эмиграции. Ко всему уже отмеченному исследователями, представляется целесообразным добавить еще не прозвучавшее, но значимое проявление общности не только этих двух произведений, но и в целом мировоззренческих позиций авторов, несмотря на то, что они были людьми разных поколений, в разное время осуществившими в эмиграции художественное освоение пережитых ими роковых событий.

«Зверь из бездны» Е. Н. Чирикова увидел свет в 1924 году в Праге на чешском языке, а на русском языке был опубликован лишь в 1926 году. Этот роман,

имеющий подзаголовок «поэма страшных лет», с момента публикации стал объектом осуждения Е. Н. Чирикова в эмигрантских кругах. Автор в письме к дочери Людмиле писал: «Около моего романа «Зверь» теперь идет борьба, и грызня разбередила больное место. А читают нарасхват. В библиотеке месячная очередь» [2, с. 354].

Роман «Канун Восьмого дня» («Dawn of the Eighth Day») Ольги Александровны Ильиной-Боратынской был начат летом 1930 года, опубликован в 1951 году, а в русском переводе был издан только в 2003 году в Казани. Учитывая тот факт, что доступным в России текст «Зверя из бездны» стал лишь благодаря выходу романа в 2000 году, можно считать, что к российскому читателю эти произведения пришли одновременно.

В каждом из романов особый сюжетный стержень. «Канун Восьмого дня» посвящён широкому временному диапазону в судьбе девочки-девушки-женщины и охватывает почти 20-летний период жизни казанской провинции. Действие «Зверя из бездны» продолжается от зимы до осени — менее года, и по большей части отражает жизнь Крыма. Если О. А. Иль-

ина-Боратынская достаточно обстоятельно раскрывает причины, приведшие к Гражданской войне, Е. Н. Чириков их не касается — этот аспект весьма основательно представлен им в «Жизни Тарханова», «Отчем доме» и многих других его прозаических и драматических произведениях.

Однако оба романа обладают генетической общностью, понимание которой органично большинству не только читателей, но и исследователей, с интересом и глубиной постигающих проблематику этих произведений, ибо она основана на концептуальных жизненных ценностях, являющихся опорой для многих поколений россиян. Суровая эпоха революционного переворота и последовавшей за ним братоубийственной бойни во всей мыслимой и немыслимой сумятице событий и чувств представлена Е. Н. Чириковым и О. А. Ильиной-Боратынской в свете пламени факела веры. Оба автора воспринимают характер происходивших в стране событий под призмой системы ценностей православия.

В начале своего романа Е. Н. Чириков писал: «...И когда покидает Любовь душу человеческую, из неё уходит Бог и вселяется Ненависть. Дьявол. Зверь из бездны... Человек сделался страшным, и Дьявол отдыхал, потому что ему нечего было делать на земле» [3, с. 35, 17]. Подобным образом дается объяснение О. А. Ильиной-Боратынской сюжетного построения своего романа. Нита просит отца объяснить бабушке смысл названия написанной ею повести в стихах «День Седьмой»: «Объясни, папа, что это седьмой день Творения, что на шестой Бог сотворил животного человека, но на седьмой день, то есть в седьмую эру мироздания, когда Бог отдыхал, то человек от него отделился и стал развиваться не туда, куда надо. А на восьмой...» [4, с. 201—202]. И девочка не находит слов, чтобы объяснить понятное ей самой...

Доказательств того, что в этой братоубийственной кровавой круговерти «человек отделился от Бога», в романах множество. Каждый из героев — либо невинный страдалец, либо заблудший грешник. В «Звере из бездны» это и жена, и дочь Спиридони-ча, и его молодой барин, и он сам; умершая от тифа и оплакиваемая своим мужем-священником Марусенька, дети которой вместе с телом матери остались в зоне военных действий; застрелившийся в вагоне молоденький поручик Саша; братья Петр и Павел, старик Соломейко; Лада, Владимир, Борис... В романе «Канун Восьмого дня» это и Табаков, убитый за то, что в его доме «нашли какую-то старинную саблю, висевшую на стене»; сотни расстрелянных мирных жителей, о которых говорила беременной Ните Таша: «Там и наш глазной доктор — он-то еще тут при чем? — и фотограф Голдштейн, восьмидесятилетний, да еще этот мальчишка-разносчик, который сушки продавал. Беленький такой, веселый...».

И как теперь, после всего произошедшего в душах людей и случившегося в жизни страны, «вос-

соединиться с Богом»? — во имя ответа на этот вопрос написаны оба романа. Е. Н. Чириков отвечает на него в самом начале «Зверя из бездны»: если в отсутствие Любви Дьявол овладевает душой человека, то «только женщина спасет мир от хаоса и разрушения, ибо в ней, в ее материнстве, вечный источник жизни и победа над смертью» [3, с. 35]. Роман завершается символическим эпизодом: Вероника с Евочкой на руках, подобно Скорбящей Богоматери, спасает будущее России. Но претворение в жизнь этого образа представляется возможным лишь в весьма отдаленной перспективе, ибо в настоящее время «если ты будешь проповедовать «Долой гражданскую войну!», тебя расстреляют как самого злейшего врага. Не проповедовать, а просто бежать от убийства, — тогда и здесь, и там ты дезертир, подлежащий расстрелу или повешению» [3, с. 60]. Характер Вероники являет читателю удивительную глубину ее натуры, но в этой глубине — не отдаленность от крови и грязи текущего момента, а свет, который никакая нечистота не испачкает. «Гляжу не нее и дивуюсь, — восклицает Спиридонич, — за всех у ней душа распинается. Если из благородных, так проста уж очень, а если из простых — благородна очень» [3, с. 52]. Сочетание в имени Вероники двух смыслов «Вера» и «Победа» означает, что, по Чирикову, только торжество веры приведет к миру. Но во что следует верить? Какой силы вера может спасти мир?

Герой романа «Канун Восьмого дня» Александр Львович Огарин говорит о своей вере просто и уверенно — его вера крепла всю его жизнь и укрепляла его на протяжении всего жизненного пути: «Единая цель человека — это бороться с его грубой, низшей природой и побеждать ее высшей, духовной. Но что значит такая вера, если я не готов одержать эту победу в самом себе и какой угодно ценой?» [4, с. 273]. Справедливость этого утверждения герой доказывает не только всей своей жизнью, но и смертью. Он готов быть только самим собой и никем иным, хотя очень многие в ситуации опасности для жизни согласны отказаться от себя — изменить себе и вере в свои идеалы: «В выборе пути человеку начинает казаться, что спасительным будет отказ от самого себя. Он прибегает ко «лжи во спасение». Но с отказом от себя — со «смертью себя» — спасения не происходит» [5, с. 108]. Е. Н. Чириков доказывает, что «зверь из бездны» победил человека именно тогда, когда тот изменил себе [3, с. 108] и тем самым отказался от Бога. С этой идеей вполне согласуется основное положение А. Л. Огарина, который готов во что бы то ни стало отстаивать торжество Божественной истины как смысл бытия человека: «Это не война против какого бы то ни было режима или политической партии. Это война против нового учения, чья цель убить, уничтожить Божественное начало в человеке. Мне кажется, что

если мы не положим этому конец вот сейчас, здесь в Казани, т.е. в России, оно разовьется смертной заразой по всему миру. Потому что миллионы людей пойдут за этим учением. И я все время сознаю, что должен внести мою долю в эту борьбу» [4, с. 273].

И Е. Н. Чириков, и О. А. Ильина-Боратынская делают акцент на том, что битвы со «зверем из бездны» за победу духовной природы человека не избежать никому. А победить в этой битве может только тот, кому есть, за что погибать. И даже если в неравном бою он погибнет, он в то же самое время победит, утвердив веру в свои идеалы в сознании детей, внуков, правнуков.

Попасть под «танк, давящий на своем пути всех, и правых, и виноватых, даже детей» [4, с. 151], не хотелось бы никому. Но только такое время выявляет подлинную силу и могущество тех идеалов, за которые идет борьба. Александр Викторович Ельчанинов, эмигрант первой волны, «любивший свою коренную связанность с русским прошлым» [6, с. 5], в 1926 году ставший православным священником, писал: «В нашей эмиграции есть такая точка зрения, что в России только мрак, кровь и грязь, что искру истины спасла только эмиграция. Психология варягов, ожидающих призвания вернуться и зажечь огонь во мраке. Пока здесь есть такие настроения, мы не смеем вернуться туда, где люди кровью отвечают за свою веру и за все, что мы тут имеем даром и о чем «разговариваем», но чем мало живем» [6, с. 79].

По мнению Е. Н. Чирикова, «роковые минуты» бытия этого мира дают каждому человеку возможность пройти испытание на стойкость. «Думаю об очищающем и освящающем значении пота, слез и крови — труда, покаяния и мученичества — писал О. Александр Ельчанинов. — В них тело освобождается от своей душевно-животной стихии, и духовная настроенность, не встречая препятствий, охватывает всего человека — в этом смысл того, что Церковь так высоко ставит мучеников, подчеркивая именно пролитие крови, а также, почему в народе так почитают убитых на войне» [6, с. 44].

Та же мысль завершает роман О. А. Ильиной-Боратынской. Вспоминая о гибели своего отца, мудрого и светлого человека, Алек и Нита задаются вопросами: «Как жить без него? Как думать о доме, о России без него? Как жить с мыслью о том, что с ним сделали?». Как бы в ответ в сознании героини «откуда-то из далекого прошлого прозвучали слова, произнесенные отцом»: «Долг каждого из нас — это постоянно побарывать свою низшую, неодушевленную природу. Окончательный долг человека — это снова и снова воскрешать себя из мертвых» [4, с. 342].

Благодаря Е. Н. Чирикову и О. А. Ильиной-Боратынской для нас вновь воскресли те идеалы, за которые были готовы отдать жизнь лучшие и чистые духом наши соотечественники. О. Александр писал:

«...Всякое духовное усилие, всякое добровольное лишение, всякий отказ, жертва немедленно размещаются на духовные богатства внутри нас; чем больше мы теряем, тем больше приобретаем. Мужественные души инстинктом ищут жертвы, страданий и крепнут в отречениях» [6, с. 120]. Потому Нита, вспоминая с братом отца, погибшего в кровавой бойне, произносит слова, ослепляющие нас — сегодняшних — своим светом: «Мы должны радоваться за него и за себя».

Роман О. А. Ильиной-Боратынской завершается ярким автобиографическим эпизодом. В нем передано чувство чуткой и сильной женщины, испытанное ею на многих нелегких этапах жизни — чувство, которое давало ей силу и смысл жить: «Я встала на колени и из глубины моего сердца, переполненного болью и радостью, благодарила Бога за все, что у меня еще было. За то, что Он дал мне самое большее земное счастье — любовь. И веру. И цель жизни. Самодовлеющую цель. Цель, которой я могла изменить. Но которая никогда не могла изменить мне» [4, с. 343].

Роль нарратива в структуре повествования романов «Зверь из бездны» и «Канун Восьмого дня» помогает понять личностную оценку событий Гражданской войны людьми, сохранившими в своей душе роковые отметины эпохи. Благодаря Е. Н. Чирикову и О. А. Ильиной-Боратынской мы обостренно осознали: то, каким будет «Восьмой день Творения», зависит и от нас самих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлова М. В. Люди и звери Евгения Чирикова / М. В. Михайлова // Чириков Е. Н. Зверь из бездны: Роман, повести, рассказы, легенды, сказка. — СПб.: Фолио-Плюс, 2000. — С. 3—17; Михайлова М. В. Нравственное измерение национальной трагедии / М. В. Михайлова // Юность. — 2010. — № 10. — С. 97—100; Моргунов Р. В. Поэтика романа Е. Н. Чирикова «Зверь из бездны»: дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / Р. В. Моргунов. — М., 2010. Чирикова В. «Я — как щепка в море, в этой исторической правде...» / В. Чирикова // Нижний Новгород. — 2014. — № 2. — С. 213—231; Скворцова Е. В. Три поколения российского дворянства. О книге О. А. Ильиной-Боратынской «Канун Восьмого дня» / Е. В. Скворцова // Духовные традиции усадебной культуры рода Боратынских: Сб. материалов Всерос. науч. семинара. — Тамбов. — 2005. — С. 172—177; Бармина Е. Н. Две Ольги: образ русской женщины в романах О. А. Ильиной «Канун Восьмого дня» и Т. Уайлдера «День Восьмой» / Е. Н. Бармина // Вестник Тамбовского государственного университета. — 2011. — Вып. 12 (104). — С. 250—255.
2. Чириков Е. Е. Об авторе / Е. Е. Чириков // Чириков Е. Н. Зверь из бездны: Поэма страшных лет. — Минск: ТетраСистемс. — 2000. — С. 355—362.
3. Чириков Е. Н. Зверь из бездны: Поэма страшных лет / Е. Е. Чириков. — Минск: ТетраСистемс. 2000. — 368 с.

4. Ильина-Боратынская О. А. Канун Восьмого дня / О. А. Ильина-Боратынская. — СПб.: Славия. 2012. — 352 с.

5. Курбакова Е. В. Евгений Чириков и Ольга Ильина-Боратынская о кризисе самоопределения личности /

Е. В. Курбатова // Вестник Казанского (Приволжского) государственного университета. Серия «Филология и культура». — Казань, 2014. — № 3 (37). — С. 107—111.

6. Священник Александр Ельчанинов. Православие для многих. — М.: Даръ, 2010. — 152 с.

Московский институт телевидения и радиовещания «Останкино»

Курбакова Е. В., доктор исторических наук, кандидат филологических наук, профессор кафедры журналистики
E-mail: art.s@list.ru

Moscow Institute of television and radio broadcasting «Ostankino»

Kurbakova E. V., Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philology, Professor of the Journalism Department
E-mail: art.s@list.ru

ПРОИЗВЕДЕНИЕ АРХИМАНДРИТА ТИХОНА (ШЕВКУНОВА) «“НЕСВЯТЫЕ СВЯТЫЕ” И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ» В КОНТЕКСТЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОЗЫ XXI ВЕКА

И. С. Леонов

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Поступила в редакцию 4 августа 2017 г.

Аннотация: статья посвящена определению места книги архимандрита Тихона (Шевкунова) «“Несвятые святыя” и другие рассказы» в контексте православной литературы XXI века. Изучаемое произведение опирается на две тенденции религиозно-христианской художественной словесности сегодняшнего дня: прозу с эволюционирующим объектом и приходскую литературу. О первом свидетельствует наличие в тексте моделей духовной трансформации персонажей (неверие — погружение в мир православной общины; неверие — приход к вере; грех — покаяние; внешняя греховность — внутренняя праведность), а также рассмотрение личности сквозь призму кризис- и выбор-ситуаций. Вторая тенденция характеризуется установкой на автобиографизм, а также отражением в тексте мотивов богослужебно-обрядового комплекса.

Ключевые слова: православная художественная литература, проза с эволюционирующим объектом, приходская литература, монастырская проза, кризис-ситуация, выбор-ситуация, автобиографизм, православные таинства и обряды.

Abstract: the article is devoted to defining the place of the book of Archimandrite Tikhon (Shevkunov) ““Unholy saints” and other stories” in the context of Orthodox literature of the XXI century. This work is based on two trends in the modern religious Christian literature: the prose with the evolutionary object and parish literature. The presence in the text the models of spiritual transformation of the characters (disbelief — dive into the world of the Orthodox community; lack of faith — coming to faith; sin — repentance; outer sinfulness — inner virtue) indicates the first trend, and considering the personality through the prism of the crisis — and choice-situations as well. The second trend is characterized by the installation of autobiographysm and presence in the text of the explanation of the liturgical-ceremonial complex.

Keywords: orthodox literature, prose with the evolutionary object, the parish literature, monastic literature, the crisis-situation, selection-situation, autobiographysm, Orthodox sacraments and ceremonies.

Опубликованная в 2011 году книга архимандрита Тихона (Шевкунова) «“Несвятые святыя” и другие рассказы» вызвала широкий резонанс в читательской аудитории, а также привлекла внимание специалистов-гуманитариев. Многие исследователи связывают успех произведения с тонким чувством юмора, присущим автору, искренностью, достоинствами языка и стиля. По мнению Н. В. Пращерук, «автор выступает здесь великолепным рассказчиком, мастером диалога, в каждой реплике явлен характер, обозначена индивидуальность» [1, 507]. Размышляя о высоком уровне популярности книги, Д. М. Рогозин подчеркивает, что благодаря произведению происходит знакомство современного светского читателя с уникальным монастырским миром, закрытым и непонятым для большинства представителей сегодняшнего российского общества: «Жизнь церковных людей необычна и непонятна для внешнего человека. Его представления о ней заполнены скорее мифами и анекдотами, нежели описаниями реальных

событий. Вместе с тем, монастырь — это сообщество обычных людей, выбравших для себя иной путь, иную судьбу» [2, 171]. М. С. Краснякова предлагает выделить в группу произведений с «монастырским» сюжетом художественные тексты, в которых основные события происходят в пространстве православной обители, а в качестве персонажей представлены монахи, послушники и паломники [3].

Соглашаясь с идеями исследователей, необходимо отметить, что появление книги «Несвятые святыя» связано с развитием православной художественной прозы, которая в настоящее время становится неотъемлемой частью современного литературного процесса. Обращаясь к ее специфике, следует выделить две знаковые тенденции, объединяющие произведения различных жанров.

К первой группе относятся тексты, общая установка которых связана с разработкой и презентацией типичных моделей прихода к вере и воцерковления современного человека. Для этого могут использоваться реалистичные ходы (познание Бога через болезнь, несчастье, одиночество, а также благодаря

знакомству с людьми, имеющими богатый опыт духовной жизни). Ряд авторов разрабатывают ситуацию «встреча с чудом», за которой следует обращение персонажа к миру русского православия. И, наконец, в некоторых случаях на страницах православной литературы возникают явно фантастические или фэнтезийные сюжеты: путешествие по вымышленным мирам, попадание в компьютерную игру, знакомство с загробной реальностью и т.д.

С опорой на идейно-тематическую доминанту, основанную на изображении сложного процесса приобщения современного человека к вере и вхождения его в церковную жизнь, предлагается рабочее определение данного течения православной литературы — проза с эволюционирующим объектом.

Вторая тенденция связана с возникновением по-своему уникального явления — приходской литературы, создателями которой становятся лица, обладающие духовным саном и опытом приходского служения. В данном контексте представляется допустимым использование термина «иерейская (священническая) проза», отраженного в трудах В. Каплана [4], Ю. Кононенко [5], а также ряда других исследователей.

Приходская проза — малоизученный на данный момент феномен, связанный с творчеством протоиереев Александра Авдюгина, Александра Шантаева, Ярослава Шипова, Александра Дьяченко, Алексея Лисняка, Саввы Михалевича и других авторов. Его возникновение и развитие тесно связано с историческими и культурными реалиями последних десятилетий. Речь идет об открытии православных храмов, возрождении богослужений и деятельности церковных общин как в городе, так и в сельской местности.

Для приходской прозы характерна установка на автобиографизм, изображение широкого этнографического контекста, социальную открытость (образ священника раскрывается через общение с односельчанами), психологизм, внимание к деталям. Подобная литература не предполагает вымышленных ситуаций и персонажей (в некоторых случаях имена людей могут быть изменены автором).

Обозначенные тенденции православной художественной литературы отличаются друг от друга в силу специфики авторских задач. В первом случае доминирует миссионерская установка, желание писателя через яркие образы и сюжеты привлечь внимание человека к православному миру и церковной традиции. Во втором — акцент делается на изображении повседневной жизни российской глубинки, воспринимаемой и оцениваемой православным паствой.

Основной задачей настоящей работы является определение места произведения «Несвятые святы» и другие рассказы в контексте православной художественной словесности XXI века, выявление в нем черт, специфичных как для прозы с эволюци-

онирующим объектом, так и для приходской литературы, раскрытие индивидуальных особенностей поэтики изучаемой книги.

Обращаясь к традициям прозы с эволюционирующим объектом, следует отметить вариативность моделей духовных изменений, происходящих с главным героем, частично представленных ранее [6]. Для книги архимандрита Тихона наибольшей значимостью обладают следующие:

- а) неверие — погружение в мир православной общины, воцерковление;
- б) неверие — приход к вере;
- в) грех — покаяние;
- г) внешняя греховность — внутренняя праведность.

Представленные в виде бинарных оппозиций модели внутренней трансформации человека призваны отразить стартовое и финальное состояние персонажа, меняющееся по ходу развития сюжета. Следует заметить, что происходящие с человеком изменения — процесс достаточно сложный как в психологическом, так и в духовном планах. Более глубоко и наглядно он может быть раскрыт через обращение к двум понятиям: кризис-ситуации (КС) и выбор-ситуации (ВС).

Под кризис-ситуацией подразумевается состояние персонажа в момент наиболее острого напряжения духовных и/или физических сил. Речь идет о болезни, смерти близкого человека, проблемах в семье, одиночестве и т.д. В наиболее сложный момент от персонажа требуется принятие важнейших решений, требующих выхода за пределы материалистического мировоззрения. Человек переступает границу рационального и иррационального, обращается за помощью к Богу. В данном случае речь идет о выбор-ситуации, которая требует от человека решения изменить жизнь, направив ее в русло Евангельских ценностей.

Модель неверие — погружение в мир православной общины, воцерковление достаточно часто встречается в православной художественной литературе сегодняшнего дня. Она присутствует в повестях протоиерея Александра Торика «Флавиан», Татьяны Шипошиной «Полигон» и «Как мне хочется чистой воды». В книге «Несвятые святы» данная модель приобретает еще один важный компонент, связанный с принятием повествователем монашества. Подобная ситуация встречается в романе протоиерея Алексия Мокиевского «Незавершенная литургия», в котором на путь иноческого служения становится главный герой — Александр Фомин-младший. В то же время необходимо рассмотреть ряд отличий реализации указанной модели в художественных системах различных авторов.

Во-первых, в романе «Незавершенная литургия» иночество становится финальной точкой духовной эволюции главного героя, познавшего Божественную

реальность через встречу с чудом. В книге «Несвятые святые» повествователь проходит путь от нецерковного юноши до наместника монастыря. При этом изображению монастырских реалий в книге уделяется значительное место.

Во-вторых, духовный путь Георгия (мирское имя автора) показан в контексте судеб целого ряда персонажей, которые на определенном этапе разочаровались в господствующем в обществе материалистическом мировоззрении и встали на путь иноческой жизни. К ним можно отнести иеромонаха Рафаила, отца Никиту, инока Александра, Сашу Швецова и других. Объединяет этих людей тот факт, что они являются выходцами из нецерковной среды, а их интерес к православию был вызван напряженным внутренним поиском, неудовлетворенностью идеологическими нормами советского времени.

В-третьих, ни повествователь, ни его товарищи не переживают ярко выраженную кризис-ситуацию, раз и навсегда изменившую их жизнь и повлиявшую на решение уйти в монастырь. Подобный резкий переход, спровоцированный серьезным жизненным испытанием, физическими и/или душевными страданиями, часто встречается в произведениях с эволюционирующим объектом. В поиске примеров можно обратиться к повестям и рассказам протоиерея Николая Агафонова («Колдовские сети», «Безработный»), отца Александра Торика («Флавиан», «Dimon»), Валерия Лялина («Наваждение»), Бориса Спорова («Наследники», «Монах-спаситель») и многим другим. Приход к вере через боль (типичный механизм сочетания кризис- и выбор-ситуации) в произведении «Несвятые святые» не является определяющим, так как на первый план здесь выходит глубокий нравственный поиск героев, ведущих внешне благополучную жизнь. Размышляя о судьбе молодых монастырских послушников, автор отмечает: «Все были здоровые, сильные, симпатичные молодые люди. Один блестяще окончил математический факультет университета, другой, несмотря на свой возраст, был известным в Ленинграде художником» [7, 6—7].

Отсутствие масштабной кризис-ситуации не означает, что путь к иночеству и монашеская жизнь в книге архимандрита Тихона представлены в идеалистическом ключе. На различных этапах повествователь сталкивается с определенными трудностями, требующими принятия правильного решения. К таким испытаниям можно отнести увлечение Георгия оккультными практиками до принятия крещения, столкновения с первыми трудностями жизни в обители, конфликты с церковным начальством. Подобные кризисы способствуют переходу повествователя к выбор-ситуациям, к которым следует отнести крещение, отказ от досрочного оставления монастыря, следование советам духовника.

Таким образом, в книге «Несвятые святые» прослеживается идея, согласно которой приход челове-

ка к Богу осуществляется не через боль, а благодаря встрече с новой, ранее неизвестной реальностью. Подобная ситуация также представлена в произведениях протоиереев Николая Агафонова «Командировка в иную реальность» и Алексия Мокиевского «Незавершенная литургия».

Модель неверие — приход к вере способствует раскрытию образов персонажей, пришедших к вере в конце жизни и выразивших свою позицию через открытое исповедование Христа. В силу того, что кардинальный перелом в их сознании происходит на финальном этапе жизненного пути, о глубоком погружении в мир православной общины в данном случае говорить не приходится. Однако же приближение человека к смерти, сопровождаемое тяжелыми физическими недугами и нравственными страданиями, формируют кризис-ситуацию, требующую как самостоятельного выбора (обращение к вере), так и помощь церковных таинств. Данная модель изображена в главах «Теща маршала Жукова», «Об одной христианской кончине», «Как Булат стал Иваном».

Модель грех-покаяние способствует глубокому и правдоподобному раскрытию образа повествователя и близких ему людей. Реализация данной модели связана с идеей, что приход к вере и погружение в мир церкви не дают человеку полного освобождения от внутренних и внешних конфликтов. Указанная модель включает череду кризис-ситуаций, требующих осознанного и продуманного выбора. Так, ссора повествователя с иеромонахом Рафаилом со временем приводит к осознанию Георгием ошибочности своих действий. Резкость архимандрита Гавриила, спровоцировавшая уход из обители десяти иноков, вынуждает наместника искать примирения с оппонентами.

Данная модель находит отражение в судьбе Валентины Коноваловой, решившейся вопреки советам духовника на операцию, спровоцировавшую инсульт и смерть женщины. Тяжесть ее состояния приводит к тому, что покаяние не может быть выражено словесно и проявляется на невербальном уровне: «Увидев меня, она закрыла глаза и заплакала. Говорить она не могла. Но и без всяких слов была понятна ее исповедь. Я прочел над ней разрешительную молитву и причастил» [7, 48]. Глубокое нравственное потрясение испытал во время первой исповеди юноша Валерий из Чистополя: «Когда через полчаса отец Иоанн пригласил нас, Валера сидел на диванчике — заплаканный, но впервые за все дни нашего знакомства умиротворенный и даже счастливый» [7, 58].

Важное значение в книге «Несвятые святые» имеет модель духовной эволюции персонажа, выраженная формулой внешняя греховность — внутренняя праведность. Следует признать, что с ее помощью выявляется не столько характер внутренних изменений персонажа, сколько раскрывается его ис-

тинная сущность, позволяющая читателю в полной мере осознать духовный потенциал личности, контрастирующий с внешне отталкивающим обликом. В данном случае речь идет не об эволюции самого человека, а об изменении его восприятия окружающими людьми.

В этом смысле показательным является образ монастырского казначея Нафанаила, названного в книге «вредным»: «...в этом выборе оказались единодушны священники и послушники, монахи и миряне, коммунисты из печерского управления КГБ и местные диссиденты. Дело в том, что отец Нафанаил был не просто вредный. Он был очень вредный» [7, 84]. В облике монаха обнаруживаются черты скряги («Ну, настоящий Плюшкин!» [7, 97]) и церковного администратора («...отец Нафанаил всегда старательно подчеркивал, что он не кто иной, как педантичный администратор и сухой службист» [7, 95]). Тем не менее, в процессе раскрытия образа казначея читатель обнаруживает в нем такие качества, как аскетизм, самоотдача, преданность вере и монашескому призванию, любовь к людям.

Художественной манере архимандрита Тихона свойственно изображение персонажей накануне смерти, т.е. в период, когда раскрывается подлинное состояние человеческой души в преддверии встречи с Богом. Вспоминая о своем последнем разговоре с монахом, автор отмечает: «Я имел счастье навестить отца Нафанаила незадолго до его кончины и был поражен бесконечной добротой и любовью, исходившими от старца» [7, 103]. Аналогичная ситуация связана с личностью схимонаха Киприана, считавшегося насельниками монастыря «стукачом», у которого накануне смерти открылся дар предвидения.

Проанализировав черты прозы с эволюционирующим объектом, нашедшие отражение в книге «Несвятые святые», следует обратиться к особенностям приходской литературы, повлиявшим на замысел и поэтику исследуемого произведения. При этом следует оговориться: автор книги не является приходским священником, его жизненный путь связан с монастырем. По этой причине сложно говорить о масштабном отражении в книге приходских реалий. Тем не менее, отдельные элементы, связанные с жизнью современного российского духовенства, в книге присутствуют.

Во-первых, следует отметить установку автора на автобиографизм, точную передачу событий, отсутствие вымысла: «Мне не было нужды что-либо придумывать — все, о чем вы здесь прочтете, происходило в жизни. Многие из тех, о ком будет рассказано, живы и поныне» [7, 7]. В этом смысле книга «Несвятые святые» существенным образом отличается от произведений с эволюционирующим объектом, многие из которых представляют смоделированные сознанием писателя ситуации прихода к вере и воцерковления.

Во-вторых, в «Несвятых святых» речь идет об отражении богослужебно-обрядового комплекса, включающего требы предсмертного цикла. Повествователь, исполняя священнический долг, совершает визиты к умирающим людям и совершает необходимые таинства: исповедь, причастие. Подобные ситуации, типичные для приходской прозы, раскрывают тему подготовки человека к встрече с Богом, требующей как искреннего исповедования веры, так и глубокого покаяния.

Следует отметить, что в очерках и рассказах сельских священников фигурируют простые люди, деревенские жители с их традиционным набором жизненных обстоятельств, которые, с точки зрения писателя-этнографа Александра Шантаева, являются своего рода оберегом от смерти: «Пожилые бабки-прихожанки бодрятся друг перед другом, они пока еще полны забот и текущих дел — козы, огороды, соседки, внуки, новый вставной мост, который никак не «прижужется». Смерть отрицается хлопотливой бравадой...» [8, 77]. В книге «Несвятые святые» возникает новый контингент исповедников. Речь идет о представителях столичной интеллигенции, людях творческих профессий. Многим из них свойственны сомнения, рефлексия, скептицизм, не позволяющий задумываться о вере на протяжении активной жизни. Мысли о Боге, как правило, приходят к ним на заключительном жизненном этапе, когда приближение смерти становится очевидным.

Представители интеллигенции также имеют свои «обереги», своеобразные «защитные механизмы», создающие в их сознании иллюзию спасения от неминуемого финала. В отличие от деревенских жителей, для которых важное значение в данном контексте имеют домашние хлопоты, персонажи книги отца Тихона используют в качестве защиты равнодушие, индифферентность к вопросам религии (глава «Как Булат стал Иваном»), обращение к личности и философии любимого писателя («Об одной христианской кончине»). В отдельном случае, персонаж может испытывать страх перед человеком в черной одежде («Теща маршала Жукова»).

Изображение ситуаций, связанных с совершением таинств предсмертного цикла, строится по следующей схеме:

- получение известия о тяжелой болезни человека;
- приезд священника в квартиру больного, фиксация внимания на отдельных деталях интерьера;
- беседа с умирающим вне рамок таинства;
- исповедование веры больным;
- совершение обряда (содержание сохраняется автором в тайне, родные умирающего на время покидают комнату);
- чтение разрешительных молитв, причастие;
- фиксация внимания на внутреннем и физическом состоянии больного.

Особый акцент следует сделать на этапе беседы священника с умирающим персонажем. В это время повествователь пытается создать доверительную атмосферу, призвать больного к вере в Иисуса Христа и принести покаяние. Священник, не отрицая смерть, раскрывает перед исповедником учение церкви о загробном мире и о необходимости достойной подготовки к нему: «Я поведал о прекрасном, удивительном мире, бесконечно добром и светлом, куда Спаситель вводит каждого, кто доверится ему от всего сердца. И о том, что к великому событию смерти и перехода в новую жизнь надо подготовиться» [7, 365].

Во время беседы священника с умирающим происходит отказ последнего от ранее избранных способов защиты от смерти и страха перед ней. Так, перед совершением таинства в комнате Сергея Федоровича Бондарчука появляется икона Спасителя, заменившая портрет Льва Толстого, у которого знаменитый режиссер просил защиты во время устрашающих предсмертных видений.

При изображении таинств предсмертного цикла в ряде случаев возникает мотив чудесного преображения человека. Как правило, речь идет о тяжело больных людях, потерявших возможность адекватно воспринимать происходящее и вступать в общение с окружающими людьми. Однако же в отдельных ситуациях в период исповеди и причащения эти способности к ним возвращаются. В книге «Несвятые святые» подобный случай изображен в главе «Теща маршала Жукова». Аналогичные эпизоды описаны в рассказах священника Александра Дьяченко «Пять минут» и «Иван».

Наряду с изображением таинств, способствующих преображению личности, в приходской литературе присутствуют случаи отказа умирающего человека от исповеди, вызванные, как правило, идеологическими причинами. Речь идет о носителях атеистической ментальности или о представителях «альтернативной духовности», например сельских знахарях. Подобные эпизоды представлены в произведениях священников Александра Шантаева «Визит к колдунье» и Ярослава Шипова «Письма к лешему». В книге «Несвятые святые» от совершения таинства отказывается бывшая супруга обновленческого «митрополита» Александра Введенского: «...та натянула на голову одеяло и категорически отказалась ехать. Хотя накануне, казалось, готова была исповедоваться и причаститься» [7, 401]. Подобная ситуация наталкивает повествователя на размышления, касающиеся видов грехов и возможности получения прощения: «Есть человеческие грехи, которые врачуются

покаянием. А есть особые грехи — против Церкви. Они настолько могут разлучить человека с Богом, что даже не допускают к покаянию» [7, 399].

Таким образом, книга архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые» и другие рассказы» занимает особое место среди произведений, входящих в круг православной художественной литературы XXI века. В ней находят отражение традиции прозы с эволюционирующим объектом, выраженные через обращение автора к вариантам духовного преображения человека (неверие — приход к вере; неверие — погружение в мир православной общины, воцерковление; грех — покаяние; внешняя греховность — внутренняя праведность). Кроме того, наблюдается связь изучаемого произведения с приходскими очерками и рассказами, о чем свидетельствует внимание писателя к богослужебно-обрядовому комплексу, включающему изображение таинств предсмертного цикла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пращерук Н. В. Современная православная проза: жанровый и аксиологический аспекты / Н. В. Пращерук // Духовная традиция в русской литературе. — Ижевск, 2013. — С. 502—513.
2. Рогозин Д. М. Книга о монашестве как светский феномен. Архимандрит Тихон (Шевкунов). «Несвятые святые» и другие рассказы. М.: Изд-во Сретенского монастыря; Олма медиа групп, 2011. — 640 с. / Д. М. Рогозин // Социологический журнал. — М. — 2012. — № 2. — С. 170—174.
3. Краснякова М. С. Основные мотивы «монастырского» сюжета в современной православной беллетристике / М. С. Краснякова // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород. — 2015. — № 1 (84). — С. 107—111.
4. Каплан В. Иерейская проза. Станет ли она литературным явлением? — Режим доступа: <https://foma.ru/ierejskaya-proza.html> (дата обращения 01.08.2017).
5. Кононенко Ю. Феномен «священнической прозы» — Режим доступа: <https://dm-jurevch-67.livejournal.com/52847.html> (дата обращения: 01.08.2017).
6. Леонов И. С. Поэтика православной прозы XXI века / И. С. Леонов, В. А. Корепанова. — М.; Ярославль: Ремдер, 2011. — 130 с.
7. Архимандрит Тихон (Шевкунов). «Несвятые святые» и другие рассказы / Тихон (Шевкунов). — М.: Изд-во Сретенского монастыря; ОЛМА Медиа Групп, 2012. — 640 с.
8. Шантаев А., священник. Священник. Колдунья. Смерть. Этнографические очерки сельского прихода / А. Шантаев. — М., 2004. — 240 с.

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Леонов И. С., кандидат филологических наук, доцент
кафедры мировой литературы
E-mail: mamif.lis@rambler.ru

Pushkin State Russian Language Institute
Leonov I. S., Candidate of Philology, Associated Professor of
Department of World Literature
E-mail: mamif.lis@rambler.ru

ЯПОНИЯ И ЯПОНЦЫ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Е. А. Попова, В. А. Казанцева

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 3 сентября 2017 г.

Аннотация: в статье рассматриваются русские фразеологизмы с этнонимом «японец» и его производными («японский городской», «японский бог», «япона мама (мать)» и др.): их происхождение, значение, особенности употребления. Представление о Японии как о загадочной стране нашло отражение и в данных жаргонных фраземах.

Ключевые слова: япония, японец, русское языковое сознание, этнонимический компонент, фразеологизмы, эвфемизмы, жаргонизмы, междометный характер.

Abstract: the article deals with Russian phraseological units with the ethnonym “Japanese” and its derivatives (“Japanese policeman”, “Japanese god”, “Japanese Mummy (mother)”, etc.): their origin, meaning, peculiarities of use. The idea of Japan as a mysterious country is reflected in these slang phrases.

Keywords: Japan, Japanese, the Russian language consciousness, ethnonymous component, phraseological units, euphemisms, slang words, interjectional character.

Для русского языкового сознания все, что связано с Японией, являлось и до сих пор является экзотикой, и это объясняется историей взаимоотношений народов России и Японии. Сама Япония, как государство, соседнее России, долгое время отказывалась устанавливать какие-либо контакты с нашей страной. Дипломатические отношения с ней были установлены лишь в середине XIX века. Образ Японии изначально сформировался лишь у небольшой части населения России, к которой, прежде всего, относились путешественники и дипломаты, имеющие возможность увидеть эту страну. К их числу принадлежал писатель И. А. Гончаров, побывавший в Японии в начале 50-х гг. XIX в. на военном парусном корабле «Паллада». Кругосветное плавание военного парусника отражено в двухтомных очерках путешествия «Фрегат “Паллада”». Две части второго тома носят название «Русские в Японии». С самого начала произведения, рассказывая о Японии, Гончаров использует образ запертого ларца с потерянным ключом: «Вот достигается, наконец, цель десятимесячного плавания, трудов. Вот этот *запертый ларец, с потерянным ключом*, страна, в которую заглядывали, до сих пор с тщетными усилиями, склонить, и золотом, и оружием, и хитрой политикой, на знакомство. <...> *Странная, занимательная пока своею неизвестностью земля* <...>» [1, 8]. В другом месте писатель прибегает к образу глухо запертого здания, ключ от которого потерян: «Какая бы, кажется, могла быть надежда на торговлю, на введение *христианства, на просвещение, когда так глухо заперто здание и ключ потерян?*» [1, 166].

Как это ни парадоксально, но и по сей день для русских эта страна остается во многом непонятной и далекой, привлекая этим внимание писателей и художников.

В обыденном языковом сознании современных русских Япония предстает, с одной стороны, «как пример высокоразвитой, модернизированной страны», а с другой — «как экзотический образ, который включает в себя легенды о героизме и преданности самураев, таинственности гейш, цветении сакуры и др.» [2, 357]. Подобный образ Японии встречается и в современной литературе. Например, в рассказе Л. Е. Улицкой «Кимоно» восприятие Японии, японцев, японских продуктов питания сопровождается эпитетами *чуждая, непонятная* (страна), *бесподобный* (безумец), *безумные* (слависты), *особенные* (женщины), *невиданные* (овощи), *странные* (фрукты): «*Чуждая, чуждая страна Япония, все в ней не так, все по-другому, и понять хочется, и понимаешь, что невозможно ни в чем разобраться* <...> *У японцев все непонятно, и глаз все время обманывается, как и вкус*» [3, 300—301].

В русском языке представление о Японии и японцах отражено в ряде фразеологизмов с этнонимическим компонентом *японский*. Русские фразеологизмы, в состав которых входят этнонимы, называющие чужие этносы (аллоэтнонимы), сформировались как результат видения и понимания носителями русского языка «чужих» этносов и их культур. Предметом нашей статьи являются фразеологизмы с этнонимическим компонентом *японец* и производными от него *японский(-ая)*, такие как *япона мама (мать)*, *японский бог*, *японский городской* и др.

В ходе работы с лингвистическими словарями мы обнаружили, что в нормативных словарях русского литературного языка фразеологизмы с этнонимическими компонентами *японский*, *японская* отсутствуют, подобные фразеологизмы (*япона мама* (*мать*), *японский бог*, *японский городской* и др.) представлены в словарях субстандартной лексики, главным образом, как выражения и восклицания междоментного характера, эвфемизмы. Например, в «Словаре эвфемизмов русского языка» Е. П. Сеничкиной зафиксирован фразеологизм *япона мама*: «**Япона мама** — вместо грубого ругательства. Эвфемизм возник на основе звукового сходства. Простор. ирон., в литературной речи — деэвф.» [4, 457]. В «Толковом словаре русского сленга» В. С. Елистратова есть фразеологизм *япона мать*, имеющий междоментный характер: «**Япона мать** — выражает любую эмоцию. Возможно из анекдота. Ср. *япобыть*». «**Япобыть**, межд. Выражает любую эмоцию. Аллюзия к нецензурному» [5, 494—495].

В художественных произведениях и разговорной речи восклицания подобного рода чаще произносятся в ироническом контексте: «*Всё, самурай, мы расстаемся. Катитесь к вашей японской матери*» (Б. Акунин. «Алмазная колесница»). Компонент *мать*, входящий в состав фразеологизма, позволяет сопоставить данное выражение с другими подобными устойчивыми сочетаниями: *мать честная, показать кому-либо кузькину мать, узнать кузькину мать, вашу мать, мать вашу за ногу*.

Толкование устойчивого выражения *японский бог* находим в «Большом словаре русских поговорок» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной: «**Японский бог!** Жарг. мол. 1. Выражение досады, раздражения, негодования. 2. Выражение восторга, восхищения» [6, 47]. «**Японский городской!** Жарг. мол. Бран. эвфем. Восклицание, выражающее досаду, раздражение, негодование» [6, 156]. В «Толковом словаре русского сленга» В. С. Елистратова этот фразеологизм представлен вариантно: «**Японский бог! (или городской!)** — употребляется как восклицание для выражения любой эмоции» [5, 495]. Это восклицание, как и *япона мама* (*мать*), является эвфемизмом.

Происхождение выражения *японский городской* связывают с пребыванием в Японии в 1891 г. наследника российского престола Николая Александровича, будущего императора Николая II. Когда Николай направлялся в город Оцу, один из полицейских неожиданно подскочил к коляске и ударил наследника саблей. Николай выскочил из коляски и побежал. Только тогда нападавшего скрутили. Японцы ужасно перепугались. Они опасались, что Россия в отместку за покушение на будущего императора сразу объявит им войну. Впрочем, рана оказалась несерьезной, хотя позднее Николай часто страдал головными болями. Никаких требований о компенсации Россия не выдвинула, хотя не исключено, что инцидент потом сказался на отношении царя к японцам. По-

лицейского, который напал на наследника, звали Цуда Сандзо. Выяснилось, что у него было не все в порядке с психикой, что не помешало дать обидчику русского наследника пожизненный приговор. Отсидеть его он не успел и подозрительно быстро умер за решеткой. А двум рикшам, которые спасали Николая, повезло: Россия назначила им пожизненную пенсию в размере тысячи иен, что равнялось годовой зарплате члена парламента. Конечно, этот незначительный казус давно забылся бы, если бы выражение *японский городской* не оказалось также удачным эвфемизмом. Когда человек протяжно произносит первый звук, кажется, что он сейчас матерно выругается [см. 7]. Отметим, что в языковом сознании наших современников слово *городовой* является одной из наиболее частотных реакций на слово-стимул *японский* [8, 746].

Примерное время возникновения большинства фразем с этнонимическим компонентом *японский* (–*ая*) определить точно невозможно. Но можно предположить, что многие из них появились в период русско-японской войны 1904—1905 гг., которая стала крайне важным событием в истории развития взаимоотношений двух стран и в формировании у нас образа восточного соседа России. В период русско-японской войны в тылу активно шел процесс синтеза идей, которые были направлены на четкое формирование образа врага, причем в первую очередь в «народной» аудитории, поскольку именно из нее по большей части шла мобилизация солдат. На наш взгляд, причиной появления данных эвфемизмов стало стечение двух факторов: такого исторического события, как русско-японская война с сопутствующим развитием негативных настроений по отношению к японской нации, и созвучие первых звуков представленных фразеологизмов, которые по случайности в русском языке созвучны начальным звукам ряда табуированных выражений.

Фразеологизмы *япона мама*, *японский бог*, *японский городской* сейчас активно употребляются в речи русского человека не только в качестве эвфемизмов, но и как символ Японии и всего японского. Связано это с возросшей популярностью японской культуры, а в особенности японской кухни, как по всему миру, так и в России. Почти в каждом крупном городе нашей страны мы можем встретить ресторан или что-то вроде кулинарии с доставкой еды на дом с такими названиями, как ресторан «Японский городской» в Москве, суши-бар «Японамама» в Твери, ресторан «Япона мама» в Усть-Илимске и т.д. Такой своеобразный прием имиджмейкеров и рестораторов, в котором используется сочетание давно известного выражения (фразеологизма) с господствующей экзотичностью современного образа Японии в сознании среднего носителя русского языка, дает свои результаты, и предприятия общественного питания с «благозвучными» названиями «Япона мама» или

даже «Япона папа» активно увеличивают свое число и занимают далеко не последние места по темпам развития в сети общественного питания в России.

Жаргонный характер имеют и другие фразеологизмы, содержащиеся в своем составе этноним *японец* и его производные. Например, в «Толковом словаре русского сленга» В. С. Елистратова зафиксированы, кроме уже названных, фразеологизмы *японский разведчик* (*шпион*), *чума японская*. Первый фразеологизм имеет варианты: «**Китайский (японский) разведчик (шпион)** — хитрый, загадочный человек; излишне бдительные отец или мать (в речи подростков)» [5, 174]. На возникновение этого фразеологизма повлияли политические процессы 30—40-х гг. XX в., когда людей осуждали по политическим статьям как иностранных шпионов, в том числе японских. Еще один фразеологизм, отраженный в этом словаре, *чума японская*, этот фразеологизм тоже имеет варианты компонентного состава: «**Чума** (или **чума японская**, **чума на лыжах** и т. п.). 1. Сумасшедший; слишком энергичный, непоседливый человек. 2. В знач. межд. и сказ. Выражает любую эмоцию. *Опять на работу, ~!* (не хочу). *Фильм — ~!* (очень хороший или очень плохой, в зависимости от ситуации). 3. Наркотик; реже — спиртное» [5, 470].

В «Большом словаре русских поговорок» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной имеется жаргонное выражение *На японце майку съем!*: «Жарг. мол. Клятва в истинности сказанного, в нерушимости данного слова» [6, 774]. На возникновение этого выражения оказал влияние экзотический смысловой оттенок, имеющийся для русского языкового сознания в этнониме *японец*.

В «Словаре тысячелетнего русского арго» М. А. Грачева зафиксированы жаргонные фразеологизмы *танго японское* («название карточной игры» [9, 894]), *грамота японская* («тайнопись преступников» [9, 213]). Включение слова *японская* с состав последнего фразеологизма можно объяснить непонятностью японского письма для русских.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Попова Е. А., заведующий кафедрой русского языка и литературы,

E-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru

Казанцева В. А., директор «Русского образовательного центра при Генконсульстве РФ в Осаке» (Япония), соискатель кафедры русского языка и литературы

E-mail: veronikakazantseva@yandex.ru

Таким образом, круг лиц и предметов, называемых *японскими* в русской фразеологии, весьма обширен. Устойчивые выражения с этнонимическим компонентом *японец* и производными от него, являясь стилистически сниженными, активно употребляются в современной русской речи как жаргонизмы, в том числе жаргонные эвфемизмы. В этих фраземах, называющих реалии русской жизни, отражено, главным образом опосредованно, восприятие носителями русского языка Японии и ее жителей как чужого, далекого, экзотического мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров И. А. Собрание сочинений. В 8 томах. Т. 3. Фрегат «Паллада» (том 2). Путевые очерки / И. А. Гончаров. — М.: Худож. лит., 1978. — 526 с.
2. Серикова Н. А. Художественное переосмысление стереотипного образа Японии в романе Б. Акунина «Алмазная колесница» / Н. А. Серикова // Слово. Словарь. Словесность (к 225-летию основания Российской Академии): Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 12—14 ноября 2008 г. — СПб.: САГА, 2009.
3. Улицкая Л. Люди нашего царя / Л. Улицкая. — М.: Эксмо, 2007. — 464 с.
4. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 464 с.
5. Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга / В. С. Елистратов. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. — 672 с.
6. Мокиенко В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. — 784 с.
7. Фразеологический словарь русского языка; авт.-сост. А. А. Легостаев, С. В. Логинов. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. — 448 с.
8. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 784 с.
9. Грачев М. А. Словарь тысячелетнего русского арго / М. А. Грачев. — М.: Рипол Классик, 2003. — 1120 с.

Lipetsk Semenov-Tyan-Shan State Pedagogical University
Popova E. A., the Head of the Russian Language and Literature
Department

E-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru

Kazantseva V. A., the Head of "Russian Educational Centre" at the Russian Federation General Consulate in Osaka (Japan), the Aspirant of the Russian Language and Literature Department
E-mail: veronikakazantseva@yandex.ru

ВЫЯВЛЕНИЕ РЕЛЕВАНТНОСТИ КНИЖНОЙ ЛЕКСИКИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ¹

М. С. Саломатина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 октября 2017 г.

Аннотация: *настоящая статья посвящена описанию специфики определения актуальности книжной лексики в рамках ассоциативного эксперимента.*

Ключевые слова: *психоллингвистика, семантика, психоллингвистическое значение, ассоциативный эксперимент, книжная лексика.*

Abstract: *this paper is devoted to description of psycholinguistic meaning of literary words by method of association experiment.*

Keywords: *psycholinguistics, semantics, psycholinguistic meaning, association experiment, literary lexis.*

Свободный ассоциативный эксперимент, будучи самым востребованным среди психоллингвистических методов, решает целый ряд исследовательских задач, в том числе задачу выявления степени актуальности для современного языкового сознания того или иного значения слова. Особый интерес в этом смысле представляет изучение т.н. книжной лексики, то есть лексики, используемой преимущественно в письменной и официальной речи, а также лексики высокой, то есть характеризующейся приподнятостью, торжественностью, возвышенностью.

Тенденция к демократизации общения, а также сужение сферы использования собственно письменной речи (в отличие от т.н. устной письменной речи, функционирующей в интернет-пространстве и имитирующей строй разговорной речи) неизбежно ведут к снижению востребованности книжной лексики, не принадлежащей к какому-либо профессиональному языку.

Очевидно, что состав и структура полученного ассоциативного поля, количество реакций, число отказов напрямую зависят от актуальности лексемы, то есть ее востребованности в коммуникации. Высокая или низкая частота обращения носителя языка к слову в том или ином его значении определяется стилистической и темпоральной характеристиками языковой единицы.

В настоящей статье, говоря о релевантности значения, мы будем иметь в виду известность семемы носителю языка. Несомненно, отсутствие в данных эксперимента реакций, свидетельствующих об актуализации семемы в языковом сознании, не явля-

ется прямым доказательством того, что данное значение лексемы незнакомо участнику эксперимента. Однако наличие т.н. ложных реакций, основанных на принципе фонетического сходства предъявленного стимула с другими словами, и большое количество отказов в совокупности позволяют сделать вывод о неактуальности лексемы в целом или отдельной ее семеме для участников эксперимента.

Покажем процедуру выявления неактуальных лексем на материале данных ассоциативного эксперимента, в котором приняло участие 100 испытуемых. Эксперимент был проведен проблемной группой кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета в рамках проекта по созданию психоллингвистического толкового словаря. Подготовка словарной статьи для психоллингвистического толкового словаря предполагает интерпретацию результатов эксперимента, состоящую из таких этапов-шагов, как составление ассоциативной статьи, включающей в себя список реакций, упорядоченных по частотности и алфавиту; распределение полученных реакций в зависимости от тех значений, которые они актуализируют; описание психоллингвистического значения слова как совокупности сем; обозначение функционально-стилистической отнесенности лексической единицы или отдельной семемы; выявление реакций, не поддающихся интерпретации (в том числе т.н. реакций, основанных на принципе фонетического сходства, так называемых «эхо-реакций», то есть реакций, дублирующих стимул и т.п.).

Подробно процедура подготовки словарной статьи для психоллингвистического толкового словаря описана в ряде публикаций [см., например, 2, 3].

В эксперименте, о котором говорилось выше, реципиентам было предложено в числе прочих дать ассоциацию на слово «корифей». Приведем полученное ассоциативное поле.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 15—04—00250 «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)

КОРИФЕЙ 100: друг 6; братан, корефан, кофе, профессионал 2; Античность, балерун, Греция, доцент, древность, друган, дружан, дружок, еврей, знакомый, знаток, знающий, кореш, кот, лучший, миф, наука, науки, непонятно, принести корифей, приятель, профессор, старик, старожил, театр, цикорий 1; отказ 60.

Материалы эксперимента, относящиеся к названному стимулу, достаточно ярко демонстрируют специфику бытования в языковом сознании книжной лексической единицы.

Полученные реакции могут быть разделены на несколько групп в зависимости от актуализируемых ими значений.

1. Друг 6; братан, корифан 2; друган, дружан, дружок, знакомый, кореш, приятель 1. Количество реакций 16.

2. Профессионал 2; балерун, доцент, знаток, знающий, лучший, наука, науки, профессор, старик, старожил 1.

Количество реакций 11.

3. Античность, Греция, древность, миф, театр 1. Количество реакций 5.

Приведем результаты семантической интерпретации реакций в каждой из групп.

1. Разг. Друг 12 (друг 6; корифан 2; друган, дружан, дружок, кореш 1), приятель 3 (братан, знакомый, приятель 1).

2. *Высок*. Профессионал, знаток 4 (профессионал 2, знаток, знающий 1), лучший 1 в какой-либо области, обычно ученый 4 (доцент 1, наука 1, науки 1, профессор 1) или артист балета 1 (балерун 1); опытный человек 2 (старик 1, старожил 1).

3. Относится к Древней Греции 4 (Античность, Греция, древность, миф 1), античному театру 3 (Античность, Греция, театр 1).

Фонетические ассоциации: кофе 2; еврей, кот, принести корифей, цикорий 1.

Не поддаются интерпретации: непонятно, чё? 1. Сравним полученные результаты с данными современного толкового словаря.

КОРИФЕЙ, -я; *м.* [греч. *korupháios* — глава, руководитель] 1. В древнегреческой трагедии: руководитель хора. 2. *Высок*. Выдающийся деятель на каком-л. Поприще. *К. Науки. Корифеи русской литературы* [1].

Очевидно, что эксперимент показал актуальность для языкового сознания обоих системных значений. Однако в результате интерпретации данных эксперимента было выявлено несистемное значение, основанное на принципе фонетического сходства лексем «корифей» и разговорных «кореш», «корифан».

Большое количество отказов в данном эксперименте (60), существенное количество т.н. неинтерпретируемых реакций (7) и реакции, свидетельствующие о незнании и коммуникативной невостребованности лексемы (16), говорит о том, что языковая единица «корифей» не входит в состав активного лексикона большинства современных носителей русского языка. Таким образом, можно подтвердить тезис о том, что ассоциативный эксперимент является одной из методик определения актуальности лексических единиц, в частности единиц, относящихся к книжной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 1998.

2. Саломатина М. С. От ассоциативного эксперимента к психолингвистическому толковому словарю: перспективы и трудности / М. С. Саломатина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2011. — № 2. — С. 107—109.

3. Саломатина М. С. Психолингвистическое значение слова: опыт описания / М. С. Саломатина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2014, № 2. — С. 69—72.

Воронежский государственный университет

Саломатина М. С., доцент кафедры общего языкознания и стилистики

E-mail: salomatina.maria@yandex.ru

Voronezh State University

Salomatina M. S., Associate Professor of the General Linguistics and Stylistics Department

E-mail: salomatina.maria@yandex.ru

ОСВОЕНИЕ ПИСЬМА ДЕТЬМИ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

О. С. Сальникова

Череповецкий государственный университет

Поступила в редакцию 17 сентября 2017 г.

Аннотация: В статье представлены орфографические особенности ребенка дошкольного возраста (6—7 лет) как определенный багаж, с которым ребенок приходит в начальную школу. Анализ нормативных написаний и девиаций производится с точки зрения влияния лингвистических факторов и когнитивных характеристик.

Ключевые слова: письмо детей дошкольного возраста, орфография, нормативное написание, девиация, чувство языка.

Abstract: the article presents the characteristics of the writing of a child of preschool age (6—7 years) as a certain baggage with which the child comes to an elementary school. Analysis of normative writing and deviations is made from the point of view of the influence of linguistic factors and cognitive characteristics.

Keywords: writing of preschool children, orthography, normative writing, deviation, sense of language.

При рассмотрении вопросов, связанных с освоением новой для ребенка формы речи — письменной, — невозможно обойтись без рассмотрения когнитивных особенностей детей дошкольного возраста.

Ребенок, наблюдая за письменной речью, начинает проявлять себя в качестве активного деятеля. Желание «написать что-либо» проявляется в первую очередь в пиктографическом письме и письме каракулей. Дальнейшей стадией является письмо по типу спеллинга, как отображение на письме комплекса букв. Ключевым моментом является то, что первоначальное усвоение письма происходит в процессе естественного развития ребенка, а не под влиянием специально организованного обучения.

В этапах усвоения письма ребенком прослеживается последовательность стратегий письма (смены правил) [1, 38].

В. А. Богородицкий указывает на бессознательный (интуитивный) характер усвоения принципов орфографии, при этом развитие письма идет от общего к частому: от фонетического письма к морфологическому, от графики к орфографии [2, 85].

Целью данной статьи является рассмотрение графических, графо-орфографических и орфографических особенностей письма детей дошкольного возраста (67 лет).

В качестве **материала** для исследования выступают письменные тексты детей 67 лет: естественная (спонтанная) письменная речь и данные проведенных нами экспериментов и наблюдений за письмом детей.

Результаты исследования. Сложность кодирования фонемного состава записываемых слов заключается в том, что процесс письма ребенка не авто-

матизирован. Трудность вызывает не только выбор буквы, но и ее графическое обозначение. Когнитивные особенности восприятия оказывают влияние на распространение начертательных девиаций в письме детей дошкольного возраста:

1) зеркальное написание букв с элементом в качестве оси симметрии (37% респондентов): *бар* (начертательная девиация) *ан* (Ваня В., 6);

2) смешение букв, имеющих похожее начертание (24% респондентов): *дед* (Оля С., 6).

К графическим девиациям в письме детей 67 лет, наиболее наглядно характеризующим особенности письма ребенка, относятся следующие буквосочетательные девиации:

1) замена мягкого согласного твердым с помощью последующего гласного: *лѹба* (Люба) (Аня М., 7);

2) обозначение мягкости предшествующего согласного как комплекса Ъ плюс гласный: *котѹнок* (котёнок) (Алиса К., 6.7);

3) обозначение мягкости предшествующего согласного как комплекса гласный плюс Ъ: *таѹна* (Таня) (Аня М., 7);

4) дублированное обозначение мягкости: Ъ плюс буква-силлабема: *всеѹместѹе* (все вместе) (Ваня Н., 7);

5) использование Ъ на месте гласной: *принисѹ* (принеси) (Миша П., 7).

В фонетическом письме детей дошкольного возраста встретились девиации, вызванные смещением границ словоформ:

1) слитное написание двух знаменательных словоформ: *ждуотѹта* (жду ответа) (Катя Т., 7), *наклеѹираскрѹсѹ* (наклей и раскрась) (Даша Ф., 6.6);

2) слитное написание знаменательных словоформ и предлогов: *внем* (в нем) (Даша Ф., 6.10);

3) слитное написание словоформ и союзов: *асеѹгодня* (а сегодня), *апотом* (а потом) (Даша Ф., 6.9).

Отметим, что 67% графических девиаций в письме детей дошкольного возраста носят фонетический характер, что еще раз подтверждает выводы и лингвистов, и методистов: письмо детей дошкольного возраста наминает фонетическую транскрипцию, элементы которой сохраняются и с поступлением ребенка в школу.

Известно, что ребенок осваивает письмо как определенную систему без исключений, при этом основным для освоения является процесс обобщения речевого материала. Данной особенностью обусловлены графо-орфографические девиации в письме детей.

Девиации при передаче отступлений от слогового принципа русской графики: *сэ́нсарный* (сенсорный) (Кирилл Б., 7) и ограничений в применении слогового принципа русской графики, о чем свидетельствуют написания типа *лыжы* (лыжи) (Саша Ф., 7), *вышый* (высший) (Маша И., 7).

В ходе экспериментов и наблюдений оказалось возможным выделить следующие группы отклонений от норм письма:

1) передача на письме буквосочетаний ЖИ — ШИ: *страшылки* (страшилки), *ужын* (ужин) (Даша Ф., 6.9);

2) передача на письме девиации сочетаний ЦЫ — ЦИ: *цырк* (цирк) (Катя Т., 7). Нормативное написание *цыпленок* (Оля С., 6), которое не противоречит системе ребенка дошкольного возраста при письме: звук — буква;

3) при передаче на письме сочетаний ЧА — ЩА, ЧУ — ЩУ дети дошкольного и младшего школьного возраста используют буквы Я, Ю как сигналы мягкости предшествующих согласных: *чясики* (часики) (Оля С., 6), *щястье* (счастье) (Миша К., 7), *чюства* (чувства) (Даша Ф., 6.10);

4) при передаче буквосочетаний ШЕ, ЩЕ, ЖЕ, ЦЕ дети используют на письме букву Э после Ш, Щ, Ж, Ц как специальное указание на их твердость: *с илюшэ* (с Илюшей) (Даша Ф., 6.6), *лучшэ* (лучше) (Даша Ф., 6.9).

Для орфографического письма знаний алфавитной графики недостаточно. При выборе написания дети опираются на стратегию «пишу, как слышу»: орфографические девиации носят фонетический характер.

Рассмотрим примеры детских написаний, в которых отмечены фонетические процессы в области гласных и согласных:

1) качественная редукция гласного первой и второй степени после твердых согласных в предударных слогах: *дарэгой* (дорогой) (Артем С., 7);

2) качественная редукция гласного первой степени в предударных и заударных слогах после мягкого согласного: *забэри* (Даша Ф., 6.10);

3) ассимиляция по глухости: *присафку* (приставку) (Миша П., 7);

4) обозначение позиционной мягкости на письме: *басэня* (басня) (Петя В., 6).

Нормативные написания детей-дошкольников характеризуют указанный возраст как этап начала освоения письменной речи ребенком не только в роли наблюдателя, но и активного пользователя новой для себя системы, в которой предстоит сделать много открытий.

Нормативные морфологические написания детей дошкольного возраста при передаче безударной гласной в корне слова представлены в таблице 1.

Таблица 1

Нормативные написания детей дошкольного возраста

Морфологические нефонетические написания		Морфологические фонетические написания (теоретически возможные девиации)	
конкуренция букв О//А, 52%	конкуренция букв Е//И, 31%	конкуренция букв А//О, 79%	конкуренция букв И//Е, 45%
Передача безударной проверяемой гласной в корне слова			
<i>зэвут</i> (Влад З., 7), <i>кэтёнок</i> (Оля С., 6)	<i>запéканка</i> (Даша Ф., 6.9), <i>растéреть</i> (Петя В., 6)	<i>в сáду</i> (Влад З., 7), <i>трáва</i> (Петя В., 6)	<i>пéсьмо</i> (Поля М., 6), <i>зéмой</i> (Катя Т., 7)
Передача безударной непроверяемой гласной в корне слова			
<i>сэбака</i> (Маша С., 6), <i>бáбэчка</i> , <i>яблэко</i> (Оля С., 6)	<i>чэрепáшку</i> (Надя У., 6.6)	<i>рáботает</i> (Влад З., 7), <i>сáлат</i> (Даша Ф., 6.9)	<i>сэбирская</i> (Оля С., 7.5), <i>рэсование</i> (Даша Ф., 6.9)

Нормативные написания детей подчеркивают особое значение языковой интуиции и собственных внутренних алгоритмов письма для начала освоения грамоты в начальной школе. Отмечены нефонетические написания типа *кэтёнок* (Оля С., 6) у 79% респондентов: ребенок не отражает на письме фонетических процессов, а передает единообразие морфем на письме.

В письме одного ребенка отмечены и морфологические написания как передача единообразия морфемы: *тигр*, *тигона* (тигренок), *тигрица*; *дом*,

домик, *домы* (дома) (Максим З., 6.6), и фонетические написания: *волк* (волк), *вочона* (волчонок), но *вавчиса* (волчица) (Максим З., 6.6).

Рассмотренные данные позволяют сделать следующие **выводы**:

1. В процессе речевого развития, в том числе и развития письма, проявляются когнитивные особенности возраста ребенка (особенности восприятия, внимания, мышления, памяти), которые отражаются и в языковой интуиции детей. Процесс усвоения письма при этом происходит не по

запланированному заранее сценарию, несмотря на то, что усвоение родного языка определяется общими психофизиологическими условиями: на появление индивидуальных различий оказывают влияние и когнитивные особенности, и речевой опыт детей.

2. Ребенок в состоянии самостоятельно выделить ряд закономерностей процесса письма. Самокоррекция речи проявляется не только как правильное словообразование или построение высказывания, но и как выбор написания (стратегия письма).

3. Графические девиации соединяют в себе и лингвистические факторы: обозначение мягкости согласного с помощью последующего гласного, передача мягкости согласного с помощью Ъ, графическая вариативность обозначения фонемы /j/; и когнитивные факторы, влияющие на письмо детей: обобщение при построении своей системы письма.

4. Графика осваивается ребенком как система, отклонения от нее вызывают сложности при их дифференциации. Данной особенностью обусловлены графо-орфографические девиации в письме детей.

5. Орфографические девиации, встретившиеся в письме детей дошкольного возраста, представляют собой фонетические написания, напоминающие упрощенную фонетическую транскрипцию: *ма^арос*.

6. Орфографические девиации отражают вариативность письма детей. Не только обобщение: *де^дмаро^з*, но *самольо^д* (самолет), но и дифференциация написаний (*к^отёнок*, но *с^алат*) представлены в письме детей.

7. Процентное соотношение нормативных написаний, регулируемых орфографическими правилами, позволяет предположить, что дети самостоятельно эмпирически осваивают орфографию. Ребенок пишет с опорой на свое языковое чутье, на формирование которого влияет окружающая языковая среда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлова Н. П. Освоение системы письма ребенком-дошкольником. — Череповец, 2007. — 179 с.
2. Богородицкий В. А. Изучение малограмотных написаний / В. А. Богородицкий // Очерки по языковедению и русскому языку. — М., 1939. — С. 83—90.

Череповецкий государственный университет

Сальникова О. С., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры математического и программного обеспечения ЭВМ Института информационных технологий

E-mail: salnikovaos@yandex.ru

Cherepovets State University

Salnikova O. S., Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Mathematical and Computer Software, Institute of Information Technology

E-mail: salnikovaos@yandex.ru

«АЙЯ-СОФИЯ» И. БУНИНА И О. МАНДЕЛЬШТАМА

Самахер Хасан Давуд

Багдадский университет

Поступила в редакцию 21 августа 2017 г.

Аннотация: в статье анализируется специфика воплощения образа всемирно известного собора Святой Софии Константинопольской в одноименных стихотворениях И. Бунина и О. Мандельштама «Айя-София». Выявляются особенности актуализации «потайного смысла» рассматриваемых произведений, значение различных культурных традиций для художественной интерпретации образа древней святыни. В статье выявляется гуманистический опыт русской классики, основанный на глубоком знании «своей» и «чужой» культуры, его значение для установления полноценного диалога между разными странами и народами.

Ключевые слова: И. Бунин, О. Мандельштам, художественный текст, Айя-София, русская классика.

Abstract: the article is devoted the specifics of the embodiment of the image world-famous Cathedral Hagia Sophia in the same verses by I. Bunin and O. Mandelstam. The peculiarities of actualization of the "meaning" of considered works, the value of different cultural traditions for the artistic interpretation of the image of the ancient shrines. The article reveals the humanistic experience of Russian classics, based on a deep knowledge of «their» and «alien» culture, and its significance for the establishment of dialogue between different countries and peoples.

Key words: I. Bunin, O. Mandelstam, fictional text, Cathedral Hagia Sophia, russian classics.

К образу Айя-Софии, древней святыни, олицетворявшей таинственную непостижимость Востока, Иван Бунин и Осип Мандельштам обращались в начале XX столетия. Как пишет один из современных исследователей, в этот период русской истории «кризис европоцентризма и позитивизма сделал насущным вопрос о переосмыслении старых и создании новых космологических и религиозно-философских систем с перенесением центра тяжести на наиболее общие проблемы мироздания и бытия человека в меняющемся мире» [11, 25]. Восток и Запад в духовной атмосфере начала и первых десятилетий XX века многими участниками литературного процесса воспринимались как категории, позволявшие осмыслить соотносённость культур и цивилизаций, барьеры и трудности, возникающие на пути их взаимодействия и сосуществования [4, 417—427].

Для И. Бунина указанная проблематика была чрезвычайно актуальна: «стремясь познать универсальные законы бытия, Бунин интересовался и увлекался разными религиозными учениями... артистическая, обострённо чувственная природа бунинского художественного дара позволила ему действительно «познать тоску всех стран и всех времён». В его поэзии и прозе, отображается многообразие мира с его религиозными традициями, природными особенностями, легендарными преданиями [5, 15]. Очевиден интерес русского писателя к мусульманскому Востоку. В разные годы будущий лауреат Нобелевской премии по литературе

побывал в Египте, Сирии, Турции, других странах, исповедующих ислам. Образы, почерпнутые из религиозных учений и преданий мусульманского Востока, широко представлены в его «путевых поэмах» «Тень птицы», рассказе «Город Царя Царей» и в таких известных стихотворениях, переведенных на арабский язык, как «Ночь Аль-Кафра», «За измену», «Черный камень Каабы», «Пастухи», «Зеленый стяг», «Путеводные знаки», «Священный прах», «Стамбул», «Ковсёр», «Гробница Сафии», «Магомет в изгнании», «Тэмджид», «Тайна», «Мекам» и других. По заслуживающему доверия свидетельству, после посещения И. Буниным Турции «ислам вошёл глубоко в его душу» [9, 222]. До 1915 года поэт создал более тридцати стихотворений на ориентальную (преимущественно мусульманскую) проблематику.

«Восток привлекал к себе Бунина как историческая загадка и как мировая проблема...» [10, 248]. Одной из таких загадок, таящих в себе скрытый смысл исторических событий и духовных открытий, по мнению ряда исследователей, был собор святой Софии Константинопольской, переименованный в Айя-Софию. Самим фактом своего существования эта древняя святыня опровергала многочисленные теории о «бренности цивилизаций».

Показательно, что И. Бунина интересуют не былые сражения, но сам величественный храм, переживший крушение когда-то казавшейся вечной византийской империи, притягательная сила воздействия древней святыни на людей разных исповеданий. Существенно, что Айя-София открывается лирическому герою не в историческом, а в ритуально-метафи-

зическом измерении жизни, во время чтения под её сводами священной Книги мусульман:

Светильники горели, непонятный
Звучал язык,— великий шейх читал
Святой Коран,— и купол необъятный
В угрюмом мраке пропадал.
Кривую саблю вскинув над толпою,
Шейх поднял лик, закрыл глаза — и страх
Царил в толпе, и мертвую, слепую
Она лежала на коврах... [1, 51]

Как известно, в «путевых поэмах», изданных под названием «Тень птицы», И. Бунин писал: «...турецкая простота, нагота Софии, возвращает меня к началу Ислама, рожденного в пустыне» [2, 512]. Но в стихотворении «Айя-София» лирический герой не задумывается о минувшей истории, выступая в роли зрителя, сообщая лишь то, что видит и переживает. Чашеобразный купол собора, в византийской архитектурной эстетике символизирующий небо, «опрокинутое» на землю [6, 97—114], поражает лирического героя не только своей «необъятностью», но и «недоступностью». Для подготовленного читателя эта характеристика согласуется с основами мусульманской догматики об устройстве мира (о недоступности и множественности небес), известной Бунину по чтению Корана (в переводе), рассказам правоверных. Символично и описание обряда, происходящего под сводами Айя-Софии: великий шейх поднимает над толпою молящихся мусульман изогнутый клинок, подобный полумесяцу, что освещал путь пророка Мухаммеда в Медину.

В «путевой поэме» «Тень птицы» сцена обряда описана И. Буниным в иной (очерковой) стилистике: ««Пышно и грозно звучат и гортанные восклицания Шейх-уль-Ислама, читающего с резного михраба Коран с кривой обнажённой саблей в руке. Но даже и в этом есть простота пустыни» [2, 512].

Образный ряд в стихотворении «Айя-София» напоминает о заветах и запретах, содержащихся в тексте Корана: обращаясь лицом к Всевышнему, «великий шейх» закрывает глаза, ему внимают, на время «ослепнув», пришедшие на молитву мусульмане. Укажем на перекличку шестой строки «Айя-Софии» со стихотворением И. Бунина «Пастухи»: «И, склонив колени, мы закроем / Очи в сладком страхе...» (ср.: «...и страх / Царил в толпе...»). Семантически «страх» здесь соответствует «богобоязненности».

Отметим также соотносённость седьмой и восьмой строк «Айя-Софии» со стихотворением И. Бунина «Макам»: «Завет гласит: «Узревший — умирает», / Но смерть есть приближенье к божеству» [1, 67].

Мотив священного места, позволяющего приблизиться к «надмирному» измерению жизни каждому, кто в этом нуждается и в ком жива вера, усилен и продолжен в утреннем описании Айя-Софии:

А утром храм был светел. Все молчало
В смиренной и священной тишине,

И солнце ярко купол озаряло
В непостижимой вышине.
И голуби в нем, рея, ворковали,
И с вышины, из каждого окна,
Простор небес и воздух сладко звали
К тебе, Любовь, к тебе, Весна [1, 51]

Весенний «светлый» храм, реющие и воркующие под его куполом голуби, «простор небес», открывшийся из окон, указывают лирическому герою на жизненную перспективу, понятную в свете близкой И. Бунину христианской традиции.

Величественный собор, переживший крушение империй, войны и по-жары, преодолев разрушительную силу времени, притягивал к себе О. Мандельштама. Стихотворение «Айя-София» поэт включил в свою первую книгу стихов «Камень»:

Айя-София — здесь остановиться
Судил Господь народам и царям!
Ведь купол твой, по слову очевидца,
Как на цепи подвешен к небесам [3, 23].

В отличие от И. Бунина, сосредоточенного на метафизическом смысле происходившего под сводами Айя-Софии, в поле художественного зрения О. Мандельштама — легендарно-исторический аспект: в первых же строках стихотворения содержится аллюзивная отсылка к древней легенде, согласно которой место для строительства грандиозного храма указал сам Всевышний. Однако принято считать, что строки «здесь остановиться / Судил Господь народам и царям» могли относиться не только к византийскому императору Константину, но и к турецкому султану, завоевавшему стоящий на берегу Босфора Цареград, не разрушив собор, прославленный многими поколениями агиографов.

Для О. Мандельштама, ко времени создания стихотворения «Айя-София» разделявшего важнейшие эстетические принципы акмеизма, имеет значение свидетельство и «слово очевидца», важно земное, а не божественное происхождение древнего памятника архитектуры и культуры. Показательно, в частности, описание купола, который «как на цепи подвешен к небесам». Специалисты объясняют, что иллюзия висящего (словно «парящего») над землёю купола создаётся архитектурным ансамблем: «Во-первых, четыре мощных столба, несущие купол, остаются почти незаметными зрителю, так как искусно замаскированы лёгкими перегородками. Ребристый центральный купол с востока и запада поддерживают две более низкие полусферы, каждая из которых поддерживается ещё тремя полусферами, переходящими в полуцилиндрические ниши — «апсиды и экседры». Каскад ниспадающих полусфер «гасит» распор купола и обеспечивает прочность конструкции.

Во-вторых, купол окружает лента из 40 окон. Размеры и промежутки между ними рассчитаны таким образом, что солнечный свет, проникая внутрь, словно обрезает купол. В результате создаётся впе-

чатление, особенно яркое в солнечные дни, что купол парит в воздухе» [8, 11—15].

О. Мандельштам, стремившийся точно воссоздать подробности этого величественного сооружения, видел в самом сложном ансамбле бессмертный замысел мудрого зодчего, построившего храм, равно ориентирував его на Запад и Восток:

Но что же думал твой строитель щедрый,
Когда душой и помыслом высок,
Расположил апсиды и экседры,
Им указав на запад и восток? [3, 23]

В стихотворении О. Мандельштама нет противопоставления сторон света, нет противостояния цивилизаций и конфессий — в горизонтах достижений культуры, олицетворением которой является древний собор, стираются эти различия. По замечанию М. Гаспарова, известного исследователя творчества О. Мандельштама, в «Айя-Софии» откликается очень важный для поэта «мотив культурной непрерывности, собор организует как время, так и пространство» [7, 327—370], возносясь над земным сроком, отпущенным и человеку, и обычному зданию:

И мудрое сферическое зданье
Народы и века переживёт...» [3, 23]

По О. Мандельштаму, прекрасный «храм, купающийся в мире» [3, 23], благодаря своему легендарному «возрасту», берущему начало в «золотой век» Юстиниана I, и «мудрому» присутствию в месте, где встречаются Запад и Восток, не может не служить взаимопониманию людей, народов и цивилизаций.

Сравнивая специфику художественного воплощения древней святыни И. Буниным и О. Мандельштамом, нельзя не отметить, что прекрасное знание «своей» и «чужой» культуры в существенном роднит русскую классику. В одноименных стихотворениях И. Бунина и О. Мандельштама величественная Айя-София, вызывающая в сознании поэтов символические образы, восходящие к разным культурным традициям, является не просто храмом, почитаемым представителями разных конфессий, но и диалогически насыщенным «щедрым пространством», высвечивающим благодатную перспективу для торжества со-

кровенных надежд и убеждений, взаимопонимания разных стран и народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. / И. А. Бунин. — М.: Художественная литература, 1987—1988. Т. 1.
2. Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. / И. А. Бунин. — М.: Художественная литература, 1987—1988. — Т. 3.
3. Мандельштам О. Э. Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. — М.: Терра, 1991. — Т. 1.
4. Алейников О. Ю. Испытание Востоком / О. Ю. Алейников // «Страна филологов»: проблемы текстологии и истории литературы. Сборник научных статей. — М.: ИМЛИ РАН, 2014. — С. 417—427.
5. Бердникова О. А. «Так сладок сердцу Божий мир...»: творчество И. А. Бунина в контексте христианской духовной традиции: Монография / О. А. Бердникова; Воронежский государственный ун-т. — Воронеж: Издательство им. Е. А. Болховитинова, 2009. — 272 с.
6. Вагнер Г. К. Византийский храм как образ мира / Г. К. Вагнер // Византийская цивилизация в освещении российских учёных. 1947—1991. — М.: НИЦ «Ладомир», 1999. — С. 96—132.
7. Гаспаров М. Л. Поэт и культура (три поэтики Осипа Мандельштама) / М. Л. Гаспаров // Избранные статьи / М. Л. Гаспаров. — М.: Новое литературное обозрение, 1995. — С. 327—370.
8. Кулятин Д. А. Архитектура в поэзии Осипа Мандельштама. Византийский стиль. Готический стиль. Классический стиль. Поздние стихотворения. / Д. А. Кулятин, Л. С. Кулятина // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2015. — Т. 25. — С. 11—15.
9. Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина, 1870—1906. Беседы с памятью / В. Н. Муромцева-Бунина. — М.: Советский писатель. 1989. — 509 с.
10. Нинов А. М. Горький и Ив. Бунин. История отношений. Проблемы творчества: Монография / А. Нинов. — Л., 1984. — С. 248.
11. Смольянинова Е. Б. «Восточные мотивы» в ранней прозе И. А. Бунина / Е. Б. Смольянинова // И. А. Бунин в диалоге эпох. Межвузовский сборник научных трудов, посвященный творчеству И. А. Бунина. — Воронеж: ВГУ, 2002. — С. 25—37..

Багдадский государственный университет

Самахер Хасан Давуд, преподаватель факультета
языков

E-mail: sarinhussain82@gmail.com

Baghdad state University

Samaher Hasan Dawood, Assistant Professor the Faculty
of Languages

E-mail: sarinhussain82@gmail.com

РОМАН ИОНА ДРУЦЭ «БРЕМЯ НАШЕЙ ДОБРОТЫ» В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ КРИТИКИ 1970–80-Х ГГ.

Т. А. Тернова, Е. В. Корноголуб

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 ноября 2017 г.

Аннотация: роман И. Друцэ «Бремя нашей доброты» был широко освещен критикой 1970–80-х гг. Внимание И. Дедкова, И. Питляра, В. Иванова и др. было сосредоточено на осмыслении молдавского национального характера, изображении истории в романе, ценностных позициях автора. Символический пласт романа и его религиозный смысл не становились предметом истолкования. Этот пробел восполнен новейшей критикой.

Ключевые слова: И. Друцэ, роман, «Бремя нашей доброты», билингвизм, молдавский национальный характер, литературно-художественная критика.

Abstract: the novel of I. Druta «The burden of our kindness» was widely discussed by critics of the 1970s–1980s. The attention of I. Dedkov, I. Pitlyar, V. Ivanov, and others was focused on understanding the Moldovan national character, depicting history in the novel, the author's values. The symbolic layer of the novel and its religious meaning did not become the subject to interpretation. This gap was filled by the latest criticism.

Keywords: I. Druta, novel, «The burden of our kindness», bilingualism, Moldovan national character, literary criticism.

«Бремя нашей доброты» (1968) — пожалуй, наиболее известное произведение молдавского писателя Иона Друцэ. Его можно с полным правом назвать выражением размышлений писателя о человеке, Родине, системе ценностей.

Смысловая многослойность романа И. Друцэ, оригинальность его стилистики обусловили внимание к произведению со стороны русской советской критики 1970–1980-х гг. Целью нашего исследования будет выявление аспектов романа, которые стали предметом литературно-критического осмысления в период опубликования текста.

Практически все обращавшиеся к тексту романа в 1970–1980-е гг. (А. Бочаров, И. Питляр, И. Дедков) видели в нем этнографический пласт, попытку осмысления молдавского национального характера. Стоит отметить, что этот ракурс истолкования романа одновременно раскрывает и ценностные ориентиры самого писателя. Центральным вопросом в молдавском национальном сознании оказывается вопрос о земле, осознаваемой как неотъемлемая составляющая жизни крестьянина: «Его проза — это своеобразный гимн земле, которая есть закон сама по себе, земле, в которой крестьянин может сотворить все, что душе угодно, и которая представляет собой его способ жить, его умение, его фантазию, его бремя и его мечту» [1, 4].

Ценностные ориентиры писателя обозначены в заглавии романа, которое также становится предметом истолкования. Оно имеет нарочито религиоз-

ный смысл и отсылает к Евангелию от Матфея: «...возьмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящите покой душам вашим; иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть» (Мф. 11, 29–30). Этот источник заглавия романа И. Друцэ чрезвычайно важен для критики постсоветского времени, которая истолковывает произведение как пример православной прозы [3]. Критика же 1970–80-х годов, руководствуясь сложившимися в советском обществе атеистическими установками, нарочито игнорирует религиозный подтекст заголовка, оставляя его смысл не до конца проясненным и сводя его истолкование к этическому послы не столько мироустроительного, сколько житейского плана.

Исследователь 2000-х гг. В. Л. Гусаков констатирует зависимость критики советского времени от идеологических установок, которая оказывается очевидной при попытках истолкования ими романа И. Друцэ: «В советское время критики, обращаясь к роману Друцэ <...>, как правило, стыдливо обходили вниманием наиболее уязвимые, с точки зрения официальной идеологии государственного атеизма, места, где текст соотносился с христианским сознанием молдаван» [3, 29].

Показательно в этой связи истолкование романа, который дал В. Гацак. С опорой на исследования молдавских этнографов он доказывал, что праздник крэчун, значимый в сюжете романа, имеет, в первую очередь, языческую, а не христианскую основу. Он замечает, что колядки, которые исполнялись в этот праздник, вторичны по сравнению

с «мирскими» колядками, воплощавшими народную традицию [3]. С этим мнением относительно трактовки крэчуна (Рождества) сегодня вряд ли можно согласиться.

Игнорируя религиозный смысл названия романа, критика советского времени указывала на его «философский» характер. Так, пытаясь примирить кажущееся несоответствие между словами «доброта» и «бремя» (тяжесть), И. Питляр подчеркивает, что в романе речь идет о «доброте труда», деятельной доброте — заботе, в которой нуждаются все: «Вдумаемся в название романа — «Бремя нашей доброты» [6, 41]. Доброта сама по себе — прекрасное, светлое свойство человека. — почему же она «бремя», груз, тяжесть?». Понятие 'доброта' в интерпретации И. Питляра получает расширительное толкование, дополняясь такими компонентами, как 'совестливость', 'целеустремленность' (которую она называет очарованностью, мечтательностью), 'жертвенность': «... понятие подлинной доброты у Друцэ включает не только трудовые, иногда непомерно тяжкие усилия, но еще и другое — совестливость, стремление к справедливости и непременно — мечту, окрыленность, «очарованность» души, ее неумную тягу к идеалу, каким бы скромным и «рядовым» ни был при этом удел человека» [6, 45]. Религиозный смысл заглавия полностью дезавуируется автором, хотя в истолковании названия И. Питляр и отмечает стремление к идеалу, не указывая на него.

Надличностный и этически декларирующий смысл заглавия низводится до истолкования частного случая судьбы главного героя, Онеке Карабуша: «Да к тому же и Онекия Карабуша трудно безоговорочно назвать добрым человеком... Видимо, доброта Карабуша и других дружэвских стариков иного сорта. Прежде всего, это — доброта труда. Того труда, который кормит и одевает землю» [6, 43].

Критики отмечают, что роман не изолирован по проблематике от других произведений И. Друцэ. «Название романа «Бремя нашей доброты», несущее в себе и отзвук гордой радости, и отблеск горьковато-печальной улыбки, подчеркивает намерения автора: да, здесь в центр внимания поставлена мысль, более всего волнующая его в творчестве, — мысль о добре», — замечает И. Дедков [4, 68]. И. Питляр также склонен рассматривать произведения И. Друцэ как единый в плане проблематики корпус текстов: «Тема действенного, активного добра, тема совестливости, человеческого «соучастия», ответственности за судьбы других людей — очень дружэвская тема» [6, 46].

Таким образом, оказывается отмеченной и этическая составляющая произведения И. Друцэ, которая абсолютно уводится в критике 1970—1980х гг. от религиозного истолкования: «произведении о человеческом достоинстве, о духовной энергии справедливого, доброго человека, которая, возможно только и есть подлинное знамение» [4, 78].

Значимым ракурсом рассуждений русской советской критики становится осмысление образа главного героя романа, крестьянина из села Чутуры Онекия Карабуша. Род его деятельности осмысливается в онтологическом ключе. Он не просто земледелец, он пахарь молдавской земли, для которого выращивание пшеницы, как подчеркивает Бочаров, «это не только хлеб насущный, но и религия и обычай» [1, 10].

Самая характерная его черта — живучесть: «Живучесть — это великий божий дар, и это живучесть была свойственна Кэрэбушу в высшей степени» [1, 16], причины которой также можно найти в его родстве с землей.

Уже в 1970—80-е гг. критика осознала символический характер многого из того, что связано в романе с героем, поднятым автором на уровень онтологии. Так, огонь печи перед смертью Карабуша осмысливается И. Питляр как «символ жаркого сердечного горения, символ великого самосожжения человека на костре жизни» [6, 46].

О. Карабуш связан тонкими, но очень ощутимыми нитями не только с членами его семьи, но и деревни Чутуры в целом. По мысли И. Питляра, он является для большинства героев нравственным ориентиром [6]. Тем не менее, Карабуш осмысливается критиком не как исключительный герой, а герой-тип, характер которого детерминирован всей историей его рода: «Карабуш еще не знал, — скажет писатель, — что покорно опускать голову при полной своей правоте очень трудно, для этого нужно великое мужество, и не обладая его предки этим мужеством, сегодня, может быть, не было бы ни Сорокской степи, ни Чутуры, ни самого Карабуша» [6, 51].

Поднятый автором на уровень мироздания, осмысленный как носитель лучших черт молдавского национального характера, герой был воспринят критикой как первое подробное изображение молдавского крестьянина в формирующейся молдавской советской литературе (молдавская литература вошла в советскую после 1940 г.).

В этой связи ведутся поиски известного читателю культурного контекста, в который может быть встроен образ героя. Анатолий Бочаров ставит творчество Друцэ в один ряд таких мастеров литературы, как Шолохов, Твардовский, Астафьев, у которых преобладает любовь к малой родине: «Любовь писателя к своей малой Родине сквозит во всем <...>, это любовь, смягченная, облагороженная деликатностью» [1, 5].

А. Бочаров по ряду критериев сравнивает героя Друцэ с известным русским неунывающим Василием Теркиным А. Т. Твардовского. «Есть в Карабуше нечто, что русские читатели привыкли называть теркинским: как и В. Теркин, он тоже волна народного моря, и, как Теркин, живуч, благополучно выходит из разных жизненных передраг» [1, 9].

В поисках литературных предшественников Друцэ Бочаров называет имена русских писателей: Толстого и Шолохова. Тем не менее, критик ни в коей мере не считает Друцэ автором второго ряда, напротив, он подчеркивает, что писателю удалось создать уникальный симбиоз русской литературной и молдавской эстетической традиций: «В романе слились воедино как лучшие традиции русской литературы, в частности Льва Николаевича Толстого, так и достижения новой молдавской литературы, отметим, что первый молдавский роман как жанр был заявлен Ионом Канна «Утро на Днестре» [1, 28].

Ирина Питляр в поисках литературного контекста для произведения Друцэ исходит также и из критерия типа героя. Она вспоминает лесковских персонажей, с которыми Онаке Карабуша связывает «очарованность» души: «Однако понятие подлинной доброты у Друцэ включает не только трудовые, иногда непомерно тяжкие усилия, но еще и другое — совестливость, стремление к справедливости и непременно — мечту, окрыленность, «очарованность» души, ее неумную тягу к идеалу, каким бы скромным и «рядовым» ни был при этом удел человека» [6, 44].

Стоит отметить, что новейшая критика усматривает те же контексты для понимания творчества И. Друцэ (Шолохов, Толстой), добавляя имена, которые по определенным причинам не могли восприниматься в 1970—80е гг. как обозначение классической традиции. В их числе — А. И. Солженицын. Сравнивая личности и художественную практику писателей на материале рассказа А. И. Солженицына «Матрёнин двор» и «Одиночества пастыря» И. Друцэ, И. Цвик отмечает сходство их судеб («каждый из них пережил пору гонений и непонимания») и этической позиции: «Ключевое слово «правда» объединяет двух писателей» [9, 161], фиксирует внимание на религиозном начале прозы Друцэ и Солженицына.

Встраивая роман И. Друцэ в контекст русской реалистической литературы, чаще эпического характера, критика советского времени искала в нем отражение большой истории. «... история жизни ... охватывающая более сорока лет» [6, 34].

Критика 1970—80-х гг. стремилась увидеть в романе внятную политическую, историческую позицию писателя. Действительно, жизнь села Чутуры, показанная в романе, не изолирована от больших тревог мира [4, 71]. Установление советской власти показано в романе Друцэ как освобождение, радость: ««И какая это была радость в те годы — русский солдат в выцветшей пилотке с пятиконечной звездой! Этот солдат нужен был каждому дому, он был для них всем...» [4, 72]

Многие (И. Питляр, И. Дедков, А. Бочаров), писавшие о «Бремении нашей доброты» отмечали сцену, когда к Нуце и ее мужу Мирче, убирающим подсолнух, приходит их бывший односельчанин Ника.

На нем мундир отвоевавшей армии Антонеску, но он еще не сложил оружия, скрывается в лесу с бандитами. Мирча недавно вернулся с фронта, он кавалер ордена Славы... Круто разошлись пути школьных товарищей и соперников (оба ухаживали за Нуцей), и хотя сейчас между ними не происходит столкновения, эта их встреча — из тех, когда решаются судьбы. Ника понимает, что он чужой на своей родине. Мирча, завоевавший мир себе, Нуце, Чутуре, — хозяин этой земли, и ему суждено сделать ее счастливой.

Да, добро впервые может стать реальностью. Таким предощущением проникнуты страницы романа, рассказывающие об этом времени.

Но действительность оказалась суровой. Засуха, умертвившая больных и слабых и истощившая тех, кому надо было трудиться в полях. Многочисленные хозяйственные трудности... Для Мирчи, ставшего трактористом, труд не был радостью, он был только испытанием. Для Нуцы дни проходят в страхе за ослабевшего от голода и тяжелой работы Мирчу, за детей.

Критик В. Иванов «вчитал» в социально-исторический пласт романа оттепельную проблематику, отметив раскрытие в нем проблемы власти («Литературная газета» (28 мая 1968 года)). Он выступил с критикой романа на том основании, что этот вопрос поставлен в нем легковесно и в конечном счете неверно, а неоднократно встречающиеся противопоставления районного и колхозного «начальства» «простому люду» звучат нарочито, назойливо («Они жили просто, как все колхозники, зная, что никому нет дела до того, что у них там на душе творится. Властям важно только, чтобы они план выдавали да хлеб вывозили, остальное их не интересовало»). Как подметил В. Иванов, и отношение к Мирче во многом связано с тем, что он попал «в сферы», «стал начальством» «и тем самым как бы автоматически сделался чужим для односельчан» [5, 5].

В постсоветской критике поиск исторического контекста творчества И. Друцэ становится едва ли не самым значимым в его истолковании. Показательна в этой связи статья К. Хитчиса, который, анализируя роман Друцэ, отмечает, что он «не подходит к истории таким же образом, как профессиональный историк, тем не менее, он демонстрирует глубокое понимание того, как история влияет на общество в целом и на отдельных людей в частности» [8, 194]. В. Федоренко отмечает интерес писателя не только к национальной, но и русской истории, подчеркивая, что писатель «углубляется в историю России, досконально изучая отдельные ее эпизоды, которые оживут на страницах его произведений» [7, 185].

В связи с апелляцией И. Друцэ к истории критика советского времени осмыслила жанровые особенности произведения. По словам Бочарова, «можно определить жанр «Бремения нашей доброты» как субъективную эпопею: картины народного бытия на протяжении десятилетий даны сквозь «призму»

судьбы одного героя из народных глубин. А можно определить как концентрический роман: действие неизменно стягивается к главному, ведущему сюжет персонажу» [1, 10].

И. Дедковым отмечены такие черты реалистического романа, как типологизм и психологизм, умение создавать сюжет, апеллирующий не только к сознанию, но и душе читателя: «Бремя нашей доброты» щедро демонстрирует изобразительные возможности Друцэпрозаика. Повествование о судьбах бесарабской деревни, о жизни ее людей на протяжении примерно полувека ведётся писателем на такой высоте лирического накала, что читательское сопереживание безраздельно отдано героям романа и самой этой Сорокской степи, величественной и в радости, и в горе. Труд земледельца, руки земледельца, мир его чувств и мыслей — вот главный предмет художественного исследования в романе. Словно собирая, фокусируя нравственные характеристики, разбросанные в других своих произведениях, Друцэ ведет речь о народном характере, о человеческом типе, олицетворяющем все лучшее, что выработано веками труда и жизни на земле» [4, 74].

Показательно, что, желая построить роман в известный контекст реалистической прозы, критик отметил особое наполнение образов центральных героев: «Главные герои романа, — хлебороб Онаке Карабуш, его жена Тинкуца, их дочь Нуца, — изображенные во всей точности психологии, вместе с тем представляют собой фигуры символические. Символично и их родное село Чутура, о котором автор говорит будто о живом существе с единой душой, единой плотью, единой системой кровообращения» [4, 75].

Уже при первом прочтении романа критиком была отмечена и вторая сторона романа — лирическая, проявляющаяся в его образах и стиле. «На лиро-эпический характер романа указывает название первой книги «Степные баллады» где каждый отдельный рассказ создает общую мозаику портрета героя современной молдавской литературы, примечателен здесь рассказ о тропинке от деревни до поселка, которая постоянно возрождается, как и жизнь главного героя Онаке Кэрэбуша», — замечает А. Бочаров [1, 23].

В статье «О, эти предки, наши герои...» И. Дедков определяет характер прозы Друцэ как лирический и поэтический, называя прозу поэзией: «Такую прозу называют иногда лирической, и это тоже верно, но оценим прежде всего даже не эту искренность, не эти мягкие, лукавые интонации, а сам высокий лад этой поэтической речи, ее внутреннюю свободу, обобщающую силу и пронизательность ее метафор и символов» [4, 69].

Об оригинальном стиле Иона Друцэ говорит и критик Ирина Питляр, особое внимание она уделяет такому качеству прозы молдавского писателя, как биографичность: «Но биографичность эту никак

ни следует понимать в смысле прямого событийного соответствия, она несет гораздо более глубокий смысл: впечатления детства и юности насыщают собой произведения, заполняют их «до краев»; подчас они горьки и трагичны, подчас светлы и безмятежны, но всегда поэтичны и достоверны и всегда несут в себе нечто большее, чем просто впечатление, — большую и серьезную мысль о жизни» [6, 32].

К вопросам стиля романа Друцэ обращается и современная критика, фиксирующая свое внимание на мифологическом символическом фоне произведения.

Метафоричность письма, замешенная на молдавском фольклоре, поэтические иносказания, лукавый юмор — все это создает яркое своеобразие художественного стиля этого произведения. Малоисследованной остается фрагментарная структура повествования: текст представляет собой серию отдельных эпизодов, в сумме составляющих 50-летнюю историю жизни героя и его родной Чутуры.

Стоит заметить, что в критике 1970—80-х гг. роману была дана высочайшая оценка. Уже тогда сложилось отношение к роману как эталону молдавской прозы 60—90 годов. Тем не менее, нельзя сказать, что роман был принят безоговорочно. «... немало досталось автору именно за аполитичность сознания главного героя и за излишний лиризм повествования» [3, 29].

Игорь Дедков выделяет такие качества в прозе Друцэ, как смелость, гражданское мужество, но отмечает ограниченность авторской позиции. Критикует героя за непонимание установок Мирчи. «Вот здесь в ясном и глубоком течении романа и обнаруживаются первые пороги и перепады, — замечает автор. — Остро переживая беды своих героев, Друцэ не всегда находит в себе достаточно трезвости и зоркости, чтобы до конца разобраться в причинах. Возникают сложные связи между людьми, между жизненными явлениями, причем что-то в этих связях идет от насущной жизненной реальности, а что-то, напротив, — от искусственности, умозрительности.

Подобной неясностью, запутанностью отмечены прежде всего те мысли романа, которые связаны с отношением к Мирче старого Онаке Карабуша и с самой фигурой Мирчи» [4, 76].

Как мы уже отмечали, в легковесности социально-исторических истолкований обвиняет писателя В. Иванов: «О недостатках, об ошибках в руководстве на селе хорошо известно. Эти недостатки и ошибки, понятно, не обошли и Чутуру. Но для того, чтобы показать их, мало одной эмоциональности, мало одного сарказма: нужен внимательный разбор конкретных обстоятельств, конкретных человеческих характеров. Безликими «властями» тут не обойтись» [5, 4].

Возможно, высказанные замечания заставили автора продолжить редактирование романа, которое завершилось уже в русскоязычном его варианте в 1982 году. Тем не менее, интерес новейшей

критики к роману подтверждает главное, что было сказано о нем еще в 1970—80-е гг.: это уникальное произведение эпического масштаба, раскрывающее подробности быта, жизненную философию и характер героя-молдаванина.

1. Литература
2. Бочаров А. Тропинка Иона Друцэ / А. Бочаров // Братья по перу: молдавские писатели во всесоюзном литературном контексте. — Кишинев: Б.и., 1989. — С. 3—30.
3. Гацак В. М. Роман и фольклор: И. Друцэ «Бремя нашей доброты» / В. М. Гацак // Роль фольклора в развитии литератур народов СССР: сб. ст. — М.: Наука, 1975. — С. 16—38.
4. Гусаков В. Л. Молдавский национальный характер в романе И. Друцэ «Бремя нашей доброты» / В. Л. Гусаков // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. — 2015. — № 2. — С. 28—31.
5. Дедков И. «О, эти наши предки, эти наши герои...»: [о поэтической прозе Иона Друцэ] / И. Дедков // Братья по

перу: молдавские писатели во всесоюзном литературном контексте. — Кишинев: Б.и., 1989. — С. 66—78.

6. Иванов В. Факты жизни и художественное воплощение / В. Иванов // Литературная газета. — 1968. — 28 мая — С. 4—6.
7. Питляр И. Деятельная доброта / И. Питляр // Братья по перу: молдавские писатели во всесоюзном литературном контексте. — Кишинев: Б.и., 1989. — С. 31—56.
8. Федоренко В. Русская история в контексте художественного мировоззрения Иона Друцэ («Возвращение на круги своя», «Белая церковь», «Последнее лето Петра Великого») / В. Федоренко // Русин. — 2008. — № 1—2 (11—12). — С. 185—191.
9. Хитчинс К. История и идентичность в романах И. Друцэ / К. Хитчинс // Русин. — 2008. — № 1—2 (11—12). — С. 193—198.
10. Цвик И. И. Друцэ и А. Солженицын — опыт литературного сопоставления / И. Цвик // Мир перемен. — 2008. — № 4. — С. 161—167.

Воронежский государственный университет

Тернова Т. А., доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора

E-mail: ternova@phil.vsu.ru

Корноголуб Е. В., аспирант кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора

E-mail: lenutacuciuc@mail.ru

Voronezh State University

Ternova T. A., PhD, Assistant Professor of the Russian Literature of XX and XXI Centuries, Theory of Literature and Folklore Department

E-mail: ternova@phil.vsu.ru

Kornogolub E. V., Postgraduate Student of the Russian Literature of XX and XXI Centuries, Theory of Literature and Folklore Department

E-mail: lenutacuciuc@mail.ru

ОБРАЩЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ВИДЫ И ФУНКЦИИ

Фирдевс Бураихи Карим

Багдадский университет

Поступила в редакцию 24 апреля 2017

Аннотация: настоящая статья посвящена рассмотрению явления обращения в современном русском языке. В тексте рассматриваются основные виды и функции обращений.

Ключевые слова: обращение, вокатив, виды обращений, функции обращений.

Abstract: this article is focused on the phenomenon of direct address. Types and functions of direct address are studied/.

Keywords: direct address, vocative, types of direct address, functions of direct address.

Обращение относится к тем языковым явлениям, которые находятся в фокусе внимания разных областей лингвистики. Так, грамматисты рассматривают обращение с точки зрения определения его синтаксического статуса [см.: 5; 11; 12]. Как значимый компонент речевого этикета обращение получило описание в работах А. А. Акишиной, В. Е. Гольдина и др. [1; 7]; развернутый список обращений представлен в Словаре русского речевого этикета [3]. В 70—80-х гг. XX в., по замечанию А. А. Балакай, в связи с ростом интереса к прагматике человеческой речи обращения стали изучаться как особые языковые единицы в аспекте их функционирования в акте коммуникации [2].

Несмотря на стабильный интерес к изучению обращения в лингвистике, ряд специалистов отмечает недостаточную изученность этого языкового явления, неопределенность статуса обращения: «<...> им [обращениям] отведено чаще всего далеко не главное место в лингвистических исследованиях. Так, в грамматических теориях они рассматриваются как единицы, лишенные всякой синтаксической функции, являющиеся названием адресата речи прежде всего, или, наоборот, как члены предложения третьего уровня, которые связаны с остальными членами предложения особым видом семантической и прагматической связи — связи соотношения или связи взаимозависимости глагола и существительного в вокативном падеже» [4, 49].

Традиционно под обращением понимают «грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, к которому адресована речь» [9, 304].

Чаще всего обращение выражается: именем собственным, например: *Аня, ты куда собралась так поздно?*; *Петров, завтра придёшь с родителями!*; *Что вы об этом думаете, Николай Петрович?*; на-

рицательным существительным: *Девушка, передайте на билет, пожалуйста!*; *Друзья, как я рад вас видеть!*; прилагательным или причастием: *Проводи меня в дорогу, родная!*; *Уважаемый, как к станции метро пройти?*

При обращении могут быть пояснительные слова — определения или приложения, например: *Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы!* (А. Пушкин).

Обращение является важным компонентом коммуникации, поскольку в зависимости от ситуации может определять её успешность, а может и явиться причиной коммуникативной неудачи. По словам Н. И. Формановской, «в коммуникативных процессах обращение — одна из частотных единиц общения, а именно адресации, несущая важнейшую контактоустанавливающую функцию» [14, 83].

Выбор лексических средств оформления обращения от ряда т.н. характеристик коммуникативной ситуации: отношения между адресантом и адресатом: гендерные, возрастные, родственные, социальные, служебные (старший, равный, младший по возрасту и / или социальному положению; свой, чужой; знакомый, незнакомый) и др.; обстановка общения: официальная, неофициальная; способ общения: контактный, дистантный; цель общения: привлечение внимания, поддержание речевого контакта, выражение отношения к собеседнику, намерение в дальнейшем обратиться с просьбой, извинением и др.; тональность общения: уважительная, учтивая, почтительная, шутивная, официальная, просительная, покровительственная и др. [2, 7].

Прагматический подход к изучению обращения позволяет выявить его полифункциональность. Количество функций, а также их названия у разных исследователей варьируются. Это: номинативная (выделение адресата); вокативная (привлечение внимания); социально-регулятивная, или этикетная (обозначение статуса коммуникантов, степени их близости, характера их взаимоотношений); эмо-

ционально-экспрессивная (выражение эмоций); оценочно-характеризующая (квалификация адресата); дискурсивная (обеспечение формальной и смысловой связности частей дискурса); дейктическая (уточнение, указание на адресата).

Как правило, обращение одновременно выполняет несколько функций. Так, прежде всего обращение, как было сказано выше, называет, именует адресата, то есть идентифицирует его. В этом проявляется номинативная функция. Одновременно реализуется и апеллятивная, или вокативная, функция, то есть функция привлечения внимания. Если же, указывает Л. В. Кожухова, обращение вместе с этим выражает оценку адресата, даёт ему характеристику, то это проявление надстроеной над ней эмоционально-оценочной функции [8, 80]. Функцию квалификации адресата определяют также как характеризующую [6]. Характеризация может осуществляться по ряду параметров: социальному положению: *Ах, барин, барин, молодцы вы очень* (А. Островский); возрасту: *Ах, это ты, дед?* (М. Шолохов); знакомству или родству: *Ах, нет, маменька, не говорите!* (А. Островский); профессии и роду занятий: *Гусар, ты весел и беспечен...* (М. Лермонтов).

Т. В. Нестерова считает, что нужно различать вокативы с минимальной степенью прагматичности и вокативы-экспрессивы, представляющие собой адресованные выражения эмоций. Первые характерны для установления контакта в нейтральной ситуации, не имеющей дополнительной эмоционально-экспрессивной окраски. Вторые маркированы дополнительными эмоционально-экспрессивными компонентами [10, 15—16]. Среди них можно выделить такие, эмоциональное содержание которых непосредственно связано с положительным или отрицательным отношением к адресату, поскольку эмоциональность — состояние, возникающее в процессе принятия решений об оценке воспринимаемых явлений действительности и их связи, «отражённое и закреплённое в семантике слова отношение, чувство говорящего к объекту речи» [15, 64].

К числу вокативов оценочного характера можно отнести обращения, характеризующие адресата по личным качествам и свойствам, которые становятся объектом оценки, например: *Пустите руки, бесстыдник, а то граф бог знает что подумает!* (А. Островский); *Ангел души моей, карбункул моего сердца, дай-те денег взаймы...* (А. Чехов).

В приведённых примерах обращение обозначает как адресата высказывания, так и отношение к нему говорящего.

Стремление говорящих к экономии языковых средств приводит к тому, что с течением времени значимость чисто вокативной функции уменьшается, о чём свидетельствует такой исторический процесс, как утрата звательной падежной формы. А на первое место выходит выражение ценностного отношения к адресату.

Так, при рассмотрении наиболее распространённого вида обращений — вокативов, выраженных антропонимами, выявляется, что возрастной статус коммуникантов, официальная сфера общения, роли «начальник-подчинённый» в русском языке реализуются прежде всего посредством употребления имени и отчества. Полные формы личных имён и их краткие варианты передают эмоции и оценки, указывая на неофициальный характер общения и конкретизируя эмоциональное отношение говорящего к собеседнику. Например: *Мария Петровна, Мария, Маша, Машенька, Машка, Маня, Манька, Манюня* и т.д.

Для выражения оценочной функции русский язык располагает как морфологическими, так и лексическими средствами. К числу морфологических относятся суффиксы субъективной оценки, а к числу лексических — оценочные прилагательные (*милый, дорогой* и т.д.) и существительные (*красавец, молодец, добряк, болван, сумасшедший* и др.). Например: *Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной* (А. Пушкин); *Не хочешь ли вот этого (показывает кулак), безмозглый?* (А. Пушкин); *Подите прочь, болван!* (А. Чехов).

Большую группу оценочных характеристикаторов составляют метафоризованные номинации, то есть употребляемые в роли вокатива названия животных, предметов, явлений действительности: *ласточка, золото, сокровище, ангел; змея, чучело, дубина*. Например: *Ах ты, огонёк мой, победная моя головушка!* (Вс. Соловьёв); *Где же ты, подружка, яблонька моя?* (А. Фатьянов); *Ишь ты, дьявол, чего удумал. Не выйдет у тебя ничего* (В. Астафьев).

Обозначая адресата посредством подобных лексем, говорящий характеризует его как лицо, вызывающее чувство симпатии / антипатии, подобно предмету или явлению, представленному в вокативе. От того, что в подобной характеристике говорящий приписывает адресату не присущие ему признаки, а признаки других объектов, метафоризованная квалификация адресата оказывается одной из наиболее субъективных и эмоциональных разновидностей вокатива.

Обращение, таким образом, принадлежат к той группе языковых средств, которые обязательно выражают какие-либо логико-смысловые или экспрессивно-стилистические оттенки, может быть рассмотрено как особое выразительное средство [13].

Очевидно, что обращение всегда целенаправленно и соотносено с конкретной ситуацией общения. Выбор формы вокатива определяется совокупностью прагматических параметров ситуации речевого общения, а именно: статусно-ролевыми отношениями коммуникантов, их личными взаимоотношениями, их эмоционально-психическим состоянием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишина А. А. Русский речевой этикет. / А. А. Акишина, Н. Н. Формановская. — М.: Русский язык, 1983. — 181 с.

2. Балакай А. А. Этикетные обращения: функционально-семантические и лексикографические аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А. А. Балакай. — Новокузнецк, 2005.
3. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета / А. Г. Балакай. — М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. — 672 с.
4. Беженару Л. Обращения во французском языке / Л. Беженару. — Режим доступа: <http://oaji.net/articles/2014/941-1404301184.pdf>.
5. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка / Н. С. Валгина. — М.: Высш. школа, 1978. — 438 с.
6. Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы / В. Е. Гольдин. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. — 128 с.
7. Гольдин В. Е. Речь и этикет / В. Е. Гольдин. — М.: Просвещение, 1983. — 109 с.
8. Кожухова Л. В. Речевой акт обращения / Л. В. Кожухова // Вестник Ставропольского государственного университета. Филологические науки. — 2007. — № 48. — С. 80—85.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 682 с.
10. Нестерова Т. В. Прагматика обращений-антропонимов / Т. В. Нестерова // Русский язык за рубежом. — 2001. — № 4. — С. 14—20.
11. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. — М.: Учпедгиз, 1956. — 511 с.
12. Проничев В. П. Синтаксис обращения / В. П. Проничев. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. — 88 с.
13. Федулова У. М. Стилистические функции обращения / У. М. Федулова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2014. — Вып. 1. — Том 1. — С. 239—242.
14. Формановская Н. И. Обращение с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода / Н. И. Формановская // Специализированный вестник КрасГУ. — 2000. — Вып. 11. — С. 83—88.
15. Цоллер В. Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика / В. Н. Цоллер // Филологические науки. — 1996. — № 6. — С. 62—65.

Багдадский университет

Фирдевс Бурахи Карим, преподаватель

E-mail: dobvl@yandex.ru

Baghdad University

Firdevs Burayhi Karim, Teacher

E-mail: dobvl@yandex.ru

МЕДИАСООБЩЕСТВО РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) И ВЛАСТЬ: ИДЕИ СВОБОДЫ, ТЕНДЕНЦИИ ОТРАСЛИ, ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Н. А. Аргылов

*Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
Санкт-Петербургский государственный университет*

Поступила в редакцию 10 октября 2017 г.

Аннотация: в статье рассматриваются результаты социологического опроса представителей медиасообщества Якутии. Анализируются представления работников СМИ Республики Саха (Якутия) — редакторов и журналистов (как регионального, так и муниципального уровней), а также специалистов по связям с общественностью, сотрудников пресс-служб администрации главы и правительства Якутии, пресс-секретарей ведомств — о современном состоянии региональной отрасли.

Ключевые слова: медиарынок, массовые коммуникации, Республика Саха (Якутия), региональная пресса, диалог, медиapolитика, информационная политика.

Abstract: the paper Presents the results of a poll representatives of the media community of Yakutia. Analyzes the views of media workers of the Republic of Sakha (Yakutia) — editors and journalists (both regional and municipal levels), online publications, and specialists of public relations, employees a press-services of administration and head of the government press-secretaries of the agencies on the current state of the regional industry.

Keywords: media market, mass communications, Republic of Sakha (Yakutia), the regional press, dialogue, mediapolitical information policy.

Основные подходы к феномену взаимодействия власти и медиа в российских условиях, представленные в работах И. В. Кирия [1], В. Л. Касютина [2], О. С. Довбыш [3], явились теоретической основой для проведения социологического исследования с целью определения практики партнерства и сотрудничества между органами государственного и муниципального управления, СМИ, PR и другими заинтересованными сторонами для создания открытого для всех граждан информационного общества в новых социально-экономических условиях. Организатором опроса выступила Автономная некоммерческая организация «Лаборатория информационной политики» (г. Якутск). Опрос, предполагавший изучение мнения специалистов по рассматриваемой проблеме и прогнозированию развития медиаотрасли региона, проводился в г. Якутске и в районах Республики Саха (Якутия) в первом полугодии 2017 г. на платформе Google-docs. В исследовании мы исходили из методологического основания, согласно которому «ситуация в сегодняшних российских медиа не может рассматриваться вне контекста социальной структуры российского общества и роли, которую играет государство по отношению к обществу» [1].

Ряд вопросов касался представлений журналистов о профессиональном сообществе и взаимоотно-

шениях с органами власти. Опрос выявил достаточно критическую оценку респондентами состояния профессионального сообщества. На вопрос: «Понятие свободы прессы, как известно, включает в качестве обязательных условий ответственность, профессионализм и независимость. Как Вы считаете, в какой мере отвечает этим требованиям современное российское журналистское сообщество?» — 56,2% представителей медиаотрасли ответили, что «не соответствует требованиям», 24,6% посчитали, что «да, соответствует», и 23,2% затруднились с ответом. Почти половина респондентов (46,4%) на вопрос «Допускаются ли нарушения закона во взаимоотношениях со СМИ или конкретными журналистами представителями органов власти в Якутии?» ответили утвердительно, 26,1% не нашли нарушений, 27,5% не смогли определиться с ответом.

Развитие темы нашло отражение в конкретизации вопроса: «Известны ли Вам факты отказа в аккредитации или пропуске на официальные мероприятия журналистам из негосударственных, в том числе «оппозиционных» СМИ?» О фактах отказа «известно» почти половине респондентов — 46,4%, а «не известно» — 39,1%, «затруднились» найти ответ 14,5%. Это говорит о том, что почти половина журналистов столкнулась с фактами отказа в прохождении на публичные мероприятия в администрации главы республики и на другие официальные площадки. Мно-

гие исследователи экономики массмедиа отмечают, что региональный медиарынок России дерегулирован [3, 236-241], спецификой взаимодействия СМИ и властей являются так называемые государственные контракты на информационное сотрудничество [4, 158-163]. На вопрос «Можете ли Вы вспомнить факты открытых конфликтов между местной властью и СМИ, в основе которых лежат экономические интересы сторон?» якутское медиасообщество ответило следующим образом: «да» — 44,9% респондентов, не признали подобных инцидентов и «затруднились ответить» по 27,5% журналистов соответственно.

Для представлений медиаиндустрии был сформулирован блок экономических вопросов, ключевым из которых был следующий: «Разделяете ли Вы точку зрения, согласно которой современные российские СМИ трансформировались в специфическую информационную систему, при которой журналисты перестают искать объективную информацию, а начинают распространять заранее оплаченные сведения или получаемые исключительно из пресс-служб, придавая им видимость объективности?» Подтверждают эту точку зрения 55,1% респондентов, категорически отрицают около трети — 33,3%, а «затруднились ответить» на данный вопрос 11,6% респондентов.

Выборы и СМИ — следующий блок вопросов, помогающий заострить внимание на процессах информационного сопровождения избирательных процессов. Ответы на вопрос «Согласны ли Вы с мнением, что новое выборное законодательство ограничивает права граждан на информацию и свободу СМИ» распределились почти равномерно: «да» — 39,1%, «нет» — 33,3%, «затрудняюсь ответить» — 27,5%. На развивающий первый тезис вопрос «Можно ли противостоять массовому распространению в период выборов компаний дезинформации, заведомо недостоверных сведений и фактов, попыткам обмана общественного мнения?» почти половина респондентов утвердительно ответила «можно» — 47,8% и сочла, что журналистские инструменты смогут дать отпор дезинформации. Неожиданные результаты дал ответ «затрудняюсь ответить» — это около трети (33,3%) опрошенных, и 18,8% уверены, что противостоять дезинформации «нельзя».

Опрос предполагал открытые вопросы, касающиеся представлений журналистов о тенденциях медиаотрасли. Ответы на открытый вопрос «Какие основные тенденции на якутском медиарынке Вы бы отметили за последние пять лет? Что меняется?» выявили семь больших тематических блоков, определяющих основные тенденции медиаотрасли Республики Саха (Якутия):

- кризис традиционных форматов в СМИ: «падение печатных тиражей по причине большего внимания аудитории к онлайн-СМИ», как и «везде, медиарынок медленно, но верно перемещается в Интернет», «бумажные СМИ постепенно вытесняются

электронными информационными площадками, которые не очень хорошо следят за своей репутацией», «отход от печатного формата», «увеличилось количество информационных новостных сайтов; уклон пошел в электронные СМИ», «больше развиваются новостные сайты и информационные агентства; появились сайты НВК “Саха” и других телеканалов Якутии», «появление новых независимых СМИ»;

- профессиональные проблемы журналистики: «омоложение кадров», «утрата профессионализма», «некомпетентность, ангажированность», «новых идей практически нет; творчество наблюдается у единиц, в основном у молодых журналистов», «упадок печатных СМИ и появление множества медийных сообществ, которые называют себя СМИ, хотя, по сути, являются только новостными агрегаторами», «одностороннее освещение, прослеживаются две крайности: со стороны государственных медиа в контенте сплошной позитив и сплошной негатив со стороны негосударственных», «газеты, понимая, что уступают по оперативности электронным СМИ, стараются перейти к журналистике мнений, но пока это получается далеко не у всех изданий»;

- цифровизация СМИ: «Интернет занимает главную роль, оттесняя ТВ и газетную периодику; большую роль играют мессенджеры», «тексты становятся короче, используется больше иллюстраций, видео», «усиление роли государства в жизни СМИ, вследствие этого возникает зависимость бюджетных СМИ; во многом это связано с мегапроектами, “Дальневосточным гектаром” и др., которые народ не очень принимает», и, «напротив, блоги и некоторые интернет-СМИ, форумы усиленно эксплуатируют антиправительственную риторику», «активное сообщество раскололось, а пассивному и дела нет до всего этого», «конфликты друг с другом и органами государственной власти», «Интернет вытеснил новостные теле- и радиопередачи и стал основным ньюсмейкером, миссия газет — “разжевывание” недельных новостей из местного Интернета», «стала более доступна информация из сети, активизировалась связь СМИ с обществом посредством соцсетей и Интернета»;

- взаимодействие учредителя и редакции СМИ: «напряженные отношения между руководителями государственных и негосударственных СМИ», «упадок государственных СМИ»;

- проблемы содержания «повестки дня» в СМИ: «публикация новостей на основе недостоверной информации, зависимость от официальных или экономических структур», «засилье “желтизны”, людям нравится “верить” неправдоподобным материалам», «журналистики все меньше: остается паблик рилейшнз; журналисты перестали работать в непосредственном контакте с объектом информации, даже большие интервью стали брать виртуально, в итоге масса “мертвых” материалов», «рост количества криминальных новостей», «качественные тексты не

так востребованы, как бы хотелось», «мало авторских статей, аналитики, одни и те же новости во всех медиаресурсах», «меняется отношение к негосударственным газетам: население раздражается от раздутых сенсаций и т.п.», «изменился подход к написанию материалов, созданию интересного контента»;

- экономика СМИ: «основание холдинга “Сахамедиа”, который создавался как бы в целях экономии бюджетных средств, привело к еще большим затратам. Получилось как в “Татар-Медиа”, когда верхушка жирует, журналисты подтягивают пояса. Одна из самых больших статей доходов интернет-СМИ — стоп-листы», «многие переходят на “финансовые” отношения», «печатные СМИ все больше проигрывают интернет-ресурсам; причины две: неадекватная ценовая политика «Почты России» и расширение сети ВОЛС на территории республики», «сокращение штатов государственных СМИ», «непроверенной информации стало больше, негосударственные СМИ стали сильно продажными; открытых и доступных тем стало намного больше»;

- проблемы муниципальных СМИ: «сокращение количества журналистов, работающих в районках, и низкая зарплата», «кто платит — тот заказывает музыку: районки полностью зависимы от решения коллегии районной администрации», «пожалуй, особенно стоят районные издания, которые держатся за счёт государственных субсидий, но не получают должного развития как в плане вёрстки, так и журналистского мастерства».

Результаты опроса позволили выявить региональные особенности медиарынка с точки зрения самих журналистов. Интервьюеров интересовало, как оценивают специалисты свой рынок по сравнению с общероссийскими процессами, следят ли представители медиасообщества за этим. Ответы на открытый вопрос «В чем особенности якутского медиарынка по сравнению с рынками других регионов России?» позволили выявить несколько релевантных тем.

Влияние новых медиа: «местной особенностью является повсеместное внедрение WhatsApp Messenger и его превалирование в информационном поле», «очевидно, что огромное значение мессенджера WhatsApp, который используется медиасообществом не только для личного общения, но и работы; лично я часто даже беру интервью через WhatsApp (голосовые сообщения)», «социальные сети и мессенджеры; уникальная география и природно-климатические условия привели к тому, что тот же WhatsApp сегодня является одной из мощнейших платформ для обмена данными».

Ограниченность возможностей: «во всех СМИ практически один и тот же набор информации и информационных поводов», «местечковость, застенчивость на столице региона, большой процент государственных СМИ», «однообразие новостей, взаимосвязанность СМИ друг с другом», «много госу-

дарственных СМИ, мало нишевых изданий, информационная изолированность», «большая степень свободы слова, трудности доставки из-за огромной территории региона, треть которого расположена в Арктической зоне».

Профессиональные проблемы: «поверхностность, непрофессионализм, размыты критерии нравственности», «большое количество СМИ, огромные вливания в государственные СМИ, которые заведомо убыточны и лишаются стимула работать лучше, практика раздачи журналистских премий только представителям государственных медиа», «Якутия является одним из субъектов, где ярко выражен раскол среди СМИ на государственные и независимые», «остается некая боязнь принимать новые технологии и средства распространения своего контента: например, телевизионщики до сих пор с некоторой скептической относятся к видеохостингу YouTube, тогда как все центральные СМИ максимально используют данный ресурс распространения своего продукта», «охватывают более глобальные, не “земные” темы», «предсказуемость, отсутствие аналитики; нет сильных обозревателей за редким исключением».

Проблема свободы слова: «по сравнению с другими регионами, особенно Дальнего Востока, у нас все же имеется так называемая свобода слова. Мы не зажаты, нам сложно закрыть рот, как такового сильного давления со стороны властей на журналистов нет», «правительство не жалеет средств на государственные СМИ. Журналистика поступила в услужение, перестав быть четвертой властью», «меньше свободы мысли и креатива», «низкая оперативность подачи информации и нередко отсутствие объективности. Государственные СМИ пишут по установке департамента и правительства, оппозиционные — по принципу “навредить”», «мало конкретики, много закрытых тем».

5. Преимущества СМИ Якутии: «издаются социально ориентированные СМИ», «превалируют частные негосударственные СМИ», «еще одно отличие может быть в том, что якутоязычное население интересуется прессой и передачами на родном языке, вследствие чего у них подписка стабильная; появляются новые проекты; этого в соседних регионах, конечно же, не наблюдается», «появилось много независимых СМИ, которые не боятся высказать свое мнение».

6. Вмешательство в политику СМИ. В последнее время республиканским властям по примеру татарского опыта [4, 234-239] пришлось мобилизовать государственные СМИ, проводя реформу по созданию государственного холдинга [5, 344-348]. Мнение медиасообщества об этом процессе — в ответах на открытый вопрос «Как Вы оцениваете государственную политику республиканских властей в сфере регулирования медиаотрасли?»

В целом, республиканское медиасообщество оценивает работу республиканских властей в сфере фор-

мирования медиаотрасли как удовлетворительное. Вместе с тем были и критические замечания в адрес регионального руководства: ««регулирования» я не вижу и не ощущаю», «слишком интенсивное вмешательство в СМИ», «многочисленные преференции карманным изданиям создают иллюзию того, что в республике все хорошо; на критику реагировать еще нужно поучиться», «не такой диктаторский режим, как считают некоторые; карательные меры не применяются, чего не скажешь о других регионах. Главный пример — это история с ТВ-2 из Томска», «государство несет неоправданные расходы на содержание своих СМИ; все же наличие такого большого числа СМИ из бюджета не оправдано, подписка это показывает, но общественное мнение государство не должно пускать на самотек, поэтому нужен баланс».

Ответы респондентов подчеркивают то, что реализацией государственной информационной политики в Якутии занимаются стихийно: «нас вспоминают, только когда нужно что-то опубликовать или когда нужно поругать», «слишком формальное отношение к вопросу, не пресекаются конфликты с негосударственными СМИ, что еще более накаляет обстановку», «а я не считаю, что республиканские власти должны регулировать медиаотрасль; они ее методично разрушают нелогичной и неправильной кадровой политикой», «неэффективно, эффективно только получается указывать на то, что печатать, а что нет», «топорная и неуклюжая политика, которой не занимаются профессионалы», «отрицательно — власти не считаются с мнениями главных редакторов в разрезе идеологии, чувствуется давление с их стороны».

Отдельного внимания заслуживают ответы журналистов: «Вроде пытаются наладить контакты со СМИ, но в то же время кажется, что пытаются повлиять», «а такая политика есть? Как могут власти регулировать медиаотрасль? Это же противоречит закону», «чтобы ответить на этот вопрос, стоит посмотреть на СМИ-победители — одни государственные», «понятно, что в отношениях со СМИ органы власти должны выступать не как контролеры и цензоры, но ситуация вряд ли изменится в следующие пять-семь лет».

Заметим, при всем этом журналисты в большинстве своем (47,8%) на вопрос «Насколько интенсивно вмешательство регулятора (профильных комитетов Государственного Собрания (Ил Тумэн), УФАС, Департамента печати и телерадиовещания и др.) в деятельность СМИ?» ответили «не интенсивно», чуть меньше (34,8%) уверены, что вмешательство идет «интенсивно», при этом 17,4% «затрудняются ответить».

Опрос позволил выявить ключевых игроков на рынке. Ответы на вопрос «Кого бы вы отнесли к основным игрокам якутского медиарынка сегодня?» не отличались разнообразием: «безусловно, флагманом якутского медиарынка являются газета “Якутск

вечерний” и редакция новостей портала Ykt.ru. Данные популярные СМИ поднимают наиболее острые и злободневные проблемы». Так, у специалистов отрасли лидером по упоминанию является еженедельник «Якутск вечерний» (31 упоминание), мультипортал Ykt.ru с новостным сайтом News.ykt.ru (20) и государственное Якутское-Саха информационное агентство (ЯСИА) (19). Эти ответы выявили и наиболее влиятельных медиаперсон, которые играют значительную роль в функционировании региональных СМИ: Л. И. Левин — владелец «Якутска вечернего» и ООО «Норд-Пресс», победитель множества профессиональных конкурсов, а также генеральный директор государственного холдинга «СахаМедиа» (якутский аналог «Тат-медиа») К. В. Алексеев.

Выявлено отношение респондентов к проблеме концентрации СМИ. Заметным явлением последнего времени в Республике Саха (Якутия) является создание государственного Республиканского информационно-издательского холдинга «СахаМедиа», образованного путем слияния ОАО «Редакция газеты “Саха сирэ”» и ОАО «Редакция газеты “Якутия”», а также типографского комплекса ОАО «Медиа-холдинг “Якутия”» и АУ РС (Я) «ЯСИА» [6]. В целом, спустя некоторое время на вопрос «Как вы относитесь к созданию крупного государственного медиахолдинга?» сообщество показывает «нейтральность» — 43,5%, при этом 37,7% респондентов дают «негативную» оценку, «позитивность» в этом процессе видит лишь 11,6%, а 7,2% «затрудняются ответить».

На уточняющий вопрос «Насколько оправдана концентрация государственных СМИ?» респонденты ответили, что «не оправдана» — 40,6%, «оправдана» — посчитали 31,9%, а 27,5% участников исследования «затруднились с ответом».

Ответы на вопрос «Как вы оцените степень участия государства в формировании информационной политики редакций?» распределились следующим образом: 42% респондентов относятся к этому процессу «нейтрально», что является логичным. При этом «негативно» отзываются 37,7% обследуемых. Подобные цифры свидетельствуют, видимо, о некой непозитивной практике взаимодействия СМИ с органами государственной власти. Однако «позитивность» в этом деле видят 13% представителей медиаотрасли, и лишь 7,2% «затруднились с ответом».

Результаты ответов на вопрос «Есть ли в регионе конкурирующие мнения и различные источники информации?» достаточно оптимистичны (с учетом того, что в опросе участвовали сами представители отрасли): «да» — 79,7%, «нет» — 14,5%, «затрудняюсь ответить» — 5,8%. Это говорит о том, что, несмотря на все нюансы, любое СМИ может представить свое мнение и участвовать в процессе формирования республиканской и городской «повестки дня».

К сожалению, иллюстративными оказались ответы на вопрос о сферах конкуренции и отношении

к тезису: «Медиакомпании вынуждены конкурировать в трех основных плоскостях: за качественный контент (рынок авторов), за аудиторию (рынок потребностей) и за рекламные бюджеты (рынок рекламодателей)». Несмотря на явное превалирование варианта ответа «вынуждены» (73,9%), СМИ прилагают не так много усилий к тому, чтобы быть конкурентоспособными. «Затруднились с ответом» 14,5%, а вариант ответа «не вынуждены» выбрали лишь 11,6% респондентов.

Интерес представляли ответы, в которых медиаобщество рассуждает о будущем медиаиндустрии в Якутии. Около 80% респондентов, отвечая на вопрос «Каков ваш прогноз относительно развития общей ситуации в якутской медиаотрасли?», прогнозируют «уход большинства СМИ в онлайн-платформы». Это связывается с неминуемым сокращением финансирования СМИ со стороны государства, однако высказывается убеждение, что последние будут обязательно в том или ином виде представлены в медиапространстве. Так, «уменьшение количества государственных СМИ повлечет за собой повышение их качества (что не означает уменьшения ангажированности), появление федеральных игроков, уход или поглощение федералами мелких СМИ».

Отрадно, что часть журналистов «волнует судьба сахаязычных изданий», встают вопросы оригинальности текстов: «мы уже теряем чисто якутскую журналистику, превалирует безликость»; обозначена проблема кризиса доверия, когда «СМИ теряют доверие читателя». Отдельным блоком стоит вопрос актуализации «повестки дня»: «сложный период для периодических печатных изданий продолжится; не уходя с рынка, они будут создавать интернет-версии или сайты с собственным контентом; преимущество будут иметь СМИ со своим региональным, авторским контентом».

Таким образом, опрос по широкому кругу вопросов, касающихся развития медиаиндустрии в Республике Саха (Якутия), позволил оценить общее состояние отрасли, которое характеризуется респондентами как кризисное. Такое «мироощущение» журналистского сообщества и общего цехового настроения вызвано трудностями переживаемого периода. Исследование позволило также сравнить полученные данные с общероссийскими показателями.

Представления журналистов и сотрудников информационной сферы о состоянии отрасли вполне адекватны реалиям. Однако слабой оказывается мотивация представителей медиаобщества к активизации своей деятельности. Около трети опрошенных, отвечая на многие вопросы «затрудняюсь ответить», демонстрировали свое индифферентное отношение к информационному процессу и информационной политике в республике.

В целом, можно сказать, что результаты социологического опроса подтвердили перспективы исследования. Требуется поиск глубинных причин сложившейся ситуации и разработка рекомендаций для развития отрасли. Очевидно, что для органов власти и руководителей СМИ насущным становится вопрос о поиске стимулов к активизации деятельности журналистов для коренного изменения ситуации на медиарынке Республики Саха (Якутия). Становится актуальным формирование единого информационного пространства региона путем реализации государственной информационной политики через массмедиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирия И. В. Социальная традиция российской модели коммуникаций / И. В. Кирия // Вестник Московского университета. Серия 10. – 2010. – С. 51-74.
2. Касютин В. Л. Явные и латентные последствия дерегулирования российской региональной печати / В. Л. Касютин // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – № 6. Вып. 9. – С. 236-241.
3. Довбыш О. С. Специфика взаимодействия СМИ и властей в российских регионах / О. С. Довбыш // Журналистский ежегодник. – 2015. – № 4. – С. 158-163.
4. Кивель Э. Ф. Факторы трансформации медиаполитической системы Республики Татарстан (2000-2011 гг.) / Э. Ф. Кивель // Ученые записки КФУ. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1. Т. 154. Кн. 1. – С. 234-239.
5. Туганова Э. А. Модели управления массмедиа в Республике Татарстан в условиях инновационной экономики / Э. А. Туганова // Вестник Казанского технологического университета. – 2014. – № 1. Т. 17. – С. 344-348.
6. Аргылов Н. А. Медиасистема Республики Саха (Якутия) в условиях глокализации / Н. А. Аргылов // Медиаскоп. – 2016. – Вып. 3. – URL: <http://www.mediascope.ru/?q=node/2149> (дата обращения: 29.06.2017).

Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова

Аргылов Н. А., начальник управления медиаполитики
и связей с общественностью

E-mail: nik-argylov@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
Аргылов Н. А., соискатель

The M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
Argylov N. A., Head of the Department of Media Policy and
Public Relations
Saint Petersburg State University
Argylov N. A., Postgraduate Student
E-mail: nik-argylov@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПРЕСС-СЛУЖБОЙ ТЕАТРА СО СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

А. В. Етерскова

Московский государственный институт культуры

Поступила в редакцию 4 ноября 2016 г.

Аннотация: в статье рассматриваются практические особенности проведения специальных мероприятий, направленных на продвижение театра и эстетическое воспитание зрителя. В работе представлены основные формы взаимодействия театра со средствами массовой информации: рассылка пресс-релизов, организация пресс-конференций, пресс-туров, превью, творческих встреч, экскурсий, викторин, акций.

Ключевые слова: пресс-служба, средства массовой информации, театр, продвижение, специальные мероприятия.

Abstract: the article deals with the practical features of special events aimed at the promotion of the theater and the aesthetic education of the viewer. The paper presents the main forms of interaction between the theater with the media, such as the distribution of press releases and press conferences, press tours, previews, meetings, excursions, quizzes shares.

Keywords: press office, the media, theater, promotions, special events.

Существует немало работ, посвященных деятельности отделов по связям с общественностью в коммерческих и государственных структурах, созданию имиджа и управлению репутацией, а также специальным мероприятиям и оценке эффективности. Данная проблематика изучается специалистами как в области PR и журналистики, так и в сфере менеджмента и маркетинга. Актуальность и востребованность изучения специфики взаимодействия пресс-службы театра со СМИ посредством организации и проведения специальных мероприятий обусловливается отсутствием специальной литературы по данной тематике. В связи с этим возникает необходимость анализа современных форм взаимодействия и определение наиболее эффективных практик в работе пресс-службы театра со СМИ.

Основной функцией театра является эстетическое воспитание духовно-нравственной гармоничной личности. В мае 2015 года на государственном уровне был разработан и принят к исполнению комплексный план мероприятий по реализации «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации до 2025 года». Одним из приоритетных направлений «Стратегии развития воспитания» является «формирование высокого уровня духовно-нравственного развития, чувства причастности к историко-культурной общности российского народа и судьбе России». Театр является наиболее подходящей площадкой для демонстрации и обсуждения основополагающих принципов, основанных на критериях добра и зла, лжи и истины.

Однако в современном обществе театры сталкиваются с целым рядом проблем, которые значительно ограничивают перспективы их развития, а иногда и вовсе создают угрозу дальнейшего существования театральных коллективов. Большая часть этих проблем касается финансовой составляющей деятельности учреждений культуры. Театры нуждаются в значительных средствах на содержание и амортизацию зданий и инфраструктуры, обновление технической базы: аппаратуры и декораций, подготовку специализированных кадров, поддержании разнообразного и востребованного репертуара. Значительной проблемой в мире непрерывного потока информации и разнообразных вариантов времяпрепровождения является завоевание внимания, привлечение и воспитание «своего зрителя».

Немаловажным фактором успешности и востребованности театра является его продвижение. В последнее время все большее количество руководителей театров стало задумываться о создании самостоятельных PR-отделов или включении PR-функций в обязанности литературного отдела. Таким образом, особый интерес вызывает изучение и определение основных функций пресс-службы театра, выявление коммуникативных особенностей продвижения театра и определение наиболее эффективных методов взаимодействия, применяемых в театральной сфере. Значимость изучения состоит в том, что материалы и результаты исследования позволят выявить современные эффективные формы проведения пресс-службой театра специальных мероприятий со средствами массовой информации, которые могут быть использованы в качестве наглядного матери-

ала в учебном процессе при чтении спецкурсов, мастер-классов и семинаров, а также в практической деятельности репертуарных театров.

Для определения наиболее распространенных форм взаимодействия отделов продвижения театра со средствами массовой информации посредством специальных мероприятий было проведено исследование, в котором принял участие 21 государственный театр (из 24 государственных театров, подведомственных комитету по культуре Санкт-Петербурга), среди которых 3 музыкальных, 11 драматических и 7 детских театров.

Исследование показало, что практически все театры проводят те или иные специальные мероприятия для СМИ. Чаще всего используется форма пресс-конференции — 14 театров, затем круглый стол — 8 театров, и реже всего используется форма брифинга — 2 театра. Распространением пресс-релизов через информационные агентства занимаются в 14 театрах. На спектакли традиционно приглашают представителей средств массовой информации: представителей профессиональных СМИ — 21 театр, представителей региональных СМИ — 20, представителей федеральных СМИ — 16 театров. Проведением интервью ведущих специалистов, актеров с представителями СМИ занимаются во всех опрошенных театрах. Консультированию представителей СМИ по вопросам, относящимся к театральной сфере, уделяют внимание в 13 театрах.

Согласно данным заполненных анкет, литературный отдел Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры «Санкт-Петербургский молодежный театр на Фонтанке» ведет наиболее активную и планомерную работу со средствами массовой информации. В связи с этим мы решили более детально рассмотреть формы взаимодействия отдела с представителями СМИ, к которым отнесли театральных критиков и пишущих журналистов.

СПб ГБУК «Санкт-Петербургский молодежный театр на Фонтанке» — единственный театр-сад, включающий большую и малую сцены, а также Измайловский сад — «зелёное фойе». «Это сочетание ландшафта и архитектуры делает Измайловский сад необыкновенно притягательным, а две площадки позволяют максимально реализовывать практически все творческие идеи» [1]. Главным отличием постановок театра является доверительная интонация, изысканная образность, преемственность, динамика мизансцен, что придает спектаклям особую выразительность и остроту. Театр ориентируется на разное поколение зрителей и каждому по-своему интересен.

Взаимодействие со средствами массовой информации в «Санкт-Петербургском молодежном театре на Фонтанке» осуществляется в рамках работы литературного отдела, который состоит из руководителя, сотрудников литературно-драматической части,

специалиста по работе со СМИ и ведущего редактора. Примерное количество постоянных профессиональных экспертов составляет: театральных критиков — порядка 20 человек, пишущих журналистов — 50 человек. За квартал в прессе появляется порядка 180 упоминаний о театре.

Основными формами взаимодействия со средствами массовой информации является рассылка анонсов, пресс-релизов по наработанной базе СМИ и через пресс-службу Комитета по культуре Санкт-Петербурга, а также организация пресс-конференций, пресс-туров, превью, творческих встреч, экскурсий, викторин, акций.

Необходимо отметить, что при одном информационном поводе **пресс-релиз** пишется под определенное СМИ, учитывается его специфика и периодичность. Для успешной информационной поддержки необходимо придерживаться некоторых несложных правил. На радио, телевидение и в информационные агентства нужно отправлять информацию за 7—10 дней до начала события; информация должна содержать яркий заголовок, лид, новость, отличаться от других городских новостей. В журналы пресс-релизы следует отправлять за пару месяцев до мероприятия. Пресс-релиз должен содержать емкий интригующий заголовок, лид, текст с предысторией, основной идеей, комментариями, контактами и занимать одну-две страницы. В печатные СМИ информацию необходимо отправлять за 10—14 дней до мероприятия; информация включает яркий заголовок, лид, суть новости, цитаты, контакты и размещается на одной странице. В Комитет по культуре два раза в месяц отправляется «сухой» пресс-релиз, в котором перечисляются основные мероприятия месяца; указывается дата, время, название, основные данные, например: «21 сентября в последний раз будет сыгран спектакль «Дни Турбиных» (режиссер-постановщик — н.а. России Семен Спивак). Этот спектакль, ставший театральной легендой Петербурга, идет на сцене 15 лет».

Организация и проведение пресс-конференций. «Пресс-конференция — встреча журналистов с представителями разных структур, имеющая целью предоставить СМИ комментирующую, проблемную и фактографическую информацию, ответы на вопросы журналистов» [2, 113]. Проведение **пресс-конференций** в театральной сфере встречается нечасто. С развитием современных интернет-технологий необходимость и частота проведения пресс-конференций уменьшилась до двух-трех в сезон. Пресс-конференции организовывать все труднее, так как происходит много событий и нужно создать очень интересный и весомый повод, подобрать необычную форму, чтобы привлечь журналистов. В театральной сфере информационным поводом чаще всего выступает открытие или закрытие сезона, юбилей театра, известного актера, режиссера-постановщика, художественного руководителя, долгожданная премьера,

фестиваль. Например, к приезду в Санкт-Петербург французского писателя и драматурга Эрика-Эмманюэля Шмитта был организован фестиваль, который включал ряд специальных мероприятий. До начала фестиваля на базе театра была организована пресс-конференция, где представители СМИ были проинформированы о предстоящем фестивале, об основных фестивальных мероприятиях и приглашены принять участие в них. По завершении пресс-конференции были заполнены анкеты, и специалист по работе со СМИ Санкт-Петербургского молодежного театра на Фонтанке уже мог знать, на каких фестивальных мероприятиях будет работать тот или иной журналист. В начале фестиваля была организована вторая пресс-конференция, на которой журналисты могли пообщаться с Э.-Э. Шмиттом и узнать о его творческих планах. Помимо пресс-конференций в рамках фестиваля состоялись: торжественное открытие, встречи с читателями, заседание творческого клуба, спектакли. По итогам фестиваля было опубликовано порядка 30 материалов (интервью, отзывы, репортажей).

Еще одним наиболее успешным информационным поводом стал юбилей театра. В 2015 году Молодежный театр отметил 35-летие со дня основания. В этом же году художественный руководитель театра отметил двойной юбилей. Руководством театра было принято решение объединить все юбилейные даты (35-летие театра, 65-летие художественного руководителя и 25-летие его службы в Молодежном театре) и отпраздновать их в один день. Юбилей театра привлек внимание информационное агентство «РосБалт», руководство которого предложило провести пресс-конференцию на их площадке и поговорить о творческой судьбе Семена Спивака, планах театра, методах подготовки актеров и преемственности поколений. Пресс-конференцию посетили 30 журналистов, по итогам было опубликовано 32 материала, в том числе интервью с художественным руководителем. В это время в театре была организована декада спектаклей Семена Спивака, посвященная юбилею, о которой активно писали театральные критики и журналисты. Закрытие сезона решили организовать в форме «Закрытого праздника», на который не продавались билеты, но были приглашены ученики художественного руководителя и артисты, друзья театра, журналисты и театральные критики. Следует отметить, что юбилей был летом, а пресс-кампания юбилея началась в январе, и с этого самого времени в прессе стали появляться статьи и интервью на эту тему.

Проведение **брифингов** в театральной сфере практически не наблюдается. «Брифинг — краткая встреча журналистов с представителями структуры, немедленная реакция на какое-либо событие или происшествие, наиболее мобильная форма делового общения, которая чаще всего проводится стоя, когда ни выступающие, ни журналисты не рассаживаются

на заранее отведенные места» [2, 114]. Творческий процесс не приветствует брифинговой оперативности, здесь важно качественное наполнение, форма подачи, глубина понимания материала и проникновения в содержание.

Пресс-тур — специально организованное мероприятие для журналистов на территории театра с целью знакомства и получения информации об особенностях театра или событиях. Пресс-тур не частое событие в жизни любого театра. В Санкт-Петербургском молодежном театре на Фонтанке пресс-тур был организован к открытию здания (большой сцены). Журналистов встречали в Измайловском саду, водили по цехам, рассказывали о том, что и где будет находиться, в непринужденной обстановке художественный руководитель рассказывал о творческих планах театра. Продолжительность пресс-тура целиком зависит от возможностей театра, интереса журналистов к мероприятию и формы предоставления информации.

С целью разнообразия общения представителей театра с аудиторией, в частности с поклонниками театра, периодически проводятся **публичные читки пьес**, на которые приглашаются и СМИ. Выбирается пьеса, раздается артистам театра, репетируется и в определенный день читается. На читку пьесы собирается небольшая аудитория: зрители, друзья театра, молодые актеры и режиссеры, СМИ. После прочтения у всех есть возможность обсудить пьесу, узнать мнение и поделиться переживаниями, а также завязать новые знакомства и творческие связи.

Спектакль месяца — мероприятие для заинтересованного зрителя, в том числе для журналистов и театральных критиков. Суть состоит в том, что после спектакля любой желающий может остаться на творческую встречу и обсудить с режиссером-постановщиком и актерами постановку, а также поинтересоваться творчеством артистов в целом. В ходе обсуждения возможны викторины и акции, например, «Самый активный участник». Чтобы выделить данное мероприятие среди остальных, на билетах ставится определенная отметка, к программе приклеивается вкладыш.

Театр активно практикует **предпремьерный показ (генеральный прогон)** спектакля. Первыми зрителями новых спектаклей становятся друзья, знакомые, журналисты, которые помогают проанонсировать премьеру. В ходе предпросмотра зачастую возникают мини-пресс-конференции. На **предпремьерном показе** постановки «Последнее китайское предупреждение» была организована пресс-конференция, где встречали журналистов «в стиле» спектакля и угощали китайской едой, что привлекло внимание и надолго запомнилось.

День открытых дверей, **экскурсии по театру, знакомство с историей и творческой жизнью театра, викторины и акции, встречи с артистами**

и сотрудниками театра, в которых могут принять участие все желающие, — данные формы взаимодействия с аудиторией обычно вводятся отдельным элементом в основное специальное мероприятие.

Как правило, в театральной сфере **«круглый стол»** используется в рамках более масштабных мероприятий (симпозиумов, научно-практических семинаров, конгрессов, съездов, форумов) и организуется несколькими учреждениями культуры. «Круглый стол» — специально организуемое собрание журналистов с представителями конкретной структуры, а также сопутствующих структур, посвященное обмену мнениями по общей для всех приглашенных сторон проблеме, явлению, событию. Главная форма общения — многосторонний обмен мнениями, дискуссия по заявленной теме» [2, 116]. Например, в рамках Третьего Санкт-Петербургского культурного форума были организованы круглые столы по различным направлениям социально-культурной сферы. Круглые столы в театральной сфере направлены на обсуждение определенной проблемы или события, дают возможность участникам поделиться своим мнением по установленному вопросу, а также помогают понять точку зрения художественного руководителя, смысловую нагрузку того или иного спектакля.

Для проведения **интервью** лучше всего подходит в качестве информационного повода премьера и юбилей. «Интервью — форма диалогического общения конкретного журналиста персонально с одним из представителей конкретной структуры с целью получения мнений, суждений, оценок или информации» [2, 117]. В Молодежном театре на Фонтанке практикуется проведение интервью в рамках таких форм общения, как пресс-тур, предпросмотр.

В сфере культуры и искусства коммуникации имеют особое значение. По мнению профессора культурологии О. Е. Коханой, «искусство — это язык особого рода, рассчитанный на эмоционально-чувственное восприятие, на специфическую человеческую способность воспринимать объективный мир в форме художественных образов» [3, 56]. Таким образом,

искусство раскрывает в человеке различные грани его личности и выполняет эстетическую, познавательную, созидательную, духовную и коммуникативную функции. В частности, театр опирается на данные функции и способствует формированию гармоничной личности. При этом важным становится налаживание эффективных коммуникаций между театром и целевыми группами общественности, воспитание «своего зрителя», «своего критика», «своего пишущего журналиста» и повышение культуры общества в целом.

Можно сделать вывод о том, что с развитием современных технических возможностей, улучшением средств связи и способностью оперативного обмена информацией взаимодействие со средствами массовой информации стало эффективнее. Культура и искусство являются необъемлемой частью жизни, нуждаются в правильном понимании и продвижении. Формирование имиджа и репутации театра, расширение сотрудничества, благотворительность, проведение акций, рекламных и PR-кампаний обладают большей силой благодаря информационной поддержке средств массовой информации. При взаимодействии отдела продвижения театра со средствами массовой информации необходимо учитывать время, дату, масштаб мероприятия и форму подачу информации, которые играют немаловажную роль при отборе новостей в информационном потоке. Правильно поданная информация — залог успешного продвижения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт СПб ГБУК «Санкт-Петербургский молодежный театр на Фонтанке». — URL: <http://www.mtfontanka.spb.ru/o-teatre/istoriya>.
2. PR: современные технологии / под ред. Л. В. Володиной. — Санкт-Петербург, 2008.
3. Коханая О. Е. Детский и молодежный театр в системе социальных проблем воспитания детей и юношества / О. Е. Коханая. — Москва, 2008.
4. Тульчинский Г. Л. Менеджмент в сфере культуры / Г. Л. Тульчинский, Е. Л. Шекова. — Санкт-Петербург, 2009.

Московский государственный институт культуры
Етерскова А. В., аспирант, координатор социокультурного направления «ГАООРДИ», PR-менеджер СПб ГБУ «ЦТСП»,
PR-менеджер ЧУ «Мастер ОК»
E-mail: pr.nastasia@gmail.com

Moscow State Institute of Culture
Eterskova A. V., Postgraduate Student, the Coordinator of Social and Cultural Trends "GAOORDI", PR-manager of St. Petersburg GBU "TSTSR", PR-manager of the NC "Master OK"
E-mail: pr.nastasia@gmail.com

МЕДИААГРЕССИЯ В СОВРЕМЕННОМ РАДИОВЕЩАНИИ

Д. В. Зубко

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 14 октября 2017 г.

Аннотация: в статье исследуется агрессивный коммуникативный дискурс современного отечественного радиовещания. Отмечается провокативный характер ряда выпусков радиопередач «Полный Альбац», «2017», «Особое мнение» («Эхо Москвы»), «Полный контакт с Владимиром Соловьевым» («Вести FM»), «Лицом к событию» («Радио “Свободная Европа” / Радио “Свобода”»), «Пока все в офисе» («Фонтанка.Офис»), который проявляется в формулировании темы, агрессивном поведении участников радиокommunikации, способах общения ведущего с аудиторией.

Ключевые слова: радиовещание, дискуссионные программы, интолерантность, медиаагрессия.

Abstract: the article examines the aggressive communicative discourse of modern domestic radio broadcasting. It is noted the provocative nature of some of the episodes of the programs — “Full Albats”, “2017”, “Special opinion” (“Echo of Moscow”) “Full contact with Vladimir Solovyov” (News FM), “Face-to event” (“Radio Free Europe / Radio Liberty”), “While everyone in the office” (“Fontanka.Office”), which is manifested in the formulation of themes, the aggressive behavior of participants in communication, the communication of the presenter with the audience.

Keywords: broadcasting, discussion programs, intolerance, media aggression.

В условиях беспрецедентных социальных перемен радио остается одной из основных площадок ведения таргетированной полемики, нацеленной на поиск выхода российского общества из кризисной ситуации. На отечественном радио all-talk и talk/news-форматов возникают и набирают популярность у аудитории все новые и новые программы дискуссионного характера, в которых поднимаются и актуализируются сложные социально-политические проблемы. Порождаемая в реальной жизни проблема получает развитие в радиальной программе в форме дискуссии с вовлечением в нее широкого круга слушателей, принимает четкие очертания и затем вновь возвращается в социум, но уже в структурированном виде. Слушатель в итоге получает представление о путях разрешения общественно-го конфликта, соотносит их с экспертным мнением и взглядом автора передачи на обсуждаемый вопрос. Вместе с тем на практике современное разговорное радиовещание, не снижая градус общественного напряжения, демонстрирует стремление к обострению реальных конфликтных ситуаций в социуме, а не желание к их решению. Радио оказывается прежде всего площадкой для агрессивного идеологического и политического противостояния, где участники коммуникационного пространства демонстрируют аудитории модели политического поведения, чаще всего деструктивные [1] (оскорбление, физическое столкновение, призывы к насилию).

Толерантность предполагает настроенность на понимание и диалог с другим, признание и уважение

его права на отличие» [2, 103]. Исследователь Т. В. Романова преподносит эту мысль в расширенном виде, она убеждена: «Быть толерантным означает не только отказываться от предрассудков и ненависти, но нечто гораздо более сложное: отказаться от желания устранить, уничтожить “чужое мнение”, сохраняя при этом те представления, которые и породили это желание» [3].

Интолерантность, проявляемая в СМИ, способна трансформировать негативные эмоции аудитории во вполне реальную агрессию, направленную на «виновника» — «они». Интолерантное поведение индивидов напрямую соотносится с такими практически тождественными понятиями, как «речевая агрессия», «коммуникативная агрессия», «словесная агрессия», «языковая агрессия» «медиаагрессия» и «язык вражды». Так, исследования, выполненные под руководством И. Дзялошинского, показали, что в качестве «чужих» в российских СМИ маркируются следующие социальные группы: 1) представители власти; 2) представители различных народов и этносов; 3) богатые и олигархи; 4) мигранты и приезжие; 5) представители неправославных конфессий; 6) представители некоторых социальных групп (бомжи, алкоголики и др.); 7) молодежь и подростки; 8) Запад [4, 148].

Исследователь В. Сидоров определяет коммуникативные агрессии как «проявление социальных противоречий в медийной среде <...> ценностный конфликт в медиасфере по поводу символа веры, ведущий к политической и культурной поляризации общественного сознания и подпитывающий предрассудки социума по отношению к инаковости [5, 165]».

В высокой степени наличие медиаагрессии в радиозфире связано с чрезмерной его политизацией. Политический кризис на Украине, война в Сирии, взаимоотношения России с США и ЕС и т.д. — эти темы становятся предметом дискуссий не только в СМИ, они плавно перетекают в бытовой дискурс аудитории. Циклы радиопередач, имеющие общую направленность, т.е. те, в эфире которых обсуждаются главные, по мнению авторов, темы дня / недели / месяца / года в современном эфире ведущих радиостанций оказываются политически переориентированы.

Ситуация осложняется еще и тем, что сегодня многие авторы радиопрограмм действуют для достижения выгодного редакции результата дискуссии, в том числе и нечестными методами (к ним относятся: вольная трактовка мнений, игнорирование доводов оппонента, предвзятость по отношению к противнику, представление его в невыгодном свете, несоблюдение принципа равенства участников). Согласно критичному замечанию С. Ильченко, подобное поведение журналистов в эфире способствует только разобщению людей и обострению конфликтов: «самопозиционирование иных деятелей электронных СМИ как неких демиургов информации, апостолов свободы слова приводит отнюдь не к плюрализму разных точек зрения в обществе, а к очевидной дихотомической поляризации мнений, обострению разводящих затянутах в общественную дискуссию людей по разным углам политического ринга. Они вынуждены определять собственную гражданскую позицию по печально известной формуле: «Кто не с нами, тот против нас»» [6, 27].

Ведущий передачи является и ее автором. В его задачи входит не только ведение разговора, но и полная разработка сценария программы. В первую очередь это выбор значимой темы для беседы. Ее высокая общественная значимость, грамотная формулировка — важнейшие составляющие журналистского произведения, на практике реализующего основные задачи радиовещания и способствующего снижению градуса общественного недовольства, развенчанию стереотипов.

Анализ выпусков передач, размещенных на официальных сайтах радиостанций «Эхо Москвы», «Вести FM», («Радио “Свободная Европа” / Радио “Свобода”» за период с 01.09.2016 по 01.09.2017 показал: тематика программ, особенно политических, формулируется нарочито провокативно, а выпуски имеют яркие агрессивные или пугающие заголовки, исполненные в сенсационной манере, упор делается на эмоциональное восприятие слушателем поступающей информации («Между арестом и убийством: риски жить в России» («Полный Альбац» от 28.11.2016, радиостанция «Эхо Москвы»), «Охота на оппозицию: кому выгодна новая волна репрессий?» («2017» от 14.07.2017, радиостанция «Эхо Москвы»), «Цена либералов написана у них на лбу» («Полный

контакт с Владимиром Соловьевым» от 28.06.2017, радиостанция «Вести FM»), «Цена войны Путина — \$377 миллиардов. Андрей Илларионов о войне в Сирии, Украине, о Крыме и будущем Путина» («Лицом к событию» от 22.10.2017, «Радио “Свободная Европа” / Радио “Свобода”»), «Кто прервет правление Путина?» («Лицом к событию» от 08.08.2017, «Радио “Свободная Европа” / Радио “Свобода”»), «Карающий меч путинизма» («Лицом к событию» от 08.09.2017, «Радио “Свободная Европа” / Радио “Свобода”»), «Как нас готовят к восстановлению монархии в России» («Пока все в офисе» от 03.07.2017, радиостанция «Фонтанка.Офис»).

Авторы осмысленно и целенаправленно притягивают темы своих передач к действительным событиям и ситуациям, но обсуждают не их аспекты, а те проявления действительности, которые представляются им наиболее правильными с точки зрения формирования политического сознания граждан. Обсуждается не ситуация, а представления и настроения, формируемые ситуацией, то есть то, что требуется внедрить в сознание реципиентов.

Агитационные возможности радиовещания соединяются с техническими возможностями мультимедийных публикаций и оказывают совокупный мощный эффект на сознание и подсознание слушателя. Процесс мультимедиазации радио, его выход в сеть и адаптация к интернет-среде приводит к превращению средств мультимедиа в инструмент политической борьбы [7]. Ярko иллюстрируют этот процесс мультимедийные публикации радиостанции «Радио “Свободная Европа” / Радио “Свобода”». Передачу «Лицом к событию» от 08.08.2017 «Кто прервет правление Путина?» (ведущая Елена Рыковцева) на сайте радиостанции предваряет краткое описание обсуждаемых вопросов: «Сергей Удальцов вышел на свободу в день, когда срок правления Путина сравнялся со сроком правления Брежнева. Есть ли в этом некая символика? Когда прервется эра Путина? В гостях аналитик Фонда Карнеги Андрей Колесников и активист “Левого фронта” Алексей Сахнин». Помимо расшифровки передачи, включая и вопросы слушателей, заданные в эфире, качественной видеозаписи из студии радиостанции, фотоколлажа изображения В. Путина на рыбалке и Л. Брежнева на охоте с ружьем за общей подписью «Путин и Брежнев, любители природы», мультимедийная публикация содержит провокационный видеоопрос: «Вас беспокоит, что Путин у власти столько же лет, сколько Брежнев?»

Нельзя не отметить и тенденцию к превалированию в эфире эмоциональности, граничащей с эпатажностью. Под эпатажем, или эпатирующим поведением, традиционно понимается *«умышленно скандальная выходка или вызывающее, шокирующее поведение, противоречащее принятым в обществе правовым, нравственным, социальным и другим нормам, с целью привлечения внимания»* [8, 309]. Программы ведутся

в нарочито развязной манере, ведущими провоцируются и/или не пресекаются скандалы и интолерантные высказывания гостей в прямом эфире. Можно предположить, что это делается специально в рекламных целях, чтобы повысить рейтинг программы. В ряде случаев происходит выход конфликта за пределы словесного противоборства, как это произошло в апреле 2017 г. в эфире передачи «Особое мнение» на радиостанции «Эхо Москвы». Гость программы писатель М. Веллер негативно отреагировал на уточняющий комментарий ведущей О. Быковой, которая пыталась прервать его монолог и перевести разговор в нужное ей русло, обозвал, плеснул ей в лицо водой, бросил в стену микрофон и чашку и удалился из студии.

В последнее время исследователи массмедиа фиксируют устойчивость аудитории к агрессивным формам коммуникации. По мнению И. Блохина, «Воздействие агрессии усугубляет интенсивность ее демонстрации. Адресат вынужден привыкать к новому уровню болевого порога, утрачивая способность к сопереживанию и сочувствию» [9]. С одной стороны, «это создает новые проблемы для медиапроизводителей эмоций: аудитория привыкает и требует новых, более изощренных зрелищ. С другой стороны, реальная жизнь адресата при интенсификации медиаагрессии воспринимается как пресная, скучная и не такая страшная, что эффективно используется в качестве инструмента социального управления» [9].

Высокой степенью агрессивности, эпатажностью и неуважением к своим контрагентам характеризуется общение со слушателями журналиста В. Соловьева в передаче «Полный контакт с Владимиром Соловьевым» на радиостанции «Вести FM». Среди сообщений, поступающих на эфирный номер, встречаются явно провокационные по содержанию, ведущий программы поддается на провокацию и устраивает скандалы в прямом эфире. 27 апреля 2017 г. в эфир передачи «Полный контакт» прислал сообщение слушатель из Литвы: «Россия — слабая страна, так и будет слабой. И прав польский патриот, озвучивший, что вы — красные фашисты, Путина будут судить в международном суде». В. Соловьев зачитал сообщение слушателя, после чего на протяжении нескольких минут оскорблял его в прямом эфире («недобитая нацистская сволота», «гаденыш» и т.д.), имитировал прибалтийский акцент.

В передаче «Полный контакт с Владимиром Соловьевым» реализована возможность звонков ведущего авторам сообщений, чем он регулярно пользуется. В конце декабря 2016 г. В. Соловьев позвонил радиослушательнице, написавшей в сообщении, что

ее «тошнит от Соловьева», разговаривал с ней похамски, перебивал и унижал, вынудив слушательницу прервать телефонный разговор. Ситуация перехода на личности в общении с аудиторией недопустима для журналиста, она создает опасный прецедент и говорит о неуважении журналиста к аудитории, самоутверждении на ее фоне.

Ситуацию можно охарактеризовать как катастрофическую. Вместо решения общественных проблем, выработки новых ориентиров отечественные журналисты занимаются обострением существующих противоречий, сегментацией аудитории на своих и чужих. Радиопрограммы приобретают черты скандальных шоу. Целью авторских радиопрограмм становится возбуждение общественной истерии, навязывание слушателю агрессивной модели поведения, акцентирование внимания аудитории на псевдоважных аспектах жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Klyuev Yu. V. Tolerance of the political mass media discourse in social interaction / Yu. V. Klyuev // Международный научно-исследовательский журнал. — Екатеринбург, 2016. — № 11-1 (53). — С. 120-124.
2. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. / под ред. В. С. Стёпина. — Москва: Мысль, 2001.
3. Романова Т. В. Толерантность и политкорректность: аналитический обзор современного состояния проблемы (лингвистический аспект) / Т. В. Романова // Политическая лингвистика. — 2015. — № 2 (52) — С. 39-49.
4. Дзялошинский И. М. Ресурсы и технологии медиаагрессии / И. М. Дзялошинский // Век информации. — 2017. — Т. 1. — № 2. — С. 140-142.
5. Сидоров В. А. Коммуникативные агрессии современности: предтечи и состояние / В. А. Сидоров // Век информации. — 2017. — № 2. — С. 165-167.
6. Ильченко С. Н. Современные аудиовизуальные СМИ: новые жанры и формы вещания: учебн. пособие / С. Н. Ильченко. — Санкт-Петербург: СПбГУ, 2006. — 139 с.
7. Ключев Ю. В. Мультимедиа и радиовещание / Ю. В. Ключев // Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов: Мультимедийный потенциал журналистики. — Санкт-Петербург: С.-Петерб. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникации». — 2016. — № 1 (10). — С. 121-130.
8. Власов В. Г. Авангардизм. Модернизм. Постмодернизм: Терминологический словарь / В. Г. Власов, Н. Ю. Лукина. — Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2005. — 315 с.
9. Блохин И. Н. Темпоральные механизмы коммуникативной агрессии / И. Н. Блохин // Век информации. — 2017. — № 2. — С. 132-134.

Санкт-Петербургский государственный университет
Зубко Д. В., аспирант
E-mail: prostdasha@yandex.ru

Saint Petersburg State University
Zubko D. V., Postgraduate Student
E-mail: prostdasha@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ О ТУРИЗМЕ И ПУТЕШЕСТВИЯХ НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВЕКОВ

А. А. Кажикин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 октября 2017 г.

Аннотация: статья посвящена типологии российских специализированных периодических изданий о путешествиях и туризме на рубеже веков. Представлены этапы их развития, основные классификационные группы, выделяемые на основе различных признаков, описан вклад каждой из групп в развитие туризма как сектора отечественной экономики.

Ключевые слова: типология, классификация, туризм, специализированная печать.

Abstract: the article deals with the typology of Russian specialized periodicals about travel and tourism at the turn of XX—XXI centuries. It presents the stages of their development, major classification groups, selected on the basis of different characteristics, and the contribution of each group to the development of tourism as a sector of the economy.

Keywords: typology, classification, tourism, specialized periodicals.

Начиная с 90-х годов прошлого века и до настоящего времени в системе отечественных печатных СМИ заметное место занимают специализированные периодические издания, посвященные туризму и путешествиям. В постсоветский период с появлением в 1996 году Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» в стране начался процесс институционализации туризма как полноценной отрасли, работающей в новых условиях рыночной экономики. Начальный этап становления группы периодических изданий, посвященных данной тематике, который можно очертить временными рамками с начала 1990-х годов до 1998 года, сопровождался тяжелой экономической обстановкой в стране. Она сильно ограничивала возможности граждан РФ в части выездного и внутреннего туризма, а также поставила на грань выживания редакции печатных СМИ, которые с советских времен ориентировались на тематику путешествий. В частности, одно из старейших изданий этой группы — журнал «Вокруг света» — резко сократил свой тираж с 2,7 млн. экземпляров в 1985 году до 202 тысяч экземпляров в 1994 году.

Тем не менее уже в середине 90-х годов в стране начинается выпуск новых периодических изданий о путешествиях и туризме. В 1994 году появляется туристический журнал «Вояж», издатель которого — коммерческая компания ООО «Вояж медиа» — позиционирует новый проект в качестве всеобъемлющего источника информации по вопросам, связанным с миром путешествий, и затрагивающего, кроме туристических направлений, темы гастрономии и виноделия, моды, здоровья и психологии, истории. В этом

же году начинает выходить в свет журнал «Спортивный туризм». В 1995 году начинают издаваться журналы «Волшебное путешествие» и «Лазурный берег», «Туризм и отдых», в 1996 году — «Вертикальный мир», посвященный экстремальным видам спорта и туризма. Эти и другие печатные СМИ дополнили сегмент журналов («Вокруг света», «Турист» и др.), которые выходили с советских и даже дореволюционных времен, и заложили основы для коммерческого подхода к туристической отрасли, когда тематика путешествий из раздела для романтиков и открывателей неизвестного стала превращаться в направление бизнеса.

Второй этап, начало которого следует обозначить 1998 годом, ознаменовался не только очередным экономическим кризисом, но и окончательным утверждением принципа коммерциализации в нише периодических изданий о путешествиях. Подтверждением тому можно считать начало выпуска журнала «Турбизнес», который фактически занял нишу B2B-изданий и был ориентирован на профессионалов и специалистов туристического бизнеса как целевую аудиторию. Создание журнала послужило основой для формирования целой группы дочерних проектов, также ориентированных на сегмент B2B в области туризма и туристических услуг.

В начале 2000-х годов развитию туризма в России способствовали различные факторы: повышение благосостояния граждан с одновременным ростом выездного и внутреннего туризма, рост инвестиций, организация ряда крупнейших международных спортивных мероприятий на территории страны, совершенствование нормативно-правовой базы, введение федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по соответствующим

щему профилю подготовки и др. В совокупности они отразились на рынке специализированных СМИ, обслуживающих информационные потребности различных целевых аудиторных групп, вовлеченных тем или иным образом в туристическую деятельность. Важно отметить, что в этот период свое место в системе занимают и мелкие печатные СМИ, выпускаемые энтузиастами, и региональные проекты, рассказывающие о внутреннем туризме в отдельных регионах страны, и научно-методическая периодика для специалистов отрасли. В частности, в 1999 году начинаются издаваться журнал «ЭКС» об экстремальных видах туризма, научно-методический журнал «Курорты. Сервис. Туризм», с 2001 года — «Туризм: право и экономика» о правовых аспектах деятельности туристической отрасли, с 2002 года — журнал «Курорты и туризм Южного федерального округа», предназначенный для информационного сопровождения федеральной целевой программы «Юг России», журнал «Отдых, развлечения, туризм в Чувашии», с 2003 года — журнал о внутреннем и въездном туризме «Отдых в России», журнал о региональном туризме «Туризм в Сибири», с 2004 года — журнал «Нижегородские курорты, туризм и отдых» и др.

Характеризуя этот этап развития, С. Ю. Лучинская отмечает: «Стала активно издаваться аналогичная периодика, но появление большого количества мелких игроков, к каковым можно отнести появление множества «журналов-гидов», «бортовых журналов», журналов для любителей активного туризма и прочих, составляющих в совокупности общее поле журналов-травелогов и формирующих «коммуникативную зависимость» аудитории, привело к тому, что читательский рынок практически был готов к захвату крупными периодическими изданиями» [1, 86]. Большую роль в этом сыграли зарубежные издательские дома. В 1998 году на российском рынке начинает выходить первый известный зарубежный научно-популярный журнал о Земле и удивительных местах нашей планеты — журнал GEO. В 2003 году на русском языке начинает издаваться «National Geographic. Россия», в 2005 году — National Geographic Traveler, в 2011 году — Conde Nast Traveller. Таким образом, на российском рынке печатных СМИ на рубеже веков появились крупнейшие зарубежные журналы, отражающие тематику путешествий на своих страницах. Они способствовали повышению качества содержания и конкуренции на рынке печатных СМИ схожей тематики.

Начало третьего этапа можно обозначать рамками 2008 года, когда по причине начавшегося экономического кризиса стали закрываться многие печатные СМИ о туризме: «Отчетливой тенденцией после финансового кризиса 2008 г. стало постепенное сокращение количества журналов о путешествиях. Отток рекламы негативно повлиял на экономическую базу туристических изданий, обострил конкуренцию

за аудиторию, особенно среди тех, кто принадлежал к одной информационной нише» [2, 165]. В 2009 году прекратил выход журнал «Вояж и отдых», с начала 2013 года — журнал «Туризм и отдых», в конце 2014 года — журнал «Афиша. Мир». Ухудшение экономических условий для ведения издательского бизнеса привело к тому, что многие владельцы СМИ стали в большей мере ориентироваться на Интернет, чем печатные версии. Стагнация рынка способствовало и усилению напряженности в межгосударственных отношениях России с рядом стран после государственного переворота на Украине.

Четвертый этап развития группы изданий о туризме и путешествиях наступил в 2016 году и длится до настоящего времени. В начале 2016 года вступили в силу законодательные нормы, ограничивающие доли иностранных акционеров в уставном капитале российских СМИ на уровне 20%. В соответствии с ужесточением требований к зарубежным владельцам СМИ многие иностранные издательские дома стали пересматривать свои планы в России. В результате журнал GEO с дочерним проектом «GEOленок» был практически закрыт в конце 2015 года — редакционные коллективы в декабрьских выпусках опубликовали прощальные редакционные статьи. Лишь в самый последний момент был найден российский издатель, который продолжил выпуск этих журналов. Наряду с ужесточением законодательных норм ухудшение экономической обстановки на рынке СМИ также способствовало пересмотру планов ряда издательских домов. В частности, компания «Conde Nast Россия» с 1 января 2017 года закрыла печатную версию и сайт журнала Conde Nast Traveller, работавших в премиум-сегменте журналов о путешествиях.

Примеры усиления влияния государства в группе изданий о путешествиях и туризме можно проследить не только с вступлением в силу законодательных поправок, ограничивающих участие зарубежного капитала, но и раньше. Еще в 2012 году старейший российский журнал о путешествиях «Вокруг света» становится официальным изданием Русского географического общества. До этого — в 2009 году — президентом РГО становится министр РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (ныне — министр обороны РФ) С. К. Шойгу, а главой попечительского совета организации — председатель правительства РФ В. В. Путин.

Сегодня журнал «Вокруг света» имеет возможность участвовать в экспедициях и других масштабных проектах РГО, что положительным образом сказывается на содержательном богатстве издания. В то же время журнал «Вокруг света» вынужден включиться в «диалог смыслов» со своими конкурентами — «National Geographic. Россия» и GEO. В этом диалоге российского, американского и европейского

взглядов на проблемы экологии, выживания малочисленных коренных народов, промышленного освоения Арктики и других вопросов главная конкурентная борьба должна разворачиваться не только за количество читателей или ежегодную прибыль, но и за расстановку верных акцентов в сознании аудитории. География, бытописание жизни народов, рассказы путешественников уже давно стали инструментом геополитической борьбы между государствами, и в этой борьбе свое место отводится популярным печатным СМИ о путешествиях.

Эволюция периодических изданий о туризме и путешествиях на рубеже XX—XXI веков являет собой пример адаптации СМИ к меняющимся общественным, социально-политическим и культурным условиям. Сегодня эта группа изданий отражает не только состояние экономики страны, но и социальные, политические процессы. Желание использовать

туризм как инструмент «мягкой силы» в геополитической борьбе давно привлекает политиков и общественных деятелей. Это характерно не только для России, но и для всего мира. В то же время именно периодические издания о туризме и путешествиях могут стать эффективной площадкой для цивилизованного диалога культур и наций не только о настоящем, но и будущем нашей планеты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лучинская С. Ю. Журналы-травелог на российском медийном рынке / С. Ю. Лучинская // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — № 3. — Майкоп, 2008. — С. 85-87.
2. Ростовская Ю. В. Современный журнал о путешествиях в условиях трансформации медиасистемы / Ю. В. Ростовская // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — № 1. — Тольятти, 2016. — С. 165-173.

*Воронежский государственный университет
Кажикин А. А., кандидат филологических наук, доцент
кафедры рекламы и дизайна
E-mail: kazhikin2008@yandex.ru*

*Voronezh State University
Kazhikin A. A., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Advertisement and Design Department
E-mail: kazhikin2008@yandex.ru*

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ВЕЩАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕХОДА РОССИИ НА «ЦИФРУ»

Р. Ю. Каратаев

Академия медиаиндустрии

Поступила в редакцию 5 октября 2017 г.

Аннотация: в статье рассматривается, как трансформация меняет всю структуру рынка телевидения; определяются новые способы функционирования региональных телерадиокомпаний; анализируется, как при этом меняется характер сбора, распространения, потребления и обмена информацией.

Ключевые слова: цифровизация, региональное телевидение, мультиплатформенное вещание, контент, мультиплекс.

Abstract: the article describes how the transformation changes the entire structure of the market of television broadcasting, identifying new ways of functioning of regional TV and radio companies, as this changes the nature of the collection, distribution, consumption and exchange of information.

Keywords: digitalization, regional TV, multiplatform broadcasting, the content multiplex.

Вопрос полного отключения аналогового телевидения в России будет рассматриваться в 2018 г. По мнению заместителя министра связи и массовых коммуникаций РФ А. К. Волина, в настоящее время нет экономических возможностей для запуска третьего мультиплекса, поскольку в стране нет региональных компаний, способных выделять 12 млрд. рублей в год только на передачу цифрового эфирного сигнала [1]. «Что делать региональным компаниям? Уходить в кабель, мобильные приложения, OTT, Интернет. И здесь для них важной темой становятся измерения: если региональные ТВ-каналы не смогут продать рекламодателю эту аудиторию, то смысла в техническом прогрессе для них нет. И большим каналам это тоже потребуется. IPTV и OTT через пару лет будет смотреть более 10% пользователей. Причем это будут самые продвинутые и “вкусные” для рекламодателя зрители» [1]. Говорить о полном отказе от аналогового вещания пока рано, подтвердил министр связи и массовых коммуникаций РФ Н. А. Никифоров. По его словам, в 2018 г. нужно планировать не полный отказ от «аналога», а лишь новый виток обсуждения данного вопроса [2].

Сущность телевидения составляют два компонента: творчество и техника. Поэтому, не рассмотрев ТВ в рамках технологической трансформации, не усвоив нового технического инструментария, нельзя представить себе истинные возможности телевидения, спрогнозировать его будущее. Можно предположить, что по мере освоения цифровых технологий, типологические модели телепрограмм будут определяться субъективными факторами, ценностными ориентациями, вкусами, информационно-культурной

активностью аудитории: ведь цифровые технологии предоставляют возможность зрителю не только выбирать и потреблять контент, но и создавать «собственную телепрограмму» в зависимости от ценностных ориентаций, информационных и культурных предпочтений.

Уровень жизни населения различен в разных регионах РФ, что сказывается, в частности, на цифровом неравенстве. Возникает серьезный цифровой разрыв в обществе, так называемый digital divide (цифровой барьер, ограничение возможностей социальной группы из-за отсутствия у нее доступа к современным средствам коммуникации). «Если аналоговые СМИ, прежде всего традиционное ТВ, способствовали развитию пассивного потребителя и, как следствие, предсказуемого потребительского и электорального поведения, то “цифра” в СМИ, безусловно, способствует формированию различных форм активности аудитории. И хотя еще непонятно, в каких направлениях — гражданская активность, творческая самореализация или рекреация — будет действовать эта активная аудитория, поколенческий и культурный разрыв очевиден» [3, 112].

В. Лившиц считает, что региональному ТВ не стоит бояться вызовов цифровизации: «...за пределами мультиплексов тоже есть жизнь. Так что ничего с ними не будет. Они будут распространяться с таким же успехом, как и распространяются сейчас, то есть будут распространяться посредством спутников, посредством кабельных сетей, в интернет-среде. Они пойдут по внеэфирному пути и не только... и это будет новая история вещания в России» [4].

Исследователи предлагают разные стратегии «выживания» и развития местного ТВ — от эфирного вещания до использования глобальной сети.

На основе анализа программного продукта авторы приходят к выводу, что для того, чтобы выдержать конкуренцию и остаться на медиарынке, в структуре вещания региональных телекомпаний должен доминировать информационный контент. Нельзя не согласиться с авторами и в том, что «самый ценный для региональной аудитории и коммерчески привлекательный для местных телеканалов продукт — новости и другие информационные программы. Как поставщик информации, региональные независимые полноэкранные каналы вполне способны конкурировать с сетевыми партнерами и федеральными каналами. Рейтинги и доли новостных программ региональных полноэкранных каналов примерно такие же (а иногда и выше), что и у новостей федеральных или сетевых конкурентов, и, как правило, существенно выше медиаметрических показателей всего канала в целом» [5, 109].

Другая область медиаисследований, представляющая интерес для региональных компаний, акцентирует внимание на социальных функциях медиа, в частности на возможностях служить площадкой для обсуждения насущных социальных, политических, экономических проблем. Для решения этих задач может оказаться полезной концепция Ю. Хабермаса [6]. В рамках рассматриваемой концепции сформировались две основные теоретические модели СМИ: модель доминирования и так называемая плюралистическая модель, предложенные известным британским исследователем коммуникации Д. МакКуэйлом [7]. Широко распространена идея М. Маклюэна о постоянных трансформациях сферы медиа. Согласно его концепции «личностные и социальные последствия использования любого медиасредства, то есть любого расширения нас самих, являются результатом применения новой системы исчисления, которая вводится в нашу жизнь путем развития нашей личности или любой новой технологии» [8, 27].

С появлением глобальной сети, компьютеризацией сбора, подготовки и распространения информации, переходом на цифровые форматы сформировались информационно-коммуникативные медиасистемы национального и транснационального уровней. Стало быть, теоретическое осмысление и методологические обоснования исследования новых медиасистем должны быть иными. Телевидение смотрит уже другая аудитория, познавшая виртуальный и визуализированный мир. Медиатизация пронизала все сферы бытия, модели поведения, способы принятия решений, все стороны повседневности. Несмотря на частое употребление данного термина на уровне обыденного сознания, медиатизация — понятие многозначное. Например, в современной культурологии медиатизация трактуется как некое эпохальное, поколенческое и социокультурное опосредование, а не только как процесс аккумуляции по-

средством массмедиа информационного, политического и символического капитала [9, 31].

Для построения теоретической модели региональных телепрограмм необходимо учитывать не только собственно медийные факторы, но и структуру потребностей аудитории и коммуникативных сообществ, социокультурную среду, степень информационной насыщенности другими каналами информационно-коммуникативной медиасистемы и журналистики. «Если раньше исследовательская парадигма СМИ оперировала категориями массового сознания, то теперь целесообразным представляется ставить вопрос о применении методов и методологий, основанных на анализе интерперсональных (межличностных) коммуникаций, на психологических особенностях индивидуализированных форм восприятия, потребления и производства информации» [10, 15].

В настоящее время на российском телевидении принята классификация по видам вещания: информационное, общественно-политическое, развлекательное, научно-популярное, спортивное, учебное, художественное, детское. В свою очередь, производство телевизионных проектов предполагает работу по трем основным направлениям: телепрограммы, телесериалы и телефильмы. Но эти подразделения морально устарели (например, в какую категорию отнести военные и религиозные программы, документалы и пр.) и не дают представления о жанровой структуре контента.

Итак, если принять во внимание, что телевизионный проект — это сложносоставная конструкция, включающая в себя элементы разных жанров журналистики, их синтез, совокупность, взаимопроникновение, ставших единой филологической составляющей, то можно предположить, что процесс цифровизации формирует новые телевизионные форматы. Улучшение качества изображения, появление новых возможностей монтажа изображения и звука, повышение оперативности, появление реальной интерактивности, удобство хранения видеоматериалов, низкая себестоимость производства, развитие многоканальности — эти преимущества цифровизации диктуют появление новых жанров/форматов.

Переход телевидения на цифровые технологии связан с появлением у телевидения двух дополнительных опций: нелинейности и многоэкранности. Прежде всего, это связано с тем, что цифровой контент позволяет осуществлять его распространение в различных формах и средах, вне зависимости от технологических платформ. Если ранее телесмотрение было пассивно, то сегодня оно становится интерактивным: каждый телезритель самостоятельно выбирает время и место доступа к телеконтенту (выбор канала, отложенный просмотр, отключение рекламы и пр.). Кроме того, сам производитель контента приобретает мультимедийные навыки — теперь он может производить материалы для любого

вещателя. В современных условиях это особенно важно для региональных телеканалов. «Сейчас библиотека “Формат ТВ” составляет порядка полутора тысяч часов, и в том или ином виде мы предлагаем этот контент разным региональным компаниям. Мы отдаем наш час за небольшие деньги, и местные журналисты дополняют его врезками на актуальные для них темы или включают фигуру модератора (популярного телеведущего или персону). После такой адаптации контент пользуется большим успехом в конкретном регионе» [10].

Одно из самых очевидных достижений «цифры» — это высокоскоростная инфраструктура передачи данных с сохранением качества сигнала. Приведем пример. Во время трансляции прямого эфира церемонии открытия Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. произошел казус: во время представления на стадионе «Фишт» произошел технический сбой, в результате которого при превращении снежинок в олимпийские кольца одна из них вовремя не раскрылась. Но миллионы телезрителей по всему миру этого не заметили. На экранах их телевизоров церемония шла без сбоя. Почему в эфире этого никто не заметил? Дело в том, что открытие Олимпиады транслировалось не в прямом эфире, а в записи, с задержкой от реального времени на 90 секунд. Менее 10 секунд хватило студийному редактору выпуска, чтобы уйти на резервную версию и показать съемки генеральной репетиции этой торжественной церемонии, а потом вновь вернуться в прямой эфир. Такое оказалось возможно исключительно благодаря цифровым технологиям, еще десять лет назад недоступным для прямых трансляций российским телевизионным каналам.

Один из примеров нового формата, который появился в эфире в последние год-два, — программа «Мобильный репортер» на телеканале «Россия 24» (аналог выходит на канале LIFE NEWS — программа «Лайфкорр»). «Предтечей» данного жанра можно считать программу «Сам себе режиссер», выходившую на нескольких телеканалах. Но «Мобильный репортер» — новостной проект, в котором пользователи Интернета принимают непосредственное участие в создании выпусков. Автором сюжета и/или видео может стать каждый, сняв на мобильный телефон или другой гаджет интересное и/или необычное событие. Но это только часть проекта, о которой знает зритель. На первый взгляд может показаться, что большинство видео сняты случайными свидетелями. Это отчасти так, однако, если отследить несколько программ подряд, то можно заметить, что корреспонденты программы часто оказываются в центре событий не только первыми, но и единственными, к тому же качество видео и монтажа сделаны подзрительно профессионально. На самом деле у этого формата существует своя профессиональная команда, которая реализует данный проект. Интерактивная

журналистика становится процессом вовлечения в производство массовой информационной продукции самого зрителя. В ходе коммуникации происходит не просто творчество как деятельность одного субъекта, этот процесс сам становится новым телевизионным форматом. В зависимости от того, какими творческими инструментами он решен, на решение каких задач направлен, он в большей или меньшей степени отражается в тексте, определяя его жанровую форму. В настоящий момент формат «мобильного корреспондента» настолько популярен, что свои программы «Мобильного репортера» уже выпускают региональные филиалы ВГТРК во Владивостоке, Казани, Нижнем Новгороде, Липецке, а также в Кузбассе.

Один из новых форматов, который активно осваивают в последнее время региональные телекомпании, — это съемки и прямые включения с радиоуправляемых дронов — коптеров (небольших вертолетов с дистанционным управлением). Использование беспилотных летательных аппаратов дает индустрии большое количество вариантов применения — это и возможность показать объект с высокой степенью детализации, и фактическая его доступность.

Эффектная визуализация данных — один из приоритетов любого телеканала, стремящегося всеми способами заставить зрителя оставаться как можно дольше на его «кнопке». Десятки разнообразных сервисов охотно включаются в эту игру — от геолокации и трафика до генетических атласов городов, показывающих популяционные изменения на протяжении истории человечества. Приведем лишь несколько примеров, которые используются в привычном для нас «Прогнозе погоды», правда, пока только на американских телеканалах:

1. Mars Curiosity Rover Tracker — видеорекурс; представляет собой хронологию перемещений по Марсу марсохода Curiosity. Каждая локация марсохода сопровождается кратким описанием и фотографиями, которые марсоход отправляет на Землю.

2. Access to Jobs — интерактивная карта, по которой вы сможете посмотреть, сколько подходящих для вас вакансий существует в Нью-Йорке, выберете подходящий вам вид транспорта, индустрию, в которой вы хотите работать.

3. Gunshots Near DC Schools — система распознавания выстрелов; показывает на карте, на каком расстоянии от школ в Вашингтоне и в какое время были совершены выстрелы из огнестрельного оружия. Похожие технологии уже используются и в эфире российских телекомпаний. Например, в режиме реального времени на портале канала «360» можно отслеживать загрузку столичных автомагистралей, а также онлайн-режим полета пассажирских авиалайнеров.

Конвергентная редакция — перспективная форма, новая модель деятельности журналистского кол-

лектива. Она позволяет сделать работу журналиста более организованной и продуктивной, формирует новую бизнес-модель, поиск которой на медиарынке интенсивно велся на протяжении последних лет. В настоящее время на рынке уже востребованы универсальные специалисты, способные работать в конвергентной редакции, понимающие природу разных медиаформатов.

Тенденция интерактивности соседствует с появлением новых элементов в онлайн-вещании. Например, блоги сегодня становятся альтернативой ТВ, зачастую сообщая информацию, которую трудно найти в традиционных СМИ. Кроме того, блог позволяет сочетать различные среды: видео, аудио, визуальную и текстовую.

Цифровизация телевидения ведет к возрастанию потребности в оригинальном контенте и особом программировании: бурное развитие кабельного и спутникового ТВ требует своего контента, IPTV — своего, мобильного — тоже своего. Если раньше телеканалы готовили материал для эфира — основной своей платформы, а затем размещали его в мобильное устройство в виде ссылки или в том же виде, в котором он вышел изначально, то сейчас «мобильные редакторы» создают контент специально для гаджетов, в их обязанности входит обработка подобных видеозаписей так, чтобы они подходили для мобильных устройств. Понимая, что аудитория, использующая мобильные устройства, гораздо моложе той, что привыкла к традиционным формам СМИ, телекомпании постоянно улучшают свой «второй экран», а мобильные редакторы следят, чтобы текст было удобно читать на смартфонах.

Сегодня люди хотят видеть конкретные форматы, информацию или жанр — кино, спорт, искусство, кулинарию... Развитие получают в основном нишевые каналы, рассчитанные на узкую аудиторию.

Если сегодня в целом анализировать местное телевидение, то нужно отметить, что спектр тематических направлений сужается до информационно-развлекательного. В регионах постепенно исчезают аналитические программы. С экранов уходит публицистика, культурно-просветительские и образовательные программы. Детские программы заменяются на сериальные мультфильмы. Спортивное ТВ представляет собой в лучшем случае трансляции футбольных и хоккейных матчей. Есть вещатели, которые кроме рекламы ничего своего в ретранслируемые программы не вставляют. В местном эфире наблюдается преобладание информационных жанров. Особенно отчетливо это прослеживается в региональном вещании филиалов ВГТРК, которые жестко формируют свою сетку по образу и подобию московской редакции.

Если говорить о будущем, то в регионах должны задуматься над тем, каким образом им «раздавать» сигнал своим зрителям: предпочесть «кабель», вести

вещание в Интернете или совсем уходить из эфира. Все зависит от плотности расселения людей в домохозяйствах и их потребностей в телесмотрении. Если семьи будут получать на домашнюю или коллективную антенну 20 цифровых каналов, да еще в стандарте HDTV, отпадет необходимость в спутниковом и кабельном ТВ. Переход в неэфирные среды означает переход на платное ТВ, где уже заняли ниши конвергентные СМИ, мультимедиа со всеми приложениями и активным поведением абонента-коммуникатора.

Бесспорно, для такой многонациональной и мультикультурной страны с самой большой территорией особенно важно сохранить региональное телевидение. Ведь местное вещание остается самым важным, а иногда и единственным источником информации в отдаленных районах России. Значение регионального ТВ велико. Русская культура всегда объединяла разные народы, жившие на одной территории. Только местное телевидение способно уделять внимание региональной специфике и своим локальным проблемам. Поэтому руководителям региональных телеканалов очень важно четко понимать задачи на ближайшее время, а также пути дальнейшего развития.

Не менее важной задачей становится сохранение у региональных ТК самостоятельного программирования и объемов собственного производства. Многочисленные примеры показывают, что можно выжить без синдикации и сетевого партнерства. В регионах производится множество профессиональных качественных программ, которые не имеют шансов получить федеральный эфир, но могут составить конкуренцию на региональном рынке. Кроме того, применение цифрового оборудования для телепроизводства и доставки сигнала изменяет экономику телевидения, уменьшая затраты на создание контента. Это расширяет творческие возможности региональных телекомпаний, способствует международному обмену и/или коммерческой реализации программ.

Сегодня трудно говорить о перспективах дальнейшего развития регионального телевидения, и этому есть несколько причин. Во-первых, до настоящего момента в РФ нет закона о телерадиовещании. Как следствие — отсутствие каких-либо гарантий при разработке долгосрочной стратегии. К тому же государство часто, быстро и почти непредсказуемо меняет «правила игры», поскольку изменения происходят не изнутри, а под влиянием централизованных решений. Во-вторых, существенным фактором, затормаживающим развитие региональных ТК, является неопределенность со сроками и порядком запуска третьего мультиплекса. В-третьих, нельзя не учитывать сложность периода параллельного вещания в аналоговом формате и цифровом, ведь и сетям, и их региональным партнерам придется платить за вещание вдвое больше.

Несмотря на то, что официальных подтверждений отказам федеральных сетей от сотрудничества с региональными телекомпаниями пока мало, уже сейчас понятно, что местным вещателям необходимо задуматься о новых источниках контента. Очевидно, что сетевое партнерство свернется, если не добровольно, то законодательно. Поэтому уже сейчас региональным вещателям необходимо начать искать новые формы производства и/или приобретения контента. И здесь у каналов есть несколько вариантов: либо увеличивать объемы собственного производства, что дорого и далеко не каждый вещатель может себе это позволить, либо закупать контент напрямую у правообладателей, что также не всегда реализуемо, или же пользоваться услугами контент-агрегаторов.

Безусловно, стратегии выживания и развития региональных телевещателей претерпят изменения в связи с переходом на цифровое вещание. Очевидным фактом для большинства как крупных, так и мелких региональных каналов становится приоритетной стратегия мультиплатформенной доставки сигнала: эфир, Интернет, мобильные устройства. Мультиплатформенное / гибридное вещание в ближайшие годы будет иметь ключевое значение для региональных компаний, которые де-факто останутся на медиарынке. В качестве автономных стратегий можно отметить высокую вероятность реализации стратегий перехода на кабельное или интернет-вещание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волин А. К. Цифровое вещание и новые способы доставки видеоконтента. Интерактивные услуги в современ-

ных сетях / А. К. Волин // Доклад на VI Международной конференции «Digital & Connected TV Russia 2015». — URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/34182/> (дата обращения: 22.10.2015).

2. Миллер К. «Цифре» — быть, аналога не миновать / К. Миллер. — URL: <http://tvkinoradio.ru/article/article7320-cifre-bit-analoga-ne-minovat> (дата обращения: 13.05.16).

3. Вартанова Е. Л. Изучать историю, чтобы понять будущее: традиции в подходах к изучению ТВ / Е. Л. Вартанова // История отечественного телевидения: Взгляд исследователей и практиков. — Москва: Аспект Пресс, 2012. — С. 98-104.

4. Лившиц В. Г. О моделях региональных телеканалов / В. Г. Лившиц // НАТ представляет. Цифровое ТВ и региональное вещание. — Москва, 2010.

5. Вырковский А. В. Региональное телевидение России на пороге цифровой эпохи / А. В. Вырковский, М. И. Макеенко. — Москва, 2014.

6. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас — Санкт-Петербург, 2000.

7. МакКуэйл Д. Журналистика и общество / Д. МакКуэйл. — Москва, 2013.

8. Маклюэн М. Законы медиа / М. Маклюэн // История философии. — 2001. — № 8.

9. Дугин Е. Я. Социально-психологические аспекты исследования современных информационно-коммуникативных процессов / Е. Я. Дугин // Журналист. Социальные коммуникации. — 2016. — № 3-4. — С. 17-29.

10. Барковская О. В. Документальное кино может быть очень и очень рейтинговым / О. В. Барковская // Телеконтент в цифровом формате. Новое — уже не забытое старое! — URL: <http://tvkinoradio.ru/article/article4956-telekontent-segodnya-trendi-primeri-principi-sozdaniya> (дата обращения: 25.10.15).

Академия медиаиндустрии

Каратаев Р. Ю., заместитель начальника службы экономики телеканала «РОССИЯ 24», аспирант кафедры журналистики

E-mail: rkarataev@vgtrk.com

Academy of Media Industry

Karataev R. Y., the Deputy Chief of Service of Economics of the TV channel «RUSSIA 24», Postgraduate Student of the Department of Journalism

E-mail: rkarataev@vgtrk.com

ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕДИАСИСТЕМ

Е. В. Красовская

Институт журналистики Белорусского государственного университета

Поступила в редакцию 4 июля 2017 г.

Аннотация: статья посвящена актуальной для Белоруссии проблеме трансформации региональных медиасистем.

Ключевые слова: региональная медиасистема, Белоруссия, региональная пресса, областная газета

Abstract: the article is devoted to the topical problem of the transformation of regional media systems in Belarus.

Keywords: regional media system, Belarus, regional press, province newspaper

В науке о журналистике существуют различные подходы к определению понятия «медиасистема». При первом подходе медиасистема трактуется как социальный институт, при втором — как система предприятий медиарынка, при третьем — как медиаполитическая система. Во многих исследованиях медиасистема рассматривается как экономическая или социальная система. С точки зрения тех процессов, которые наблюдаются в белорусской медиапрактике, наиболее продуктивным представляется подход Е. Вартаковой, которая понимает медиасистему как трехгранную категорию. Применяя комплексный подход, исследователь определяет медиасистему как сложную многоуровневую и многовекторную среду, образованную медиаинститутами в их взаимодействии между собой и во взаимодействии с обществом, другими его институтами, а также индивидуумами/гражданами (аудиторией); взаимосвязанной и конкурентной системой предприятий медиарынка, включающего в себя как отдельные типологические сегменты традиционных и новых медиа — прессу, телерадиовещание, онлайн-СМИ, так и инфраструктурные предприятия, т.е. производящие компании; определенными профессиональными сообществами и видами деятельности по созданию, производству и распространению медиапродуктов и медиауслуг [1, с. 14—15].

В Белоруссии медиасистемы регионов развиваются по-разному. При этом вектор их трансформации определяют областные газеты: в каждой из шести областей страны существует своя газета, задающая тон развитию всей региональной медиасистемы, что обусловлено высоким уровнем доверия населения к региональным печатным изданиям. По результатам социологических исследований региональные газеты занимают второе место по популярности после телевидения и опережают республиканскую

и российскую прессу [2, с. 14]. Нередко информация, опубликованная на страницах областных газет или на их сайтах, становится основой для сюжетов региональных телеканалов и районных телестудий. Но чаще всего при поиске тем для публикаций к областным изданиям обращаются журналисты районных газет. Исследователь В. Антонова утверждает, что подобная закономерность прослеживается и в российских СМИ, когда более крупные издания задают нужный информационный импульс менее масштабным по территории распространения [3, с. 30]. Таким образом, белорусские областные газеты являются для СМИ своих регионов своеобразным эталоном, на который ориентируются коллективы редакций как в вопросах информационной политики, так и в сфере внедрения управленческих и коммерческих инноваций. Отчетливее всего это прослеживается на примере государственных печатных изданий.

На 1 января 2017 г. в Белоруссии зарегистрировано 1601 печатное средство массовой информации (729 газет, 829 журналов, 32 бюллетеня, 9 каталогов, 2 альманаха), из них государственной формы собственности — 440 (220 газет, 208 журналов, 12 бюллетеней) [4, с. 4]. Учредителями 136 газет выступают областные, городские и районные исполнительные комитеты. Всего в стране районных газет — 119, городских — 9, областных — 8 [4, с. 22].

В белорусской медиапрактике можно выделить три вектора, в соответствии с которыми происходит развитие региональных медиасистем:

1) развитие сайта региональной газеты и превращение его в полноценный региональный медиапортал. Наиболее яркий пример — портал областной газеты «Гомельская праўда» — «Правда Гомель» (www.gp.by). Его просматривают около 7000 посетителей в день, а в месяц — более 120000 (при среднесуточной посещаемости сайтов белорусских региональных газет от 100 до 1500 посетителей, среднемесячной — от 3000 до 20000) [4, с. 28].

2) создание укрупненных информационных структур на базе убыточных региональных газет. Так, в 2013 г. в Витебской области две областные газеты «Віцебскі рабочы» и «Народнае слова» объединили в одну — «Витебские вести», также создан сайт нового издания www.vitvesti.by, посещаемость которого постоянно растёт, в том числе благодаря наличию аккаунта в социальных сетях. В этом же году в Могилёвской области на базе трёх областных газет «Могилевская правда», «Днепровская неделя» и «Могилевские ведомости» создали информационное агентство «Могилевские ведомости», которое выпускает новостную ленту, формирует контент сайта www.mogilevnews.by, издаёт газеты и выпускает печатную продукцию. С целью популяризации изданий проведена процедура сегментации читательской аудитории с последующей дифференциацией и специализацией по тематике. Теперь газета «Могилевская правда» ориентирована на старшее поколение читателей и представителей областной и городской вертикали власти, газета «Днепровская неделя» позиционируется как массовая, рассчитанная на молодежь, женщин и мужчин, занятых предпринимательством, а газета «Могилевские ведомости» является общественно-политическим изданием. Уже через год после преобразований обе региональные укрупненные информационные структуры работали с прибылью [5, с. 244]. Успешный опыт функционирования таких структур перенимается другими редакциями: в 2017 г. в Брестской области областная газета «Народная трибуна» вошла в состав областной газеты «Заря» (теперь «Народная трибуна» выходит в качестве белорусскоязычного вкладыша).

3) создание медиакластера (при этом под кластеризацией понимается «создание на определённой территории предприятий информационно-коммуникационной индустрии, которые объединяют как различные стадии производства медиапродукта, так и смежные секторы» [6, с. 95]). В 2016 г. в Гродненской области в инновационный медийный кластер объединились редакция газеты «Гродзенская праўда», областное отделение Белорусского союза журналистов, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы и главное управление идеологической работы, культуры и по делам молодежи Гродненского областного исполнительного комитета. Об эффективности работы медиакластера свидетельствует следующий факт: за первые пять месяцев совместной деятельности участников кластера — СМИ, кафедры журналистики, представителей госорганов и программистов — посещаемость сайтов газет области выросла в разы [7, с. 4]. В Минской области процесс кластеризации находится на начальном этапе и пока осуществляется в форме консолидации журналистского сообщества: на официальном сайте областной газеты «Мінская праўда» сказано, что она является «своеобразным учебно-методиче-

ским центром для коллективов районных, городских и объединённых газет области», где «журналисты получают необходимые консультации». Такой подход себя вполне оправдывает, ведь благодаря обучающим семинарам, которые регулярно проводятся областной газетой, «подготовлена целая плеяда видных белорусских журналистов» [8], успешно работающих в ведущих изданиях страны, в том числе на руководящих должностях.

Во всех шести административных регионах Белоруссии областные газеты определяют направление развития медиасистемы, которому следуют другие средства массовой информации этого региона. В частности, взяв на вооружение опыт областной газеты «Гомельская праўда», другие издания Гомельской области тоже стремятся превратить свои сайты в популярные порталы. Успешные шаги в этом направлении делают редакции районных и городских газет. При этом издания используют разные стратегии популяризации сайта. Так, районная газета «Дняпровец» старается привлечь пользователей за счёт увеличения разнообразия контента, а городская газета «Гомельские ведомости» и районные «Калінкавіцкія навіны» и «Жыццё Палесся» — путем активизации работы по продвижению сайта в социальных сетях.

По примеру газет Могилевской, Витебской и Брестской области, которые стремятся к увеличению своих доходов за счёт объединения редакций, ряд региональных государственных и частных телестудий в 2016 г. включили свои программы в региональный пакет интерактивного телевидения ZALA. Это позволило телеканалам с небольшим охватом аудитории, таким как «Буг ТВ» в г. Бресте, значительно расширить ее, а также получить дополнительный доход, поскольку услуги ZALA предоставляются абонентам платно.

Участники инновационного медийного кластера, который создан в Гродненской области, в течение года совместными усилиями решали задачу по усилению влияния белорусских региональных средств массовой информации и повышению уровня журналистики в регионе. С этой целью были организованы семинары на следующие темы: «Модернизация сайтов газет и организация информационного обмена районных и областной газет, исполкомов, пресс-служб области», «Типичные языковые и речевые ошибки на страницах газет», «Современная аналитическая журналистика: тематика публикаций и методы исследования проблем», «Роль региональных СМИ в обеспечении информационной безопасности страны и формировании медиаграмотности». В редакции газеты «Мінская праўда» не ограничились обучающими семинарами: опытные сотрудники областного издания проводили индивидуальные консультации для своих коллег из районных и городских газет.

Анализ деятельности региональных СМИ в рамках белорусских региональных медиасистем пока-

зывает, что они заимствуют передовые подходы к работе, успешно опробованные областными газетами. В свою очередь, областные газеты, которые обладают хорошим кадровым потенциалом, могут оперативно реагировать на запросы медиарынка, акцентируя тот аспект в функционировании медиасистемы, который требует развития и является наиболее перспективным.

Так, исходя из понимания региональной медиасистемы как трехгранной категории, областная газета «Гомельская праўда», развивая портал «Правда Гомель», побуждает СМИ региона активнее выполнять свои функции в качестве медиаинститута, ведь одна из задач регионального портала — интеграция жителей региона, активизация их жизненной позиции, конструктивное взаимодействие с представителями власти. Областные газеты Могилёвской и Витебской области, реализовавшие коммерчески успешный проект «укрупнённых информационных структур», ориентируют СМИ региона более интенсивно развиваться как предприятия медиарынка. А инновационный медийный кластер, созданный в Гродненской области на базе редакции газеты «Гродзенская праўда», как и издание Минской области «Мінская праўда», выдвигают на первый план в функционировании медиасистемы регионов профессиональное сообщество, которое организывает и проводит обучающие мероприятия.

Выявленные автором направления развития белорусских региональных медиасистем формируются, исходя из особенностей медиарынка конкретного региона, а также тех ресурсов, которыми он обладает (материально-технических, финансовых, кадровых). При этом областные газеты являются своеобразным ориентиром для других региональных СМИ: оперативно реагируя на изменения, которые происходят на медиарынке, и используя в своей деятельности доступные ресурсы, областные издания тем самым акцентируют на них внимание других региональных средств массовой информации, побуждая их развиваться в заданном направлении.

С точки зрения системного подхода трансформации, которые происходят в белорусских региональных медиасистемах, носят позитивный характер. С одной стороны, благодаря формированию единого направления развития региональных СМИ конкретная региональная медиасистема сохраняет целост-

ный характер. С другой стороны, за счет того, что в едином направлении развиваются различные средства массовой информации, происходит усложнение системных связей как внутри самой региональной медиасистемы, так и при ее взаимодействии с внешней средой (политической, экономической, культурной системами). Так создается функциональное разнообразие элементов системы, что обеспечивает ее устойчивость.

Дальнейшее изучение развития белорусских региональных медиасистем является перспективным направлением научных исследований, так как позволяет сформулировать рекомендации по совершенствованию работы редакций региональных СМИ, а также адаптировать накопленный в российской науке о журналистике теоретический и практический опыт для успешного функционирования белорусских региональных медиасистем и системы СМИ Белоруссии в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медиасистема России: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. Е. Л. Вартановой. — Москва: Аспект Пресс, 2015.
2. Воробьев В. П. Воспитательный потенциал региональной периодики / В. П. Воробьев // Идеология белорусского государства в процессе формирования личности журналиста: сб. статей. — Минск: БГУ, 2012. — С. 14—23
3. Антонова В. Радиус действия — регион / В. Антонова // Журналістыка-2004. Матэрыялы 6-й Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі / Рэдкал.: В. П. Вараб'ёў (адк. рэд.) і інш. — Мінск: БДУ, 2004. — Вып. 6. — С. 29—31
4. Справочно-аналитическая информация о деятельности отрасли СМИ и печати в 2016 году / Министерство информации Республики Беларусь. — Минск, 2017.
5. Данильченко А. В. Информационный рынок и единое информационное пространство: мировой контекст и белорусский опыт / А. В. Данильченко, К. В. Якушенко, А. В. Потребин. — Минск: БГУ, 2015.
6. Вартанова Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран: Учеб. пособие / Е. Вартанова. — М.: Аспект Пресс, 2003.
7. Василёвкіна Т. Работа на созидание / Т. Василёвкіна // Гродзенская праўда. — 2016. — 3 жніўня. — С. 1, 4
8. Мінская праўда / О газете. — Режим доступа: http://mpravda.by/o_gazete.html (дата обращения: 30.06.2017).

Институт журналистики Белорусского государственного университета, г. Минск

Е. В. Красовская, старший преподаватель кафедры теории и методологии журналистики

E-mail: el.krasovskaya@yandex.ru

Institute of Journalism of the Belarusian State University, Minsk

E. V. Krasovskaya, Senior Lecturer at the Department of Theory and Methodology of Journalism

E-mail: el.krasovskaya@yandex.ru

ОТ СОБЫТИЯ К СО-БЫТИЮ (ОРГАНИЗАЦИЯ ДИАЛОГА В ПУБЛИЦИСТИКЕ)

Л. Е. Кройчик

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 ноября 2017 г.

Аннотация: статья посвящена актуальной проблеме — организации диалога с аудиторией в публицистическом произведении. Важнейшая функция диалога — самотворение личности автора и создание творчески мыслящей аудитории.

Ключевые слова: факт, событие, воображение, реальность, творчество, диалог, восприятие, публицистическое произведение.

Abstract: the article is devoted to actual problem of dialogue with the audience in a journalistic piece. The most important function of the dialogue – snotvornoe the identity of the author and the creation of a creatively minded audience.

Keywords: fact, event, imagination, reality, creativity, dialogue, perception, journalistic work.

Современные отечественные СМИ отличаются, с одной стороны, интересом к традиционным формам общения с аудиторией, к неспешному диалогу с аудиторией в интервью, корреспонденциях, статьях, обзоре, с другой — к торопливым репликам, откликам, кратким сообщениям. Интернет предпочитает ленту новостей, подготовленных по расхожему принципу «Что? Где? Когда?». Вопросы «Почему?», «Зачем?», «С какой стати?» — коммуникативный эксклюзив. Факт теснит событие: факт объяснений не требует, событие нуждается в комментариях. С газетных полос исчезли жанры с очевидным личностным началом — репортаж, очерк, фельетон, эссе, рецензия; стали редкими полноценные корреспонденции. Мыслящая личность — и как субъект высказывания, и как объект исследования — исчезает с газетной полосы.

Это — катастрофа.

Мераб Мамардашвили писал: «Человек не создан природой и эволюцией. Человек создается. Непрерывно, снова и снова создается. Создается в истории, с участием его самого, его самостоятельных усилий» [1, 58]. Философ упрощает процесс развития мировой цивилизации? Ничего подобного! Он всего лишь подчеркивает роль человека в формировании собственной личности. Чтобы выпрямиться, человек сначала нашел себе точку опоры, а найдя ее, отбросил палицу, распрямился и понял, что можно жить, не прогибаясь, посреди окружающего его мира. Можно не бояться его. Так возникло чувство свободы. Так началось самотворение личности. С каждодневного вопрошания «Азъ есмь?». А если «Я есть!», то что я собой представляю.

И еще одна цитата: «Человек — это прежде всего проект, который прежде всего переживается субъек-

тивно, а не мох, не плесень, не цветная капуста. Ничто не существует до этого проекта, нет ничего на умопостижимом небе, и человек станет таковым, каков его проект бытия.

Не таким, каким он пожелает. Под желанием мы обычно понимаем сознательное решение, которые у большинства людей появляется уже после того, как они что-то сделали <...> Если существование действительно предшествует сущности, то человек ответственен за то, что он есть» [2, 323].

Так утверждает Жан Поль Сартр в своей статье «Экзистенциализм — это гуманизм», и нам представляется, что в этих словах своя правда. Человек несет ответственность за собственное самотворение и реально является проектом, несущим ответственность за результаты собственного самосозидания. «Существование действительно предшествует сущности» [2, 323], и нечего впоследствии обвинять во всем гены. Человек — механизм постоянно обновляемый, как за счет внешнего воздействия среды, так и за счет собственных биологических ресурсов.

***

Первостепенная задача СМИ — организация диалога с аудиторией. За счет содержательного контента, небанальной подачи материала, акцентированного дизайна, за счет точной коммуникативности авторского послания. Вокруг издания группируется аудитория, «ангажированная» определенным творческим коллективом. Диалог предполагает равноправие сторон, обеспечиваемое доверием аудитории к авторскому высказыванию. Главный ресурс здесь — наличие определенной точки зрения в авторском высказывании; внятное эстетическое оформление мысли (способность аудитории декодировать авторское послание); остроумная организация повествования.

На кого рассчитано современное повременное издание? На городского обывателя (по Владимиру Далю: обыватель — это человек, постоянно проживающий в данной местности); на человека, интересующегося, что происходит вокруг его; на человека, заинтересованного в своем будущем и будущем близких ему людей; на человека, которому нескучно жить, который к самому себе относится с доверием и интересом, который генерирует *свое* отношение к жизни. И еще — на человека, который с доверием относится к высказанному слову. Учтем и традиционный интерес к изданию, защищаемому *свою* позицию. Это нормально — ориентироваться на *свою* газету.

Обратимся к некоторым изданиям, вышедшим в конце октября — начале ноября 2017 года.

Общественно-политическая газета «Коммуна» одну из своих полос в номере за 3 октября 2017 года отдает материалу «Дороги в завтрашний день»: «В разговор, изначально рассчитанный на узкую целевую аудиторию, оказался вовлечен широкий круг общестественности». Действительно, завтрашний день — это не метафора, это — реальная наша повседневность, измеряемая не только километрами проложенных современных магистралей, но и та повседневность, из которой складывается наше бытие.

«Комсомольская правда в Воронеже» в номере от 27 октября 2017 года публикует корреспонденцию Александра Коца «За что воюют и погибают в XXI веке “частные русские солдаты”» (4-я и 5-я полосы издания), а на 6-й полосе размещена фотография высокого человека, стоящего на коленях перед окном регистрации при получении больничного. Журналисты редакции размышляют о том, что стоит за этим снимком — случайность кадра или закономерность нашего социального бытия?

«Собеседник» (№ 41, 2017 г.) вспоминает о событиях октября 1917 года, публикуя статью Олега Волобуева. Один из актуальных вопросов — что это было? Революция или переворот? Ученый отвечает: «Все-таки революция. Революция предполагает смену общественно-политического устройства. И поэтому в 1905 году, когда действительно закончилось самодержавие и появилась Государственная Дума, и в феврале 1917 года, когда власть перешла в руки Временного правительства, была революция. И в октябре 1917 года, когда власть взяли большевики, также совершилась революция. А переворот — это смена одной команды правителей на другую, не затрагивающая основы строя».

Спустя сто лет после событий октября семнадцатого года продолжают споры — что произошло той далекой осенью — революция или переворот? Но как тогда атрибутировать события, имевшие место в Беловежской пуще осенью 1991 года? Создание нового союзного государства или переворот, изменивший во многом судьбы людей, или необдуманный шаг трех не слишком компетентных политиков?

Еженедельник «Аргументы и факты», начинавший в свое время как орган издания общества «Знание», и сегодня предпочитает вести неспешный и степенный диалог с аудиторией на темы здоровья, культуры и общих вопросов просвещения. «Умеренность и актуальность» — современный тонус издания.

Актер Валентин Гафт глядит с газетной полосы еженедельника: «Силы у меня иссякают, а любовь остается», здесь же — откровение Армена Джигарханяна о некогда любимой женщине: «Она вор, а не человек». А еще — мифы о полезной и бесполезной пище, лекарствах, а также многочисленные советы. Это — выпуск от 25—31 октября 2017 года.

Такова панорама событий осени 2017 года. Таков типичный уровень организации диалога с аудиторией. Точнее, фрагмент диалога, характерного для отечественных СМИ, придерживающихся девиза: «Мы знаем, что тебе, аудитория, нужно, и предлагаем широкий выбор блюд. Калорийность гарантируем».

***

Цель любого диалога — приглашение аудитории к со-творчеству, к раздумью над прочитанным, к выработке собственной точки зрения, к осмыслению событий, о которых идет речь, к поиску самостоятельных решений. Задача диалога — побуждение аудитории к обсуждению насущных проблем дня, к поиску самостоятельных решений. Центральная фигура диалога — автор, субъект высказывания, предлагающий свою точку зрения, свою версию происходящего. Автор — исходная позиция в организации диалога с аудиторией. А с чего начинается автор? С познания самого себя. С самотворения. Исходная позиция для самотворения личности — осознание собственной внутренней свободы.

Николай Бердяев пишет: «Свобода для меня первичнее бытия. Своеобразие моего философского типа в том, что я положил в основание не бытие, а свободу <...> В свободе скрыта тайна мира. Свобода в начале и свобода в конце <...> Я сознаю себя прежде всего эмансипатором, и я сочувствую всякой эмансипации» [3, 51]. Категоричность Николая Бердяева вполне объяснима: точка зрения автора — не единственный взгляд на происходящее. Она — прежде всего повод для дальнейшего познания сущности происходящего. Автор не навязывает аудитории свою точку зрения. Защищая свою правоту, автор — одновременно — приглашает аудиторию к со-размышлению. Доверие к аудитории, уважение к позиции аудитории — форма дальнейшего движения к познанию происходящего. Равноправие сторон, участвующих в диалоге, облегчает процесс познания, способствует формированию мыслящей аудитории. Право на свободу высказывания — первый шаг в организации диалога с аудиторией. Совершенно очевидно, что позиция автора всегда является результатом взаимоотношений субъекта высказывания с окружающим его миром.

Что собой представляет этот субъективно существующий мир? «Бытие — философская категория, обозначающая реальность, существующую объективно, вне и независимо от сознания человека <...> Дialeктический материализм не сводит бытие к предметно-вещественному миру, вычленив различные уровни бытия — материально предметную реальность, объективно — реальное бытие (ценность культуры, общезначимые принципы и категории научного знания и др.), бытие личности» [4, 69]. То есть реальность первична, сознание вторично. Бытие личности — особый уровень существования человеческого сознания.

Между тем Мартин Хайдеггер подчеркивает: «Бытие не вещь, не что-то исходящее во времени. Несмотря на это, бытие по-прежнему определяется как присутствие, как настоящее через время, через временное» [5, 81].

Итак, с одной стороны, бытие — это нечто не материальное, а некая категория, определяющая зону сознания. Но с другой стороны, бытие прочно связано с формированием и существованием человеческой личности, которая, как известно, являет собой нечто безусловно определенное.

Утверждаем повседневно «Бытие определяет сознание», но при этом несколько игнорируем тот факт, что наше сознание в значительной степени есть нечто производное от материального мира. От реальных событий, которые в этом мире происходят. Так что слова «бытие» и «событие» не случайно являются однокоренными.

Проблема бытия как чего-то невещественного, но тесно связанного с реальностью, возвращает нас к пониманию того, что именуется «событием».

Что такое событие? «Событие — это то, что произошло, то или иное знаменательное явление, факт общественной, личной жизни» [6, 653]. Словарное определение вполне конкретно — знаменательное явление. С информационной точки зрения — то, что заслуживает внимания. Внимание — прерогатива автора. Следовательно, событие — факт, включенный в коммуникативную систему по воле субъекта высказывания. И — разумеется — в предчувствии того, что данный факт *может быть* интересен аудитории. Или — *должен быть* интересен аудитории. Эмоциональная составляющая факта не просто предполагается — она закладывается автором в качестве прогноза на восприятие аудиторией переданного сообщения.

Так сообщение включается в систему со-общения, становясь звеном диалога. Так событие включается в пространство со-бытия. Факт обретает значимость, становясь событием. Событие, становясь сообщением (автор плюс факт), обретает значимость и, следовательно, интерес для аудитории, расширяет границы собственного существования, вовлекая аудиторию в со-бытие. Поскольку факт в процессе та-

кого движения обретает дополнительные смыслы, рожденные воображением аудитории. Отсюда право полагать, что бытие — это система переживаний личности, постоянно обновляющих картину мира, создаваемую нашим воображением.

Смысл творческой деятельности — в постижении закономерности всего происходящего вокруг, включая и те события, которые подвигают аудиторию к диалогу. Естественный путь постижения мира — движение от события к со-бытию.

***

Как бы достоверно ни воспроизводил автор реальную картину мира, она всегда носит виртуальный характер. Внешнее правдоподобие — отправная точка для создания картины мира, опирающейся на воображение публициста. Создание виртуальной картины мира начинается с отбора фактов, продолжается созданием образов и завершается нарративом — искусством организации повествования. Как правило, остроумная манера письма предполагает остроумие и в читателе. Авторское высказывание — это всегда приглашение аудитории к сотрудничеству. Диалог — это всегда открытие новых смыслов, заложенных в авторский текст.

Показательно в этом отношении интервью Дмитрия Быкова с Ксенией Собчак («В России сегодня знают двух человек — Путина и меня», «Собеседник», № 42, 2017 г.)

Слова, вынесенные в заголовок, интервьюер не оспаривает, предоставляя право для свободных комментариев аудитории: дать возможность собеседнику свободно излагать свое отношение к миру, тебя окружающему, и к себе самому.

Это — не эпатаж. Это искреннее убеждение Ксении Собчак, что так оно и есть. Действительно, кто в России не знает имени своего президента. О Ксении Собчак народ также наслышан. Повод для интервью очевиден — в обществе заговорили о том, что Ксения Собчак, некогда ведущая программы «Дом-2», дочь бывшего мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака, заявила, что собирается выставить свою кандидатуру на пост Президента России. А почему бы и нет? Предмет диалога — событие решения. Решение Ксении Собчак — нормальный гражданский поступок. Правда, замечает Дмитрий Быков, «Ксения Собчак еще не стала официальным кандидатом в президенты, не собрала положенные триста тысяч подписей, не обнародовала экономическую программу и даже не определилась с ее автором, но на ее пресс-конференции уже царила, по выражению В. Набокова, «хорошая грозная атмосфера скандала».

Ключевое слово произнесено — «скандал». Никакого подтекста — вещи называются своими именами. Дмитрий Быков отвечает за каждое свое слово. Он реалист и потому знает: если дело дойдет до

реального участия Ксении Собчак в выборах — все появится, в том числе необходимые подписи, программа и т.д. Ведущего беседу интересуют не детали, а смысл происходящего. На иронический вопрос «Как вы сами узнали о собственном выдвижении?» следует ответ с многочисленными психологическими подробностями («с лета, сначала в шутку разговаривала с разными лицами», «сначала всерьез я ничего предпринимать не собиралась, а потом подумала: «Женщина с оппозиционной программой может сейчас выступить непредсказуемо»).

Операция «Собчак — кандидат в президенты» интересна по многим причинам. Дело не в борьбе за голос, а в той откровенности, с какой на глазах у страны разрушают представление о нравственной составляющей избирательной кампании. Впрочем, деликатный Быков предлагает аудитории свою версию происходящего; как к Собчак ни относиться, а в жизни резко прибавилось дискуссий, «движухи», начался разговор о спойлерах и компрометации либерализма. Опытный Быков прекрасно знает, чем завершаются подобные избирательные кампании, но публицисту важно напомнить, что у поколения молодых еще долгая, долгая жизнь. Движение — поперек бытовому сознанию той широкой массы, которой безразлично будущее страны (голосуй, не голосуй — в жизни все равно ничего не меняется), а интрига со спойлером — кандидатом, заведомо обреченным на проигрыш, — тем не менее повод для

раздумий: страну отучили выбирать достойных. Значит, необходимо что-то менять в самой организации выборов.

Интервьюер дает собеседнице возможность высказаться. Это — правило качественного диалога, но затем многое зависит от мнения аудитории, от ее восприятия сказанного участниками диалога. А смысл личностного высказывания заключается в защите говорящим своей точки зрения, в ее обосновании, в тех резонах, которые побуждают аудиторию к обсуждению высказанной точки зрения.

Диалог — не обязательно спор, это — совместный поиск приемлемого решения, формирование новых идей. Так в этом интервью автор, уповав на пробуждающую аудиторию, затрагивает актуальную проблему — судьбу гражданского общества в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамардашвили М. Как я понимаю философию / М. Мамардашвили. — М., 1992.
2. Ницше Ф. Сумерки богов / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм и др. — М., 1989.
3. Бердяев Н. Самопознание / Н. Бердяев — М., 1990.
4. Философский энциклопедический словарь. — М., 1983.
5. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер. — М., 1991.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М., 1986.

Воронежский государственный университет

Кройчик Л. Е., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории журналистики и литературы

E-mail: husjourvsu@yandex.ru

Voronezh state University

Kroychik L. E., Doctor of Philological Sciences, Professor, head of the History of Journalism and Literature Department

E-mail: husjourvsu@yandex.ru

ФАКТОР АДРЕСАТА В ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ МАГАЗИНОВ ТОВАРОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ В Г. ВОРОНЕЖЕ

М. А. Мануковская

Воронежский государственный технический университет

Поступила в редакцию 16 июня 2017 г.

Аннотация: в статье рассмотрены имена собственные бизнес-объектов на примере названий магазинов детских товаров в г. Воронеже. На основе исследуемого материала раскрывается содержание понятия «фактор адресата», обосновывается отбор языковых средств для воздействия на широкий круг лиц, различающихся по возрасту, социальному статусу и уровню образования, с целью пробудить в них потребность и желание приобрести товар. Статья выявляет специфику фактора адресата, которая отражается в расслоении целевой аудитории на адресата сообщения и адресата покупки.

Ключевые слова: номинации на вывесках, фактор адресата, целевая аудитория, речевое воздействие, мотивирующий признак, основания номинации, адресат сообщения — член семьи, адресат покупки — ребенок.

Abstract: the article analyzes proper names of business objects taking names of shops that sell goods for children in Voronezh as examples. The content of the concept called «the target factor» is disclosed on the basis of studied material. It justifies the selection of language means to influence a wide range of people who differ in age, social status and level of education for the purpose to arise in them the need and desire to purchase goods. The article reveals special nature of the target factor which is reflected in splitting of the target audience into the intended recipient and the recipient of the purchase.

Keywords: naming units on signboards, target factor, target audience, speech impact, motivating attribute, grounds for nomination, the intended recipient is a family member, the recipient of the purchase is a child.

В последние годы одно из заметных мест в лингвистических исследованиях занимает достаточно новый объект науки — рекламные номинации. Многие отечественные языковеды проявляют интерес к этому материалу. Среди них М. Е. Новичихина [1], Т. А. Новожилова [2], И. А. Стернин [3] и др. Группа лингвистов ВГТУ под руководством проф. И. П. Лапинской в течение 15 лет изучает имена собственные бизнес-объектов (коммерческую номинацию, онимы, прагматонимы, прагмонимы — так терминологически их обозначают представители иных школ) в целях определения их внутрисистемных, номинативных и коммуникативных свойств. Результаты исследований отражены в коллективных монографиях [4; 5].

Появление в языке нового материала и обогащение теоретических выводов ученых способствует продолжению анализа рекламных номинаций. Остается недостаточно исследованной проблема воздействия имен собственных бизнес-объектов (ИСБО) на сознание потенциального потребителя. В таком аспекте проводилось и наше исследование.

В лингвистике направленность высказывания на того, кому оно предназначено, обозначается термином *фактор адресата*. И. А. Стернин так раскрывает значение термина: «Фактор адресата — это эф-

фективный учет особенностей той аудитории, на которую направлено речевое воздействие» [3]. Это принцип убеждать широкий круг лиц, различающихся по возрасту, социальному статусу и уровню образования, в необходимости приобретения товара.

В товарно-денежных отношениях, а конкретно в ситуации предложения товара со стороны продавца и предпочтений со стороны покупателя, умение направить сообщение на адресата и вызвать деятельностную его реакцию выступает квалификационной характеристикой рекламиста. Само умение создавать такого рода речевое сообщение проявляется в организации речевых и языковых средств, в соотношении визуальной, звуковой и другой воспринимаемой органами чувств информации.

В нашем исследовании реализации фактора адресата определяются на материале имен собственных такой разновидности бизнес-объектов, как магазины товаров для детей. Для исследования было отобрано 100 единиц имен собственных соответствующих предприятий города Воронежа.

Адресатно направленной оказывается сама дифференциация торговых предприятий внутри типа: магазин *детской одежды*, магазин *детских игрушек*, магазин *детской обуви*, магазин *одежды для детей*, магазин *одежды для будущих мам и детей*, магазин *одежды для всей семьи*.

ИСБО в разных вариантах реализуют главный принцип отбора языковых и речевых единиц для целей создания рекламного сообщения — представить потребность продавца продать товар как потребность покупателя приобрести этот товар, т.е. как реализацию собственного желания покупателя повысить свой социальный статус или улучшить качество жизни в целом [4]. Другими словами, фактор адресата оказывается определяющим в процессе номинации.

Коммуникативная функция передать сообщение и вызвать деятельностную реакцию реализуется с опорой на номинативные и внутрисистемные свойства ИСБО. Назовем самые важные из них.

1. На основе изучения номинаций на вывесках лингвисты ВГТУ установили, что ИСБО по своим номинативным функциям и структурным свойствам тождественны заголовку или названию речевого произведения, которое служит введением в текст и в краткой форме отражает сущность описываемых в нем событий [6].

Так и номинации на вывесках дают потенциальному покупателю представление об ассортименте товаров или услуг, которые предлагает именуемое торговое предприятие, и формируют у него желание приобрести товары или воспользоваться сервисом. Часто только по названию предприятия потребитель решает, стоит ли тратить время на посещение этого бизнес-объекта и представляет ли оно интерес.

2. С одной стороны, ИСБО соотносится с типом предприятия как единичное и общее, поскольку оно, как любое имя собственное, призвано индивидуализировать объект в ряду подобных. Поэтому номинации на вывесках магазинов, парикмахерских салонов, предприятий общественного питания и других объектов бизнеса во многом различаются (ср. имена людей и клички животных). Находим отличия и в номинациях внутри класса, что зависит от специализации конкретного торгового предприятия (например, «Магазин товаров детского творчества Развивашки» — «Кроха», магазин товаров для самых маленьких).

С другой стороны, номинативной основой для выбора имени собственного любого бизнес-объекта, вне зависимости от его специализации, выступает один из компонентов номинативной триады: 1 — *кто* продает или является производителем товара; 2 — *что* продает, т.е. ассортимент товаров и предоставляемые услуги; 3 — *кому* продает, или потенциальный покупатель / пользователь [4]. Универсальная формула номинации в конкретных предъявлениях выступает во множестве вариантов. А сам диапазон возможных названий связан с типом именуемого объекта.

Применительно к разным видам индивидуализируемых именем объектов можно говорить о предпочтительности выбора компонента или компонентов триады. Так, в исследуемом нами материале

первый компонент триады не представлен. Видимо, потому, что в число отечественных и международных брендов не входят имена производителей детской одежды, игрушек и других товаров для детей.

Ориентация на тип товара, т.е. на второй компонент номинативной триады может оказаться избыточной, поскольку информация об этом специализирует магазины товаров для детей. Как мы уже упоминали, существуют магазин *детских игрушек*, магазин *детской обуви*, магазин *одежды для детей*, магазин *одежды для будущих мам и детей* и т.д.

При этом некоторые магазины детских товаров обращаются именно к этому компоненту, а через него к детям — адресатам покупки, поскольку в своих именах собственных содержат названия животных и их детенышей, имена сказочных героев или отсылки к детским художественным произведениям: «Теремок», «Золотой ключик», «Топтыжка», «7 Гномов», «Филиппок», «Пятачок», «Мечты Алисы», «Пеппи», «Пегас», «Робинзония», «Котофей», «Бегемот», «Какаду», «Крокодил», «Аистенок», «Котенок», «Слоник».

В этой группе номинаций значение второго компонента — *что продают* — оказывается неразрывно связанным с указанием на адресата покупки. Поэтому можно говорить о том, что и перечисленные ИСБО избираются с учетом фактора адресата.

Как представляется, наиболее соответствуют типу магазина названия детенышей животных, ибо они могут в переносном значении не только представлять второй компонент номинативной триады — игрушки (собственно товар), но и характеризовать детей. При этом вынесенные в имя собственное названия взрослых животных не вызывают ассоциаций с детством и поэтому не обладают достаточной воздействующей силой на покупателя — взрослого человека.

В ИСБО магазинов товаров для детей предпочтительным оказывается выбор третьего компонента триады для номинации. Именно в этой группе ярче всего проявляет себя учет фактора адресата. Очевидным оказывается расслоение адресата на того, кто покупку совершает, т.е. взрослую платежеспособную аудиторию — собственно адресата рекламного сообщения, и того, ради кого покупка совершается и чей возраст вынесен в специализацию торгового предприятия — адресата приобретенного товара.

Перейдем к комментариям. Большая часть имен собственных детских магазинов г. Воронежа ориентируется на адресата сообщения как на родителя, а на ребенка как на члена семьи, например: «Все для деток», «Товары для самых маленьких», «Магазин Моему Малышу», «Любимые дети», «Святой малыш», «Счастливый ребенок», «Еду с мамой», «Магазин для мам и малышей», «Мама, папа и я», «Кроха и Я», «Дочки-сыночки», «Мой непоседа», «Магазин товаров детского творчества Развивашки», «Детский магазин Ам-Ам малышам».

В номинациях используются существительные с положительной оценкой — *малыш, кроха*; прилагательные и местоимения, передающие особое отношение к ребенку родителей — *мой, любимый, счастливый, святой*. В ряде номинаций выделяются семейные отношения — «Еду с мамой», «Магазин для мам и малышей», «Мама, папа и я», «Кроха и Я».

Отдельные магазины детских товаров избирают ИСБО, указывающие на адресата покупки, но в них не акцентируются семейные отношения: «Малыш», «Кроха», «Егоза», «Капризка», «Карапузик», «Малышок», «Умейка», «Вырастай-ка», «Пупсоград».

Как видим, в этой группе номинаций преобладают разговорные формы — *кроха, егоза, карапузик, малышок* и неологизмы *умейка, капризка, пупсоград*, образованные с использованием морфологического способа словообразования. Их объединяет положительная оценка именуемого субъекта, передаваемая ИСБО, что выступает еще одним приемом реализации фактора адресата. В этих номинациях акцентируется комплексное указание на оба выделенные вида адресата — и на адресата сообщения, и на адресата покупки.

Важно отметить, что учет фактора адресата осуществляется неймером при выборе любого варианта [4, с. 13] пополнения класса имен собственных магазинов товаров для детей: а) при переходе в этот класс имен нарицательных — «Отличник», «Крокодил», «Кроха»; б) при переходе имен собственных иных классов — «Филиппок», «Пегас», «Теремок»; в) в ходе адаптации заимствований — «Gulliver» (Гулливвер), «Mothercare», «GloriaJeans&GeeJay»; г) в результате использования морфологического словообразования — «Пупсоград», «Ботик», «Развивашки», «Бригина», «Кукару».

Наиболее распространено в Воронеже образование ИСБО за счет перехода в этот класс уже существующих номинаций (варианты а и б). Ведь именно лексические единицы, существующие

в речи, апеллируют к эмоциональной памяти носителей языка, а также к культурно значимым стереотипам и поэтому больше всего подходят для успешной реализации фактора адресата в процессе нейминга.

Итак, фактор адресата оказывается определяющим при выборе ИСБО в случаях магазинов товаров для детей. Своеобразие его для этого типа именуемого объекта в том, что он реализуется в двух вариантах — как адресат сообщения и как адресат покупки. Эти воплощения могут быть представлены автономно и во взаимодействии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новичихина М. Е. Проблемы изучения коммерческой номинации / М. Е. Новичихина. — Воронеж: Кварта, 2012.
2. Новожилова Т. А. Номинация современных коммерческих предприятий (На материале русского, английского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т. А. Новожилова. — Ростов-на-Дону, 2005.
3. Стернин И. А. Фактор адресата в речевом воздействии / И. А. Стернин // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — 2004. — № 1. — С. 171—178.
4. Лапинская И. П. Что в имени?: монография / И. П. Лапинская, М. А. Денисова и др. — Воронеж, 2016.
5. Лапинская И. П. Стиль рекламы: речевые формы: монография / И. П. Лапинская, М. А. Денисова, О. В. Гостева и др. — Воронеж, 2016.
6. Золотова Г. А. Очерк коммуникативного синтаксиса русского языка. — Москва: Наука, 1973.
7. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. — Москва: Высшая школа, 1972.
8. Мануковская М. А. Имена собственные бизнес-объектов: названия магазинов детских товаров в Воронеже / М. А. Мануковская, И. П. Лапинская // Филологические науки: вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал: в 2-х ч. — Тамбов: Грамота, 2016. — № 2 (56). — Ч. 2. — С. 111—113.

Воронежский государственный технический университет

Мануковская М. А., преподаватель кафедры иностранных языков и технологии перевода

E-mail: marsha_sweety@mail.ru

Voronezh State Technical University

Manukovskaya M. A., Teacher of the Foreign Languages and Translation Technology Department

E-mail: marsha_sweety@mail.ru

О РЕАЛЬНОЙ И МНИМОЙ ДИСКУРСИВНОСТИ

К. В. Марчан

Институт гуманитарного образования и информационных технологий

Поступила в редакцию 13 октября 2017 г.

Аннотация: в статье рассматриваются теоретические и практические вопросы публицистического дискурса.

Ключевые слова: массовая коммуникация, публицистическая коммуникация, текст, диалогические отношения, внутримonoлогическая диалогизация, публицистический дискурс, критерии дискурсивности.

Abstract: the article discusses theoretical and practical issues of journalistic discourse.

Keywords: mass communication, journalistic communication, text, Dialogic relations, journalistic discourse, the criteria of discursively.

Реализуя публицистическую коммуникацию, журналист демонстрирует свою позицию, старается быть максимально понятным, направляет все речевые и изобразительные средства на установление контакта с аудиторией. Эффективный публицистический текст подразумевает двухстороннюю коммуникацию. Если использовать терминологию М. М. Бахтина, то следует говорить о диалогических отношениях, которые пронизывают текст и представляют собой «особый тип смысловых отношений» и «отнодь не совпадают с отношениями между репликами отдельного диалога». Они представляют собой явление гораздо более широкое, чем диалогическая речь в узком смысле [1, 495-496].

В своей книге «Поэтика публицистики» М. И. Стюфляева обращается к термину «внутримonoлогическая диалогизация», введенному в отечественное литературоведение еще в конце 20-х — начале 30-х годов XX века: «Целостный смысл речи во всем богатстве нюансов может быть выяснен лишь в общем контексте, простое сложение реплик не дает впечатления единства. Здесь важно сцепление двух позиций, в результате которого рождается новая мысль. Как раз в монологическом тексте, осложненном диалогизмом, мы видим соединение всех этих качеств» [2, 94].

Особенность диалога как одного из типов (видов) текста заключается, конечно, не в том, что в нем причудливым образом переплетаются различные свойства (факторы, параметры, условия) текста, а в том, что стратегию его развертывания определяет не один человек, а два или более. Общая цель объединяет усилия партнеров по коммуникации. Им приходится кооперировать свои усилия для достижения единой цели [3, 223].

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод о том, что в публицистическом тексте, как акте высказывания, устраняется противоречие между

монологическим текстом и диалогом, так как сам коммуникативный акт является по отношению к данному тексту не экстралингвистической структурой, а своеобразным механизмом, который вводит или единственный субъект, принимающий на себя и выносящий за свои пределы различные актантные роли, или бинарную структуру (участников диалога) [4, 8].

В силу своей специфики дискурс способствует формированию целостной картины действительности, которое призвана осуществлять публицистика. Публицистический дискурс — это своеобразное пространство, возникающее вокруг социальной ситуации и представляющее собой некую совокупность точек зрения, оценок, мнений, дискуссий, выраженных в текстовой форме; это одновременно и общественно принятые способы видения и интерпретирования окружающего мира, и особая ментальность, и даже идеология, и вербализованное мировоззрение, выраженные в тексте. Специфика публицистического дискурса заключается в его рефлексии, а именно: в своевременной реакции на изменения описываемой социальной ситуации, что отражает его природный динамизм и публицистическую природу.

В аспекте изложенного рассмотрим телепередачу Романа Бабаяна «Право голоса» (ТВЦ). С одной стороны, как справедливо отмечает исследователь, ее «формат» соответствует канонам качественной журналистики: «В частности, ведущие дают слово каждой из спорящих сторон, привлекают независимых экспертов (ученых, политиков, представителей власти), обращаются к аудитории, высказывают и свою точку зрения. Среди наиболее активных участников ток-шоу есть как условно «левые», или «государственники» <...> так и условно «правые», или «оппозиционеры»...» [5, 3]. С другой стороны, отмечает позже этот же ученый, не всегда возникает публицистический эффект: если поначалу «... плюрализм мнений на российском ТВ принимался и приветствовался (один из американских экспер-

тов, участвовавших в передаче «Право голоса», даже заявил, что столь открытые дискуссии на их телевидении просто невозможны), то со временем прямая агрессия, оскорбления стран и народов, переход на личности стали вызывать недоумение. А когда стали происходить драки в прямых эфирах, то серьезный телезритель подумал: возможно, такое противостояние и способствуют повышению рейтингов, но как быть с репутацией канала, передачи, модератора?» [6, 3-4]. Очевидно, что политические ток-шоу сегодня скорее раздражают аудиторию, которая, не видя конструктива, либо отказывается от просмотра, либо становится безразличной, впадает в апатию. Не связано ли это с тем, что зрители подспудно осознают, что на экране происходит лишь имитация дискурса?

Действительно, по многим параметрам передача «Право голоса» соответствует понятию дискурса, предполагающего неоднозначность обсуждаемой проблемы, высокую степень сложности в ее решении, наличие большого числа точек зрения, мнений, зачастую противоречивых. Второй критерий существования дискурса — наличие коммуникационного пространства, организуемого автором при участии аудитории по какому-то актуальному поводу — также соблюден: в начале каждой передачи Р. Бабаян объявляет острую тему («Украина: чем хуже, тем лучше?», «Растерянность Европы», «Обуздать Россию?», «Евроненавидение» и т.п.). Казалось бы, согласно Т. Ван Дейку, дискурс как «понятие, касающееся речи, актуального воздействия», «дискурс — актуально произнесенный текст» [7], налицо, но есть еще ряд условий, которым должен отвечать дискурс в публицистике.

Например, информационная связность [8, 109], которая предполагает, что авторы (в нашем случае — участники передачи) стараются представить картину мира, созданную последовательно связанными событиями, действиями, фактами, ситуациями. Увы, установление связности не всегда происходит, потому что зачастую каждый участник упрямо демонстрирует лишь свое представление проблемы, не принимая во внимание даже резонные возражения. Большинство беседующих остаются статичными масками, людьми, играющими всем известные роли, а не развивающимися (благодаря новому знанию и корректным доказательствам) субъектами информационного процесса. В результате нарушается такой критерий, как «невозможность существования вне контекста», и массовая аудитория не получает адекватного отражения текущей реальности: связный коммуникативный контекст отсутствует.

Дискурсивная деятельность предполагает реализацию коммуникативных целей, и прежде всего — достижение взаимопонимания и интерпретацию. «В самом общем виде цель говорящего, достигаемая через решение ряда прагматических задач, может быть определена как «быть понятым». Дискурсивная

цель реципиента — адекватно интерпретировать, понять, что, кем и с какой целью было сказано...» [9, 13].

Разводя дискурсивные цели коммуникантов, можно схематично представить структуру публицистического дискурса в виде двух уровней: внутреннего и внешнего. Внутренний уровень дискурса — это так называемый «авторский пласт», непосредственно связанный с построением текста, его развитием (его формирует инициатор дискурсивной деятельности, т.е. автор). Сюда входит мировоззренческий аспект, здесь интертекстуальность, на которую ориентируется автор; подтекст, им подразумеваемый; стиль и прочие признаки авторской модальности. Внешний уровень дискурса — пласт воспринимающего сознания. Он активизируется в тот момент, когда текст попадает к адресату. Внешний уровень дискурса определяется такими факторами, как индивидуальные особенности личности адресата, его мировоззрение, точка зрения на затронутую проблему, багаж знаний, осведомленность о теме и прочие пресуппозиции (дискурс адресата). При этом эффективность коммуникационного посыла зависит от «совпадения когнитивных баз» адресанта и адресата. Дискурсивность публицистического текста предполагает активное взаимодействие внутреннего и внешнего уровней дискурса.

В процессе восприятия публицистического дискурса возникает опасность неверного толкования адресатом авторских интенций. Причиной этого становятся сопровождающие этот процесс «шумы», не все из которых автор может учесть при создании текста: оформление материала, его окружение (элементы оформления текста; время коммуникативного воздействия, психологический фон при возможном контакте и проч.). «Шумы» не могут не влиять на формирование внешнего уровня дискурса, то есть на сам процесс восприятия текста аудиторией. Но «шумы» могут быть и преднамеренными, в таком случае они используются с целью манипуляции сознанием воспринимающего — и это в современных ток-шоу наблюдается сплошь и рядом.

Таким образом, внутренний и внешний уровни дискурса непосредственно связаны с экстралингвистическими факторами, определены ими и взаимодействуют друг с другом. В этом механизме взаимодействия и заключается суть дискурсивности публицистического текста. Взаимодействие внутреннего и внешнего уровней дискурса предполагает качественные преобразования в формировании картины мира у реципиента, что не всегда происходит и в передаче «Право голоса». Хотя вдумчивый зритель, дополняющий свои знания из многих других источников информации, может активно использовать их при оценке дискуссии и делать правильные выводы. И это также результат публицистического дискурса. Ведь аудитория не обязательно безоговорочно принимает авторский дискурс, так как у нее

может быть собственная точка зрения. Благодаря такому столкновению позиций и происходит активизация диалога между автором и аудиторией. Этот этап и представляет собой со-творчество. Объемность публицистического дискурса как раз проявляется в том, что адресант порождает дискурс, задает направление, а адресат, в свою очередь, обращаясь к дискурсу автора, корректирует свой собственный дискурс, формирует его в процессе обработки информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. — Москва, 1986.
  2. Стюфляева М. И. Поэтика публицистики / М. И. Стюфляева. — Воронеж, 1975.
  3. Филиппов К. А. Лингвистика текста / К. А. Филиппов. — Санкт-Петербург, 2007.
  4. Редькина Т. Ю. Особенности номинации в публицистическом тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Ю. Редькина. — Санкт-Петербург, 2004.
  5. Тулупов В. В. Информационно-психологическое противостояние / В. В. Тулупов // Акценты. Новое в массовой коммуникации. — Воронеж, 2015. — № 7-8. — С. 2-4.
  6. Тулупов В. В. Современная журналистика: перерождение или подмена деятельности? / В. В. Тулупов // Акценты. Новое в массовой коммуникации. — Воронеж, 2017. — № 5-6. — С. 2-4.
  7. Ван Дейк Т. А. К определению дискурса / Т. А. Ван Дейк. — URL: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 13.10.17).
  8. Щелкунова Е. С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации / Е. С. Щелкунова. — Воронеж, 2004.
  9. Милевская Т. В. Грамматика дискурса / Т. В. Милевская. — Ростов-на-Дону, 2003.
- Институт гуманитарного образования и информационных технологий (Москва)*
Марчан К. В., кандидат филологических наук, старший преподаватель
E-mail: tulupovak@yandex.ru
- Institute for the Humanities and informational technologies (Moscow)*
Marchan K. V., Candidate of Philology, Senior Lecturer
E-mail: tulupovak@yandex.ru

ИЗМЕНЕНИЕ ФУНКЦИЙ ДЕТСКИХ ЖУРНАЛОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА АУДИТОРИИ

Нгуен Тхи Май Хыонг

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 22 сентября 2017 г.

Аннотация: Демократическая Республика Вьетнам уделяет большое внимание воспитанию молодого поколения страны. На это нацелены все средства массовой информации. Особенную роль здесь играют печатные издания, в первую очередь — журналы, которые юные граждане часто хранят и перечитывают. Круг деятельности детских журналов довольно широк: они воспитывают, просвещают, обучают, развлекают. Иначе говоря, они многофункциональны. Анализу этой их особенности посвящена данная статья.

Ключевые слова: детская журналистика, её функции: социально-педагогическая, культурно-просветительная, интегративная, общения, эстетическая, рекреативная.

Abstract: the Democratic Republic of Vietnam pays great attention to education of the young generation of the country. This is aimed at all the media. Here printed editions play a special role. Firstly, they are magazines, which young citizens often store and reread. The range of activities of children's magazines is quite wide: they educate, enlighten, train, entertain. In other words, they are multifunctional. This article analyzes this feature.

Keywords: kid journalism, its functions: social-educational, cultural-enlightening, integrative, communication, aesthetic, recreational.

Сегодня журналов для подрастающего поколения во Вьетнаме десятки: на любой возраст, начиная с ясельного, на любой вкус, например, для девочек — о рукоделии и моде («Мир принцесс»), для мальчиков — о машинах («Мир автомобилей»). Исследователь детской психологии Нгуен Ван Дынг сказал: «Детская пресса — духовная пища. Дети выбирают меню по требованиям возраста, пола, уровня знаний» [1].

Такие журналы для самых маленьких, как «Детская улыбка», «Маленькое солнце», не адресованы только дошкольникам. Шестилетние первоклассники с удовольствием прочитают в «Маленьком солнце» небольшие рассказы о фестивале воздушных шариков, о ледяных гостиницах, об орангутангах Малайзии, выпрашивающих кофе у туристов, о том, что жонглирование помогает развивать мозг. Они воспримут массу идей об изготовлении своими руками новогодних подарков и костюмов. Но среди персонажей, одетых в маскарадные костюмы, даже самые маленькие дети узнают героев мультфильмов, увиденных ранее на экране телевизора. Узнавание предметов на картинках, стремление назвать их самому формирует речь — орудие мышления. Рассматривая со старшими журнал, ребёнок охотно отвечает на вопросы, где домик, где цветок, где кукла. Окажутся для них понятными и комиксы о кошках и собаках, медведях и зайчиках, рыбах и лягушках. Это будет для них и уроком по развитию речи: наблюдая за происходящим на экране, дети запоминают героев

и называют их, увидев в журнале. В «Детской улыбке» часто публикуются стихи со звукоподражанием или с необходимостью найти рифму.

Большое количество журналов адресовано школьникам, но многие дети знакомятся с ними и в дошкольном возрасте. Таков, например, журнал «Маленький ученый». Он дает представление о мире, о населении планеты. Его постоянные герои не только юные вьетнамцы, но и африканцы, и европейцы. В основе их общения лежат понятные детям инстинкты и эмоции, такие, например, как инстинкт самосохранения. Дети запоминают, чего нельзя делать, чтобы не попасть в беду. Оцениваются такие качества, как доброта и жадность. Начинающему читателю ещё трудно понять такие рассуждения без иллюстрации. Картинка помогает понять прочитанное (или рассказанное по ней). Появляются первые задания: на одной странице журнала картинка, где детская комната аккуратно прибрана, на другой изображены разбросанные книжки, карандаши, игрушки. Задание — мысленно поставить всё на место, после чего сделать то же самое и в своей комнате. Так совершаются первые шаги по формированию характера. Журнал предлагает массу настольных игр, тем самым развивая общение дошкольников.

Более сложные задания: наблюдение за окружающим миром, за отношениями и действиями людей, знаменуют собой начало новой фазы развития ребёнка. В шесть лет он уже школьник. Он входит в социум. О трудностях этого вхождения юные авторы рассказывают в постоянной рубрике журнала

«Дети». Рубрика называется «Моя история». На каждый такой рассказ приходит по несколько откликов. Прочитав очередную «историю» на сайте журнала, некоторые маленькие читатели откликаются сразу, и тогда их отклики публикуются в цветных овалах на одной странице с «историей». Иногда «истории» сопровождаются присланными детьми анекдотами на обсуждаемую тему:

– Надо учиться трудолюбию у пчёл! — Это невозможно: пчёлы не говорят по-человечески!

– Выучишь эти стихи — получишь мороженое! — Дай стихи покороче, мороженщик уходит.

– Дарю тебе ножницы! — Отчего ты сегодня такой щедрый? — Да они поломались, ими всё равно нельзя пользоваться!

Эти примеры показывают, что журнал «Дети» активно общается с читателями, всячески поощряет их связь с редакцией. На его страницах печатаются репортажи о разнообразных детских соревнованиях, конкурсах, олимпиадах. Так, в № 65—66 за 2016 год находим репортаж из города Ня Чанг, где проходил фестиваль «Солнце родины», на котором соревновались юные любители науки, искусства и спорта. В этом же номере опубликован богато иллюстрированный очерк об одном из победителей конкурса изобразительного искусства, юном пейзажисте Нгуен Вьет Дык Ху. Журнал поощряет и любознательность школьников, связанную с учебным процессом, отвечая на самые неожиданные вопросы школьников:

– Почему стрелки часов всегда бегут в одну сторону?

– Почему российское озеро Карачай считается самым опасным местом на планете?

– Как чистят океан от мусора?

Журнал «Золотая черепаха» адресован той же аудитории, в нём меньше материалов для чтения, но больше — для активной деятельности: настольных игр, раскрасок, выкроек, чертежей и изображений готовых самоделок. Совместная деятельность объединяет детей, приучает к обмену мнениями, обсуждению прочитанного, увиденного, самостоятельно выполненного. Таким образом, журналы для детей 7—8 лет уже содержат интегративную функцию (консолидирующую, объединяющую). Консолидация по возрасту дополняется консолидацией по полу: мальчикам адресуется журнал «Мир автомобилей», девочкам — «Мир принцесс». В первом из этих журналов портреты героев исключительно мужские: космонавты, ученые, спортсмены. Портретов немного. Большинство страниц занято изображениями автомобилей. Картинки сопровождаются заданиями: написать имена гонщиков, занявших первое место в соревновании именно на этой машине, соединить изображение машины с именем предприятия, ее изготовившего. Есть задания и более творческие: раскрасить машины в цвета, какими обычно их красят на предприятиях, нарисовать

передвижную фабрику-кухню и придумать меню для нее. В «Мире принцесс» мужчина может появиться, но это именно Принц. К встрече с ним и готовятся «юные принцессы», ухаживая за комнатными растениями, познавая азы моды и кулинарии, занимаясь искусством и спортом.

Как нами уже отмечалось, у вьетнамских детских журналов нет четкой градации, к какой именно возрастной группе относится данное издание, и читатели не переходят из журнала в журнал, как из класса в класс: одни жалеют расставаться с полюбившимся журналом, другие спешат забежать вперед в ожидании более интересной и полезной для себя информации. Формально принадлежность журналов к той или иной детской аудитории соответствует возрастной группе, соотносящейся с соответствующей ей общественной организацией: 6—9 лет — Союз детей, 10—15 лет — пионерия — с 16 лет — комсомол. Такая структура сложилась еще в мае 1941 г., сразу после возвращения Хо Ши Мина из изгнания. Все три организации носят его имя.

При возрастной оценке аудитории журналисты, педагоги и психологи как у нас, так и в России часто пользуются общим термином «подростки», объясняя, что это «группа, состоящая из трёх условных подгрупп: младшие подростки — 10—11 лет, старшие подростки — 12—14 лет, юношество — 15—17 лет (из всего возрастного периода юности нами выделяется лишь ранняя юность)» [2]. В работах вьетнамских исследователей мы также довольно часто встречаемся с термином «подростки», распространённым на всю учащуюся молодёжь, начиная с десятилетнего возраста, но коллективы редакций определяют свой читательский контингент более чётко, и в принципе он совпадает с делением на группы, предложенным россиянами.

Младшие подростки — это уже пионеры. На принадлежность большей части читателей к пионерской организации говорят и названия журналов: «Пионер Хо Ши Мина», «Пионерский галстук». Они много рассказывают о жизни подростков, очень часто — это публикация детских писем с их последующим обсуждением. Здесь функция общения приобретает новую форму. Школьники начинают с помощью журнала общаться между собой, просят совета у ровесников, иногда — у психологов, с которыми сотрудничает большинство журналов: «Я хорошо учился в сельской школе, но моя семья переехала в город. Я слышал, что городские ребята очень хорошо учатся и много знают. Смогу ли я догнать их, дайте мне совет». Психологический эксперт журнала «Цветы школьников» Чан Ван не только ответил мальчику на страницах журнала на его вопрос, но и взял над ним шефство. Организуются диспуты по письмам. В обсуждении сложных вопросов принимают участие старшие товарищи: комсомольские руководители, учителя. На этом возрастном этапе особенно активно проявляет себя воспитательная функция.

Обсуждаются такие сложные темы, как патриотизм, интернационализм, права человека.

Долгое время детские журналы старались не касаться вопросов социального неравенства, считая, что это тема разговора с детьми более старшего возраста. Но в конце 1980-х — начале 1990-х гг. тенденция раннего ухода из школы на производство с целью помочь родителям усилилась, и тема совмещения учёбы и участия в производительном труде вышла на первый план. Вопрос обсуждался на государственном уровне. Было принято решение создавать близкие к месту жительства детей специальные трудовые объединения, в которых дети могли бы работать по 2—3 часа в день, получая соответствующее вознаграждение и овладевая в то же время квалификацией. В такие объединения предлагалось привлекать и тех ребят, которые ещё не вернулись в школу. Окружение сверстников, совмещающих учёбу и работу, должно было положительно влиять на них, что в итоге подтвердилось. О судьбах таких детей пионерские журналы пишут довольно часто. В № 125—126 «Пионера Хо Ши Мина» за 2016 г. рассказывается о тринадцатилетнем деревенском мальчике из бедной многодетной семьи Хо Ван Кыонге, который, чтобы помочь родителям, пел на свадьбах. Молодежная организация выдвинула его на конкурс «Вьетнамский детский идол», где он занял первое место, получил премию в 200 миллионов донгов и возможность свободно развивать свой талант.

Адресованный пионерам журнал «Маленький ангел» уделяет меньше внимания крупным общественным акциям, таким, как организация детских трудовых объединений или общегосударственных смотров, конкурсов, соревнований, но его значительная роль в воспитании юных вьетнамцев неоспорима. Например, в № 273 за 2017 г. мы находим материалы о военно-патриотическом воспитании (репортаж о походе в сеть тоннелей Кути, где отважно действовали вьетнамские партизаны), интересные рассказы, расширяющие знания о мире (природа и культура Гавайских островов, самые красивые архитектурные сооружения мира, история календарей). В этом журнале, пожалуй, больше, чем в других подобных изданиях, говорится о семейной жизни. Такие рассказы чаще всего носят юмористический характер, но учат юных читателей с юмором относиться к собственным ошибкам и неудачам.

Чем старше становится ребёнок, тем заметнее усиливаются в адресуемых ему журналах культурно-просветительные функции. Если в журналах для младших школьников тема патриотизма, например,

раскрывалась с помощью репортажей с мест героических сражений, которые посетили школьники, то в таких журналах, как «Молочный чай для души», «Фиолетовые чернила», «Цветы школьников», она раскрывается в очерках, где есть место и описаниям природы страны, и ее географического положения, и её истории. Наверное, стоило бы здесь особо выделить и эстетическую функцию, обратив внимание на то, как хорошо подобраны рассказы и стихи, как они качественно проиллюстрированы, как хорошо рисунки соединяются с текстом. Отметим также активное участие юных авторов не только в написании заметок и коротких откликов на обсуждаемые в журналах проблемы, но и создании собственных очерков и рассказов. Не случайно писатель Лэ Ван Тхао, председатель Союза писателей города Хошимина, сказал: «В течение последних двадцати лет журнал «Фиолетовые чернила» стал одним из журналов, развивающих и вдохновляющих потенциальных писателей-подростков» [3, 12]. Здесь стоит отметить также и рекреативную функцию, поскольку ее роль (разумеется, с учетом вклада взрослых авторов) тоже очень велика.

В журнале «Цветы школьников» не просто ведется пропаганда нужных стране профессий, но и даётся яркая картина завтрашнего дня страны. Так, в № 1194 журнала «Цветы школьников» опубликована интересная статья Хонг Тхань Хоаи «Новая империя?» о «четвёртой промышленной революции». Автор называет Эстонию, Японию и Индию ведущими странами этой революции, поскольку в них дети изучают программирование уже в начальной школе. Логически связан с этой статьей и опубликованный в том же номере журнала комментарий Хи Ди «Какой язык изучать в школе в 2017 году?» Автор представляет графики и диаграммы, составленные Международной ассоциацией языковых центров (IALC), из которых ясно, какие языки мира используются наиболее часто. Традиции журналов для школьников продолжает и популярный у старшеклассников журнал «Вьетнамские студенты», в котором тоже много говорится о выборе жизненного пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nguyễn Văn Dũng. Báo chí với trẻ em / Nguyễn Văn Dũng. — Hà Nội: Nhà xuất bản Lao động, 2004.
2. Цымбаленко С. Б. Российские подростки в информационном мире / С. Б. Цымбаленко, А. В. Шариков, С. Н. Щеглова. — Москва: ЮНПРЕСС, 1998.
3. Lê Văn Thảo. Ngày hội của những người viết trẻ / Lê Văn Thảo // Tạp chí Mực tím. — 2008 — № 663.

Воронежский государственный университет
Нгуен Тхи Май Хыонг, аспирант факультета журналистики
E-mail: maihuong16101989@gmail.com

Voronezh state University
Nguyen Thi Mai Huong, Postgraduate Student of the Journalism Department
E-mail: maihuong16101989@gmail.com

ФАКТОРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ НОМИНАТИВНЫМИ СРЕДСТВАМИ В ТЕКСТЕ СМИ

М. Е. Новичихина, Н. С. Самойленко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 августа 2017 г.

Аннотация: работа посвящена проблеме позиционирования объекта или явления в тексте СМИ номинативными средствами. Предлагается факторная методика исследования эффективности позиционирования. Преимущество данной методики заключается в учете взаимопересекающихся параметров.

Ключевые слова: позиционирование, номинация, эффективность позиционирования, факторный анализ, семантическое пространство.

Abstract: this work is devoted to the issue of positioning efficiency of object or phenomenon in media texts by means of nomination. Factor analysis is used to study efficiency of positioning. The advantage of this method is that it counts mutually intersecting options.

Keywords: positioning, nomination, efficiency of positioning, factor analysis, semantic space.

Данное исследование посвящено актуальной и недостаточно изученной на сегодняшний день проблеме позиционирования объекта или явления в тексте СМИ номинативными средствами.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена, с одной стороны, расширением практики целенаправленного позиционирования, а с другой стороны — назревшей необходимостью поиска путей и способов оценки эффективности позиционирования.

Гипотезой предпринятого исследования послужило предположение о возможности как качественной, так и количественной оценки эффективности номинативного способа позиционирования в СМИ.

Опишем суть поставленной в работе проблемы и проведенного исследования.

Прежде всего, отметим, что в условиях трансформационных процессов, свойственных современной журналистике, актуализируется ряд новых функций журналистского текста. Одной из таких функций, с нашей точки зрения, можно считать позиционирующую функцию. Она заключается в формировании позиции массовой аудитории по отношению к определенным объектам действительности (явлениям, процессам и т.д.).

Заметим, что позиционирование представляет собой процесс создания и поддержания понятного адресату образа объекта или явления. Оно играет чрезвычайно важную роль в процессе коммуникации. Позиционирование можно рассматривать как своеобразное «выпячивание» определенных характеристик и особенностей объекта, именно поэтому ведущую роль в процессе позиционирования играет языковая номинация.

Избранный вариант номинации позволяет актуализировать в сообщении ту или иную информацию, незаметно «скорректировать» реальную действительность в представлении адресата, сформировать так называемую медиареальность. Адекватный выбор способа номинации позволяет позиционировать именуемый объект в соответствии с целями и задачами автора сообщения.

Основной особенностью, обуславливающей вариативность употребляемых номинаций, является так называемая гетерономинативность. Реализация того или иного варианта номинации формирует (в ряде случаев) принципиально разное представление об объекте, например: *бандиты — повстанцы, госпереворот — революция, аннексия — воссоединение* и т.п. С нашей точки зрения, именно в гетерономинативности кроются истоки эффективного позиционирования с той или иной целью.

При этом под эффективным позиционированием мы понимаем соответствие целей номинатора и полученного результата — сформированного отношения аудитории.

Совершенно очевидно, что недостаточно выбрать адекватный вариант номинации с целью позиционирования объекта или явления, необходимо оценить степень эффективности соответствующего воздействия на массовую аудиторию.

Одним из путей такой оценки является расчет особого количественного показателя — индекса эффективности позиционирования (см.: [14]).

В данной работе предпринимается очередная попытка количественной оценки эффективности позиционирования в тексте СМИ номинативными средствами.

Для реализации поставленной задачи была разработана и апробирована методика, предполагающая реализацию следующих этапов.

На первом этапе был проведен контент-анализ медиатекстов с целью выявления объектов исследования. Был сформирован перечень информационных поводов, послуживших материалом для работы. При этом был взят временной отрезок с 2012 по 2017 гг., выбор которого обусловлен крайней актуальностью и значимым количеством информационных поводов, получивших широкое освещение в СМИ за обозначенные 5 лет; эти информационные поводы, приведены ниже в хронологическом порядке:

- *события на Болотной площади (2012 год);*
- *эскалация военного конфликта на Юго-Востоке Украины с 2013 года по настоящее время;*
- *обострение политической ситуации, Украина, 2014 год;*
- *обострившаяся политическая ситуация вокруг Крымского полуострова (2014 год);*
- *сирийский конфликт (2015—2017 годы);*
- *несанкционированные митинги в России 26 марта 2017 года.*

В общей сложности были рассмотрены 254 публикации, освещающие отобранные информационные поводы. При этом были исследованы публикации как в российских, так и в западных СМИ.

На следующем этапе исследования были определены непосредственно объекты позиционирования и — далее — конкретные варианты их номинирования. Например, информационный повод *эскалация военного конфликта на Юго-Востоке Украины с 2013 года по настоящее время* позволил выделить такой объект позиционирования в СМИ как *лица, воюющие против украинской армии на Юго-Востоке Украины*.

Выявлено, что для номинирования названного объекта позиционирования в российских и украинских СМИ используются следующие варианты: *ополченцы, силы самообороны, армия Новороссии, силы самообороны, силы сопротивления, защитники, боевики, террористы, бандиты, наемники, колорады, ватники, захватчики* и др.

Отобранный практический материал позволил на следующем этапе исследования провести свободный ассоциативный эксперимент, в ходе которого респондентам были предложены отобранные позиционирующие номинации (они же слова-стимулы в ассоциативном эксперименте), а также задание указать слова-ассоциации к этим стимулам.

Обработка результатов ассоциативного эксперимента позволила построить ассоциативные ряды каждой исследуемой номинации. Например, ассоциативный ряд номинации *защитники* выглядит следующим образом (результаты приведены ниже в следующем виде: а) слово-стимул; б) количество информантов, опрошенных по данному стимулу; в) слова-реакции в порядке убывания частотности

(с указанием этой частотности); при этом равночастотные реакции даны в алфавитном порядке; г) количество отказов (т.е. число информантов, не давших реакцию на данный стимул):

ЗАЩИТНИКИ 60 — отечество 18, фильм 12, нападающие 5, народ 3, стойкость 2, опора 2, герои 2, молодцы 2, защита 2, армия 2, солдаты 2, враги 2, орден 1, мужество 1, страны 1; отказ — 3.

Анализ полученных ассоциативных рядов показал, что выявленные ассоциативные характеристики исследуемых номинаций оказываются взаимосвязанными (например, у стимулов-номинаций *защитники* и *силы самообороны* выявляются общие ассоциации: *защита, армия, народ* и т.д.). Наличие совпадающих ассоциаций свидетельствует о том, что в процессе оценки эффективности использования той или иной номинации с позиционирующей целью должен использоваться метод, учитывающий взаимопересекающиеся параметры.

Представляется, что одним из таких методов может быть так называемый метод факторизации.

Заметим, что в практике гуманитарных исследований все чаще наблюдается обращение к математическому аппарату, к статистическим методам обработки информации. Использование математических методов, привносящих в исследование языковых единиц объективность и количественные статистические критерии, есть, бесспорно, перспективный путь. Отметим, однако, что это приемы, лишь облегчающие, но отнюдь не решающие проблемы теоретической интерпретации результатов. Как справедливо отмечает А. Г. Шмелев, использование формальных процедур «не заменяет собой построения теории, так же, как аэрофотосъемка не заменяет собой теории географии или геологии» [15, 36].

Наиболее разработанным и широко используемым методом статистического анализа многомерной информации в настоящее время является названный выше факторный анализ.

Следует отметить, что в литературе по математической статистике термин «факторный анализ» используется двояко. Под факторным анализом в широком смысле понимается ряд моделей и методов, ориентированных на выявление, конструирование и анализ внутренних факторов по информации об их «внешних проявлениях» (сюда относят: компонентный анализ, анализ соответствий, методы многомерного шкалирования, кластер-анализ и др.). Факторный анализ в узком смысле охватывает значительно менее широкий класс методов выявления факторов, объясняющих связи (корреляции) между наблюдаемыми количественными признаками с помощью следующего постулата: при фиксированных значениях факторов изменения значений этих признаков не зависят друг от друга (статистически не связаны) [1, 6]. В нашей работе понятие «факторный анализ» трактуется именно в этом, втором, значении.

Можно обосновать допустимость и адекватность использования данного метода в процессе предприятия нами исследования. Необходимость и обязательность такого обоснования хорошо показана М. В. Мачавариани, заметившего, что «математический аппарат сам по себе обладает достаточной точностью и надежностью, но вся суть в том, что для того, чтобы эти качества эффективно проявились, нужно точно определить сферу его применения, найти такую адекватную область, где работа аппарата имела бы смысл, давала конкретные результаты. Вся сложность заключается в том, что наиболее абстрактные и отвлеченные методы применяются к живым, конкретным фактам языка. Поэтому эти методы стоит применять только в том случае, если в этом живом материале выделить такие стороны, найти такие характеристики, которые, с одной стороны, поддадутся обработке математическим аппаратом, а с другой — выявят сущность самого языка» [5, 90].

В основе факторного анализа лежит представление о том, что исследуемая система признаков содержит как необходимые, существенные, так и сопутствующие, несущественные (в данном случае), признаки. Такая «избыточность» информации — результат того, что многие признаки в эмпирических данных заведомо взаимосвязаны, и за множеством наблюдаемых характеристик объекта стоит относительно небольшое число независимых, фундаментальных параметров — факторов. Как видим, исходные постулаты факторного анализа соответствуют нашему представлению о механизме восприятия позиционирующих номинаций носителем языка. Исходная гипотеза о многоплановости такого восприятия, о наличии взаимопересекающихся параметров позволяет обратиться к аппарату факторного анализа с целью «сжатия» этих параметров и выявления неких комплексных признаков — факторов.

Уточним, что под факторами, вслед за П. Благушем, мы будем понимать гипотетические, непосредственно не измеряемые (латентные) показатели, в той или иной мере связанные с измеряемыми характеристиками [1, 5]. Последние выступают, таким образом, в роли внешних проявлений этих факторов.

Опыт прикладного использования статистической процедуры факторного анализа описан в работах [2], [4], [6], [7], [8], [9], [13], [16], [17] и др. и был учтен в нашем исследовании.

Применяемая в работе программа, выполняющая факторный анализ данных, представленных в виде прямоугольной матрицы, по методу главных компонент с учетом критерия Кайзера, использует стандартные модули SPSS Statistics. SPSS Statistics (аббревиатура от англ. Statistical Package for the Social Sciences — «статистический пакет для социальных наук») — это компьютерная программа для статистической обработки данных, один из лидеров рынка в области коммерческих статистических продуктов,

предназначенных для проведения прикладных исследований в социальных науках.

Продемонстрируем опыт использования статистической процедуры факторного анализа в процессе оценки эффективности позиционирования такого объекта позиционирования, как *лица, воюющие против украинской армии на Юго-Востоке Украины*.

Для построения исходной матрицы данных были использованы материалы описанного выше ассоциативного эксперимента: его результаты были представлены в матричном виде. Столбцы матрицы соответствовали анализируемым номинациям, строки матрицы — свободным ассоциациям к ним. Сама матрица заполнялась индексами яркости выявленных ассоциаций (при этом индекс яркости ассоциации определялся как отношение числа респондентов, предложивших данную ассоциацию, к общему числу опрошенных).

Как уже было сказано выше, процедура факторного анализа позволяет уплотнить, статистически «сжать» матрицу, сведя обилие экспериментальных данных к небольшому числу некоррелирующих между собой признаков — факторов.

Компьютерная обработка матрицы экспериментальных данных методом главных факторов с помощью программы SPSS Statistics привела к результатам, представленным в табл. 1.

Таблица 1
Результаты факторизации

	Факторы	
	1	2
Защитники	-,295	,089
Повстанцы	-,367	,640
Силы Самообороны	-,225	-,503
Ополченцы	-,028	-,651
Захватчики	,677	,094
Террористы	,653	,105
Боевики	,409	,106
Наемники	,025	,140

Следующий этап был связан с процедурой построения семантического пространства изучаемых номинаций.

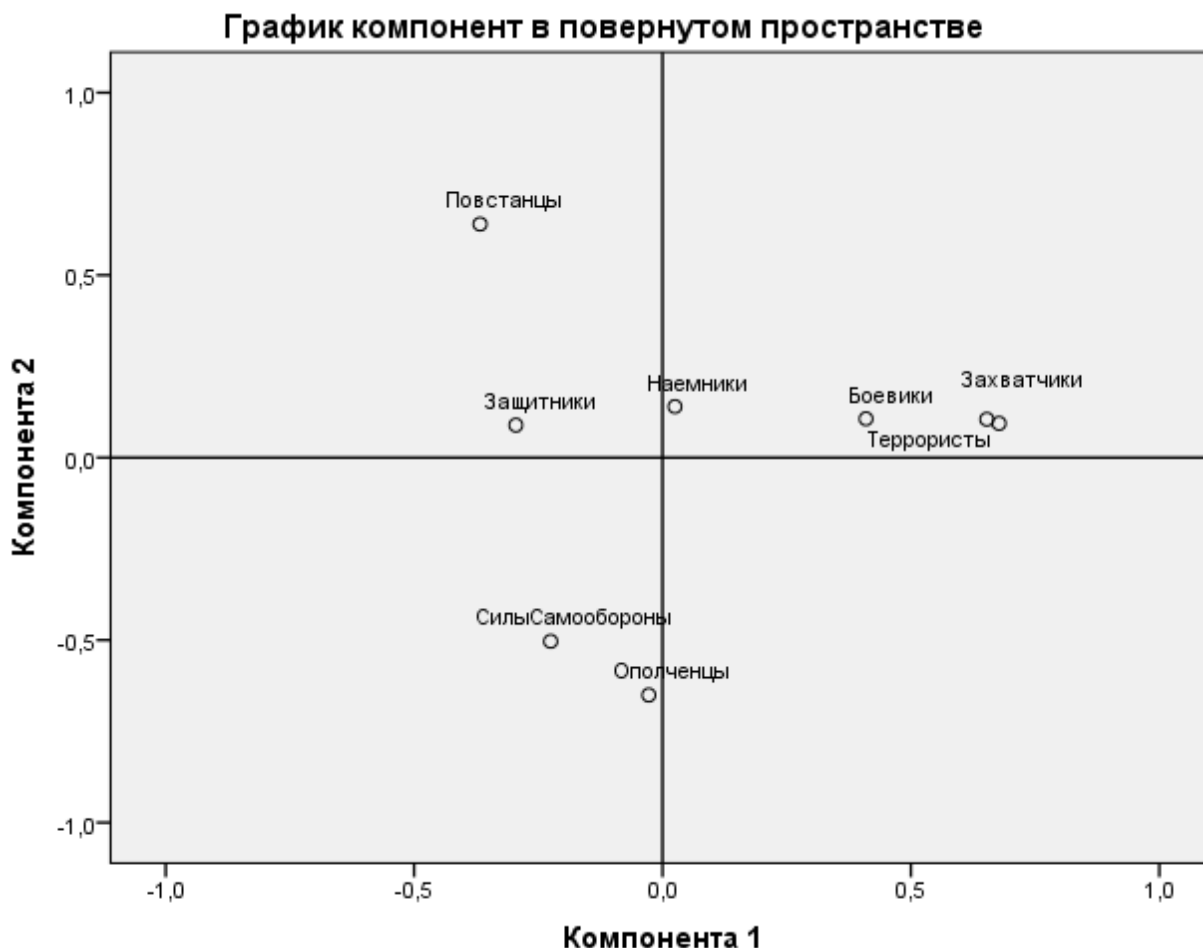
Под семантическим пространством лексических единиц мы будем понимать, вслед за В. Ф. Петренко, пространство признаков, структурированных в более емкие категории-факторы, выступающие мета-языком анализа исследуемых значений [11, 29-30] (ср. также термин «пространство восприятия», введенный С. А. Клигером, М. С. Косолаповым, Ю. Н. Толстой [3, 831]).

Выделяют три последовательных этапа в построении семантического пространства [10, 23-25]. Первый связан с выделением содержательных связей анализируемых объектов. В нашей работе — это выполнен-

ный этап опроса испытуемых. Второй этап включает математическую обработку исходной матрицы с целью выяснения лежащих в ее основе универсумов (факторный анализ). Третий этап построения семантического пространства связан с отмеченной проблемой интерпретации факторов. Можно было

бы указать на четвертый, заключительный, этап — этап графического представления семантического пространства.

На основе результатов факторизации программой SPSS Statistics было построено семантическое пространство исследуемых обозначений.

Проведем анализ построенного семантического пространства. Совершенно очевидно, что выявляется четкая поляризация исследуемых номинаций по фактору Ф1, условно интерпретируемому как фактор оценки: повстанцы, защитники, силы самообороны, ополченцы (на одном полюсе) и захватчики, террористы, боевики, наемники (на другом полюсе).

Фактор Ф2 условно интерпретировался нами как фактор активности. Сам факт его выявления свидетельствует о том, что позиционирование в тексте СМИ не следует рассматривать как «выпячивание» лишь одной значимой характеристики объекта или явления (ср. с точкой зрения, излагаемой в теории маркетинга: [12, 37]). Между тем, очевидно, что фактор Ф2 (по сравнению с фактором Ф1) является «менее значимым»: расстояние между «полярными» номинациями по соответствующей оси графика меньше, чем расстояние между «полярными» номинациями по оси Ф1 (см. таблицу 1). Можно утверждать, что позиционирование обсуждаемого объекта номинации осуществляется

в текстах СМИ, преимущественно по фактору оценки Ф1, т.е. по принципу *хорошо — плохо, положительный — отрицательный*. При этом, как видим из графика, построенного программой SPSS Statistics, наиболее успешно задачу позиционирования решают номинации *повстанцы, защитники*.

Заметим, что данный результат хорошо коррелирует с результатами, полученными на предшествующих этапах исследования [14]. Используемый в указанной работе метод расчета индекса эффективности позиционирования и обсуждаемый в данном случае метод факторизации можно рассматривать как взаимодополняющие.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

- оценка эффективности позиционирования номинативными средствами в тексте СМИ может осуществляться с использованием статистической процедуры факторного анализа;

- результаты исследования эффективности позиционирования номинативными средствами методом факторного анализа хорошо коррелируют с другими методами исследования;
- факторное исследование позиционирования номинативными средствами в тексте СМИ позволяет получить статистически надежные и объективные результаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Благуш П. Факторный анализ с обобщениями / П. Благуш. — Москва: Финансы и статистика, 1989.
2. Жуковская В. М. Факторный анализ в социально-экономических исследованиях / В. М. Жуковская. — Москва, 1976.
3. Клигер С. А. Шкалирование при сборе и анализе социологической информации / С. А. Клигер. — Москва: Наука, 1978.
4. Лоули Д. Факторный анализ как статистический метод / Д. Лоули. — Москва: Мир, 1967.
5. Мачавариани М. В. О взаимоотношении математики и лингвистики / М. В. Мачавариани // Вопросы языкознания. — 1963. — № 3.
6. Мягкова Е. Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования / Е. Ю. Мягкова. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990.
7. Новичихина М. Е. Факторный анализ в психолингвистике / М. Е. Новичихина // Тезисы 7-й межвузовской конференции молодых ученых. — Липецк, 1993.
8. Новичихина М. Е. Факторная модель лексикона человека / М. Е. Новичихина, А. В. Могилев // Methodology of mathematical modeling: Seventh International Interdisciplinary Symposium on Methodology of Mathematical Modelling — Sofia, 1994.
9. Новичихина М. Е. К вопросу об использовании факторного анализа в лингвистической экспертизе товарных знаков / М. Е. Новичихина // Вестник ВГУ. — Сер.: Филология. Журналистика. — Воронеж, 2014. — № 1. — С. 189-194.
10. Петренко В. Ф. Экспериментальная психосемантика: исследования индивидуального сознания / В. Ф. Петренко // Вопр. психологии. — 1982. — № 5. — С. 23—35.
11. Петренко В. Ф. Психосемантические исследования мотивации / В. Ф. Петренко // Вопр. психологии. — 1983. — № 35. — С. 29-39.
12. Райс Эл. Позиционирование. Битва за умы / Эл Райс, Дж. Траут. — Санкт-Петербург, 2015.
13. Репин С. В. Математические методы обработки статистической информации с помощью ЭВМ / С. В. Репин. — Минск: Университетское, 1990.
14. Самойленко Н. С. Ассоциативное исследование возможностей номинации как инструмента позиционирования в СМИ / Н. С. Самойленко // Вестник ВГУ. — Сер. Филология. Журналистика. — Воронеж, 2017. — № 2. — С. 123-126.
15. Шмелев А. Г. Традиционная психометрика и экспериментальная психосемантика: объектная и субъектная парадигмы анализа данных / А. Г. Шмелев // Вопр. психологии. — 1982. — № 5.
16. Deese J. The structure of associations in language and thought / J. Deese. — Baltimore, 1965.
17. Osgood G. E. The measurement of meaning / G. E. Osgood. — University of Illinois Press, 1957.

Воронежский государственный университет

Новичихина М. Е., доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью

E-mail: novichihiname@mail.ru

Самойленко Н. С., аспирант кафедры связей с общественностью

E-mail: samoilenkons@gmail.com

Voronezh State University

Novichihina M. E., Doctor of Philology, Professor of the Public Relations Department

E-mail: novichihiname@mail.ru

Samoilenko N. S., Postgraduate Student of the Public Relations Department

E-mail: samoilenkons@gmail.com

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СМИ ПРИДНЕСТРОВЬЯ: ОТ ПАТЕРНАЛИЗМА К ПАРИТЕТУ

С. В. Олейников

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко

Поступила в редакцию 23 октября 2017 г.

Аннотация: монополизация государством СМИ способствует созданию иллюзии взаимодействия социальных и политических институтов, затрудняя их «прогрессивную» эволюцию к более высоким системным уровням и снижая адаптивную способность массовой аудитории к включению и генерализации ценностей. Отсутствие реальной политической конкуренции и социально ориентированного диалога чревато активным использованием манипулятивных технологий традиционными СМИ при формировании информационной повестки дня и попытках создания иллюзии устойчивого развития консолидированного общества.

Ключевые слова: постулаты коммуникации, социальная идентификация, коммуникативные тактики и стратегии, манипуляция сознанием.

Abstract: the monopolization of media by the state promotes the illusive creation of interaction of social and political institutes, complicating their "progressive" evolution to higher system levels and reducing adaptive ability of mass audience to inclusion and generalization of values. As there is absence of the real political competition and socially oriented dialogue, traditional media actively use the manipulative technologies by the forming of the information agenda and trying to create the illusion of sustainable development of the consolidated society.

Keywords: communication postulates, social identification, communicative approaches and strategies, mind control.

Стремительный технический и технологический процесс, во многом трансформировавший природу социальной коммуникации, минимизирует усилия государственной системы (которая, к сожалению, так и не смогла избавиться от командно-административного синдрома) по сохранению и укреплению в обществе предлагаемых идеологических, политических, культурных и информационных моделей социальной действительности. Традиционно исповедуемые государством универсалии — национальная идея, внешний враг, мировой кризис и т.д. — не всегда исключают, а в условиях малых территорий гарантированно приводят к обсуждению действительно актуальных социальных проблем, накопленных в обществе. СМИ в условиях региона, где основным каналом коммуникации благодаря высокой плотности населения и высокой степени его агрегации является непосредственное общение (слухи, разговоры с родными, друзьями), теряют востребованность и доверие у аудитории.

Выполняя важнейшую информирующую функцию, СМИ обеспечивают процесс взаимодействия коммуникатора и коммуникантов, направленный на формирование в обществе различных представлений, идей, мнений, интересов, настроений, чувств, установок и т.д. Выполняя не менее важную функцию социальной идентификации, СМИ помогают лично-

сти ощутить себя гражданами своего государства, частью социальной, национальной, конфессиональной или иной группы. Именно поэтому коммуникацию без преувеличения можно считать одной из базовых потребностей в идентификационном дискурсе современной личности и общества в целом.

В общефилософском смысле коммуникация представляет собой информационное взаимодействие двух и более участников коммуникативного акта, эффективность которого зависит не только от наличия сообщения, актора, адресата и канала, но и интенсивной обратной связи, т.е. заинтересованности в общении всех субъектов коммуникации. Реализация такого процесса способствует регулированию совместной деятельности, установлению взаимопонимания, оптимизации взаимодействия сторон, возникновению новой информации, а также последующим позитивным действиям в случае отношений консенсусно-договорного типа или негативным, когда возникают отношения конкурентно-конфронтационного типа. Массовая коммуникация в этом отношении более технологична и мобильна благодаря не только масштабности адресатов аудитории, разнородности социальных групп, но и активности современных информационных институтов.

Современная практика, повсеместная информатизация всех сфер социальной деятельности, технологизация различных этапов массово-коммуникационного общения диалогового характера

свидетельствуют о том, что аудитория в большей степени подвержена воздействию электронных средств массовой информации и сетевых средств коммуникации в силу их доступности и легкости восприятия. Несмотря на то, что пресса уступает электронным средствам массовой информации по оперативности, именно материализованная информация, представленная традиционными нарративами, в большей степени сохранила принципы логического оформления и по-прежнему дает возможность читателю не только ознакомиться, но и проанализировать информационную повестку дня, исключая аудиовизуальное влияние, а иногда и давление, посредников.

Последняя мысль нередко может граничить с появлением коммуникативных барьеров, связанных с неприятием имиджа журналиста, либо стереотипных установок по отношению к определенным информационным каналам и институтам. Так, если отправитель информации (журналист) не пользуется доверием аудитории, уважением, интересом, исходящая от него информация будет воспринята и понята искаженно независимо от реального содержания текста. Данное обстоятельство приводит к необходимости учета в организации общения коммуникативной стратегии журналиста — субъекта речевого воздействия, а также эмотивного кода коммуникантов. Это обеспечивает смысловую приемлемость информации для получателя (читателя) — объекта речевого воздействия [1].

Эффективное взаимодействие адресанта и адресата зависит от следующих факторов:

- средств привлечения внимания читателя, которые могут содержаться непосредственно в журналистских текстах, а также и в опосредованной среде их размещения, связанной со статусом и авторитетностью издания;
- последовательного решения задач не столько достижения коммуникативного контакта (независимо от формы опосредования или отсроченности), сколько его удержания и усиления посредством актуализации отдельных элементов содержания (фактов, явлений) с учетом соответствующих условий и установок восприятия.

В лингвистике коммуникативную стратегию трактуют как совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели [2]. Ю. А. Антонова полагает, что посредством коммуникативных стратегий адресант воздействует на адресата, формирует схему речевых действий, которые приводят говорящего к достижению цели [3].

В журналистике коммуникативную стратегию СМИ, как правило, рассматривают с точки зрения определенной концепции, обосновывающей и оправдывающей ее существование, дающей конкретные

установки, типы реагирования, фильтрации событий, отбора материала, его подачи и трактовки [4].

Таким образом, коммуникативная стратегия СМИ может трактоваться как уникальный коммуникативный план, предполагающий определенные коммуникативные цели (на фоне определенных установок) и требующий определенной коммуникативной компетентности. Коммуникативная стратегия (через коммуникативные тактики) проявляется в типовых моделях коммуникативного — и соответственно речевого — поведения. Успешная коммуникативная стратегия базируется на основных коммуникативных постулатах:

1) постулат осмысленности: идентичность семантико-семиотических моделей коммуникантов и коммуникаторов; т.е. коммуникация должна предшествовать договоренности о том, в каких соотношениях найдется ожидаемая и проектируемая действительность;

2) постулат надежности: коммуниканты в пределах конкретного речевого сообщения имеют сходство в понимании, т.е. смысл, вкладываемый в сообщение адресантом, должен соответствовать извлекаемому адресатом в той мере, в какой это в принципе возможно;

3) постулат достаточности: используемые средства в глазах коммуникантов должны представляться достаточными как с точки зрения передаваемых, так и с точки зрения получаемых сведений;

4) постулат ситуативности: используемые языковые средства должны представляться уместными всем участникам коммуникативного акта, с учетом конкретной речевой ситуации, исключающими отторжение одной из сторон коммуникации, если иное не предусмотрено целями коммуникантов (провокационные сообщения).

Исследуя проблемы реализации коммуникативной стратегии СМИ с точки зрения искусства управления коммуникативным процессом, необходимо проанализировать особенности коммуникативных тактик, планирования тактической деятельности, поскольку именно от частных приемов, способов достижения стратегической цели зависит эффективность коммуникации. Следуя этим рассуждениям, коммуникативная тактика может быть рассмотрена как конкретная реализация стратегии, т.е. совокупность выполняемых в той или иной последовательности действий, которые достигают / не достигают целей коммуникативной стратегии и подчиняются / не подчиняются тем или иным правилам [5]. Коммуникативные действия могут осуществляться по определенному образцу, стереотипу. Однако нередко спланированный набор действий не является незыблемой догмой, он может быть скорректирован в конкретных условиях их реализации и зависит от коммуникативного поведения адресата или аудитории. Стереотипный способ коммуникативного решения, выполнения того или

иногое правила представляет собой модель коммуникативного — или речевого — поведения, которое зависит не только от самого предмета коммуникации, т.е. текста, но и от внетекстовых факторов, гипертекстового пространства, резонанс которого обусловлен актуальностью и дискуссионностью самого журналистского материала.

Основные коммуникативные стратегии печатных СМИ Приднестровья демонстрируют тип контакта между адресантом и адресатом. Выстраивание стратегии в системе равенства-неравенства коммуникантов в речевом сообщении позволяет оценить степень использования в нем так называемых средств интимизации изложения — средств языка, которые позволяют, по мнению многих исследователей, создавать эффект общения, непосредственного, личного контакта автора с читателем, воспроизводить в тексте непринужденный разговор, беседу между ними. Применение следующих синтаксических конструкций, которые традиционно относят к средствам интимизации изложения, позволяют осуществить двусторонний контакт между адресантом и адресатом:

- местоимения и глаголы 1-го лица единственного числа;
- обращения к читателю, местоимения и глаголы 2-го лица единственного или множественного числа, риторический вопрос и риторическое восклицание;
- вопросно-ответное построение текста, которое создает впечатление воображаемого диалога журналиста с читателем;
- синтаксические конструкции с присоединением, сегментацией, вставные конструкции, которые отражают неподготовленность речи, разговорные интонации в тексте.

Как свидетельствует практика, использование подобных языковых средств не всегда достигает цели: создается лишь «иллюзия диалогизации», вызывая у адресата ощущение манипулятивной стратегии журналиста. Нарушение диалогичности текстов массовой информации в большинстве случаев связано, во-первых, с предельно обобщенными, неиндивидуальными оценками; их «абстрактность» исключает опыт читателя в оценочных суждениях; во-вторых, с поспешностью, а иногда и поверхностностью выводов, которые аудитория вынуждена принимать пассивно, либо категорически отклонять, не имея возможности участвовать в дискуссии. Тем более чревата ситуация нарушениями диалогичности, когда выводы журналист преподносит в качестве аксиоматических истин, не требующих обсуждения.

В рамках данного исследования было проанализировано более ста журналистских аналитических материалов ведущих приднестровских печатных изданий, включая республиканскую газету «Приднестровье», муниципальные «Новое время», «Днестровская правда» и коммерческие «Караван», «Человек и его права» за период с сентября 2016 г. по

август 2017 г. Приднестровские журналисты активно вступают в диалог с читателями (65%), стимулируя инициативу со стороны аудитории риторическими вопросами, восклицаниями, наличием «чужих голосов» — «говорящих субъектов». Как правило, роль этих субъектов в языковом выражении оформляется несобственно-прямой речью читателя-собеседника; авторской речью, отражающей «чужое» мнение, которое может принадлежать любому читателю; вопросно-ответными конструкциями, имитируя в тексте реплики устного диалога, инициатива которого исходит от читателя, а не журналиста.

Национальная идея, связанная с борьбой за независимость Приднестровья, предопределила постоянное обращение к ставшему уже традиционным приему приднестровской журналистики, заключающемуся в апеллировании к чувствам патриотизма читателя (25%). Однако в большинстве случаев в приднестровских СМИ основной закон диалога, проявляющийся в равных правах и возможности в реализации собственных коммуникативных целей, нарушается. Коммуникативная структура подобных текстов характеризуется отсутствием однозначной распределенности между субъектами диалога: и адресант, и адресат владеют обеими ролями, инициативу говорения адресант постоянно передает другому лицу — читателю (конкретному, т.е. актуальному собеседнику), любому человеку, т.е. потенциальному собеседнику.

Используемые в печатных СМИ ПМР языковые средства и приемы в большинстве случаев не способствуют правилу двустороннего контактного поведения, а создают «иллюзию диалога» или определяют место аудитории в ряду слушающих. Это выражается в нарушении постулатов достаточности (23%) (используемые средства в глазах аудитории являются избыточными и громоздкими, особенно при освещении политических оппонентов) и ситуативности (21%) (излишняя эмоциональность и предвзятость в описании приднестровских событий исключают независимое осмысление материалов и вызывают у аудитории чувство подчиненности). Это усугубляется тем, что в сфере массовой информации речевое сообщение вообще редко дает ощущение полного равенства участникам речевого контакта. Поскольку реализовать в газетном тексте потребность в выражении, точнее, в самовыражении, читатель почти не может и равенство журналиста и читателя может быть проявлено в тексте главным образом тогда, когда успешно реализуются две коммуникативные потребности — потребности в обращении и потребности в сообщении. Тем не менее в условиях приднестровского общества СМИ ПМР достаточно успешно реализуют постулаты надежности (24%) (смысл, вкладываемый в сообщение адресантом, оптимально воспроизводится адресатом главным образом вследствие отсутствия альтернативности источника получения информации) и осмысленно-

сти (32%) (солидарность всех этнокультурных групп общества обуславливает не только понимание целей коммуникатора, но и конвергенцию проектируемой и ожидаемой действительности).

Данные выводы отчетливо свидетельствуют, что СМИ Приднестровья отстают от развития общества в том отношении, что они, до сих пор находясь в состоянии конфликта на внешнеполитическом направлении, проецируют подобные коммуникативные стратегии на все сферы своей деятельности. В то же время общественное сознание находится на стадии выхода из кризисного состояния и, испытывая острую необходимость в объективной и адекватной информации, нуждается в альтернативных коммуникантах, подвергая тем самым СМИ ПМР критике и теряя к ним доверие.

СМИ Приднестровья, выполняя свою политическую, управленческую роль в политической системе общества, вынужденно сужают диапазон тем для обсуждения, поддержки, критики и осуждения различных политических программ, платформ, идей. Попытку удовлетворения информационных интересов приднестровского общества и контроля над правительственными органами пресса выполняет официальными заметками. Отсутствие на страницах газет критических материалов в адрес государственных институтов Приднестровья «компенсируется» осуждением политики любого государства в отношении урегулирования молдово-приднестровского конфликта.

В приднестровском обществе, характеризуемом учеными как тоталитарное государственное образование, печать, радио, телевидение служат органической частью командно-административной системы, находятся в жестком подчинении у правящей элиты, в результате чего их деятельность сводится не к информированию населения о происходящем в мире, поиску истины, а к пропаганде готовых, транслируемых «сверху» идей, установок, содействуя организации выполнения не всегда разумных планов, почин и т.д. Вследствие этого в прессе часто допускают умышленно используемую некорректную, излишне эмоциональную негативную лексику, что лишает аудиторию самостоятельной оценки событий и объективного осмысления ситуации.

Таким образом, СМИ в современном приднестровском обществе безоговорочно выполняют роль инструмента пропаганды в руках правительства. В отличие от СМИ, осуществляющих деятельность в условиях демократии, они не превратились в активную влиятельную составную часть нашей политической системы, общественного судья, народного стража общественного порядка и справедливости, в неотъемлемый элемент формирующегося правового государства. На лицо парадокс: Приднестровье было образовано в результате демократических процессов в Левобережье советской Молдавии, но СМИ

Приднестровья вследствие контроля государства, с одной стороны, и усилий по отстаиванию права на государственность своего региона, с другой, не могут претендовать на статус демократических.

Теоретически степень свободы, плюрализма и независимости СМИ определяется только законодательством, однако на практике большое значение в вопросе свободы взглядов имеет точка зрения спонсоров или влияния властей. Потому для приднестровских СМИ характерен общепризнанный взгляд на какую-либо проблему.

Несмотря на то, что современный этап научно-технического прогресса определяет создание принципиально новой информационной парадигмы, включающей монополию на информацию, ситуация, складывающаяся в Приднестровье, характеризует монополией на информацию со стороны государства. И если в других странах условия демократии изменили взаимоотношения политики и журналистики, то СМИ ПМР не только подвержены административно-бюрократическому контролю со стороны исполнительной власти, но и стереотипам изложения, умышленно используя некорректную, излишне эмоциональную негативную лексику, что, безусловно, лишает аудиторию самостоятельной оценки событий и объективного осмысления ситуации.

В СМИ ПМР наблюдается дефицит «независимой», объективной информации, причиной которого является большое количество материалов на тему внешнеполитического противостояния. В связи с этим данная информация перестала выполнять изначальную функцию мобилизации общественного настроения, нагнетания обстановки вокруг сложившейся политической ситуации.

Необходимо отметить, что благодаря развитию глобальной телекоммуникационной сети Интернет, которая создает определенный противовес манипуляции общественным мнением, восстанавливается актуальность печатных текстов, вытесняемых из коммуникативной сферы телевидением и радио. Печатный текст сетевых СМИ создает более благоприятные условия для оперативной, рациональной и объективной («интеллектуально суверенной») оценки содержания, а широкий диапазон смысловой информации и возможности передачи оценочной информации делают сетевые ресурсы весьма привлекательными для массовой аудитории и повышают ее мотивированность к коммуникации.

В этих условиях значительно расширяет сферу своего влияния новый вид сетевого взаимодействия, социальная природа которого, возможно, впервые за все время человеческой цивилизации, позволяет откровенно высказывать свое мнение, выраженное в мемах различного характера (графических, текстовых, аудиовизуальных), скрываясь за вымышленными никами, логинами, профилями и другими идентификаторами виртуальной личности.

В этих условиях карательно-репрессивная функция государства в традиционном ее понимании трансформируется в сетевом измерении, ограничиваясь технологиями виртуального клонирования в целях мониторинга информационных потоков, а также отслеживания конкретных источников информации, поскольку их преследование, как правило, не представляется возможным. В большинстве случаев государственные СМИ лишь констатируют факты, реагируют на информационные провокации по отношению к политическим структурам или персонам и стараются оправдать их деятельность.

Игнорирование сетевой социальной коммуникации, которая в условиях политической изоляции, по сути, является единственным каналом взаимодействия с внешним миром как на уровне государства, так и простого гражданина, чревато появлением «фейковой», вирусной информации, способной в процессе своего распространения превратиться в активный поток мифов и провокаций. «Заражая» общественное сознание и трансформируя систему ценностей, медиавирусы способны привести к формированию устойчивых стереотипов неприятия, негативного отношения к тому или иному общественному явлению. Однако, как показывает практика, аудитория со временем вырабатывает своеобразный иммунитет к такого рода вирусам.

Двадцатилетняя ретроспектива свидетельствует о востребованности обществом скандальных, сенсационных новостей из шоу-бизнеса, которые в значительной степени удовлетворяли информационные запросы массовой аудитории, притупляя активную гражданскую позицию. На современном этапе эпатаж деятелей от культуры не вызывает устойчивого интереса у населения, уступая по популярности проблемам политической, экономической сферы. Государственные институты и их лидеры в процессе сетевой коммуникации попадают в эпицентр общественных дискуссий, которые в той или иной степени способствуют решению наиболее значимых и актуальных проблем. Однако традиционно патерналистский с коммуникативной точки зрения подход государства демонстрирует его неготовность, а иногда и откровенное нежелание выстраивать равноправный диалог с обществом. В связи с этим актуализируется роль СМИ не только и не столько как проводника государственной идеологии, сколько канала связи государства с обществом, причем последнее должно определять информационную повестку дня.

Реактивность политической системы в данных условиях отражает деятельность государственных средств массовой информации, которые, равно как и их учредители, не всегда способны проявлять гибкость в коммуникативном взаимодействии со всеми социально-политическими акторами. Директивность и декларативность традиционных СМИ, как остаточные явления предшествующих политических эпох, зачастую подрывают доверие к ним и снижают их востребованность со стороны аудитории, вынуждая ее систематически обращаться к альтернативным информационным каналам.

Многолетний опыт позиционирования государственных СМИ происходящих событий в свете, санкционированном властью, а также искусственно актуализированного постпозиционирования знаковых исторических культурных событий, затрудняет переход к новому формату вещания, в котором доминирует предпозиционирование социально значимой информации. Альтернативные традиционным коммуникативные каналы, имея более высокий рейтинг среди населения, не только укрепляют свои позиции, расширяя якобы независимую информацию, но и могут готовить аудиторию к определенным социальным трансформациям, зондируя ее состояние и формируя в обществе определенные настроения. Согласованное функционирование государственных и социальных институтов, способствующее эффективному развитию страны, возможно при условии открытого коммуникативного взаимодействия, адекватного приобретенному в результате доступа к альтернативным источникам информации опыту населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основы теории коммуникации: учебник / под ред. проф. М. А. Василика. — Москва: Гардарики, 2005.
2. Ключев Е. В. Речевая коммуникация / Е. В. Ключев. — Москва, 2002.
3. Антонова Ю. А. Коммуникативные стратегии и тактики в современном газетном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Антонова. — Екатеринбург, 2007.
4. Антропова В. В. Коммуникативные стратегии СМИ и тенденции развития российской журналистики в фокусе духовно-ценностного измерения / В. В. Антропова // Вестн. Челябинского гос. ун-та. — 2012. — № 23 (277).
5. Гулакова И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. И. Гулакова. — Орел, 2004.

*Приднестровский государственный университет
им. Т. Г. Шевченко*

*Олейников С. В., кандидат политических наук, доцент
кафедры журналистики филологического факультета,
директор издательства*

E-mail: olen_serg@inbox.ru

*Pridnestrovian Shevchenko State University
Oleynikov S. V., Candidate of Political Science, Associate
Professor of the Chair of Journalism in the Philological Faculty,
the Director of Publishing House
E-mail: olen_serg@inbox.ru*

УЖЕСТОЧЕНИЕ МЕНЕДЖМЕНТА В ЗАРУБЕЖНОМ МЕДИАСЕКТОРЕ

В. И. Сапунов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 ноября 2017 г.

Аннотация: статья призвана дополнить отечественные исследования массовой коммуникации политэкономическим анализом событий, связанных с ужесточением менеджмента в зарубежном медиасекторе за последний год — на основании релевантных примеров.

Ключевые слова: ужесточение медиаменеджмента, финансиализация, коммерциализация, увольнение журналистов, сокращение журналистской продукции.

Abstract: the issue aims at supplementing investigations of mass communication with political and economic analysis of events linked with toughening of management in foreign media sector over the latest year — basing on relevant examples.

Keywords: toughening of management, financialization, commercialization, sacking of journalists, reduction of journalist content.

Ужесточение медиаменеджмента остаётся одной из важнейших тенденций развития зарубежных СМИ. Основными факторами ужесточения являются:

- увольнение журналистов, творческих и технических работников редакций;
- закрытие СМИ;
- ликвидация печатных версий газет и журналов;
- сокращение тиражей;
- сокращение периодичности выхода изданий;
- уменьшение количества редакционных материалов в пользу рекламных и ПР-материалов;
- уменьшение количества текстового материала в пользу иллюстраций;
- объединение функций СМИ, принадлежащих одной группе;
- объединение функций конкурирующих изданий;
- перенос производства в офшорные зоны;
- внедрение в редакциях репрессивных форм менеджмента (партиципационный, стрессовый менеджмент, ликвидация должностей, стаффлизи́нг и тому подобные).

Всё это ведёт к понижению качества информационной продукции, сжиманию пространства информационного плюрализма и, таким образом, сужает возможности аудитории получать объективную картину реальности. Автор не раз обращался к обозначенным выше проблемам [1]. Данная статья призвана дополнить отечественные исследования массовой коммуникации политэкономическим анализом соответствующих событий в зарубежном медиасекторе за последний год на основании релевантных примеров.

Финансиализация медиасектора и, соответственно, ужесточение финансового менеджмента ведет к беспрецедентным сокращениям персонала. В октябре 2016 года вся новостная редакция Wall Street Journal получила предложения о досрочном окончании контрактов — с компенсацией. Американское трудовое право в этом плане очень простое — если работник не соглашается на buyout (компенсированное завершение контракта), он получает layoff (увольнение без компенсации). Простота, конечно, не без коварства — layoff формально дает больше шансов вернуться на прежнее место работы, тогда как buyout практически лишает такой возможности.

Но данный случай уникален: Руперт Мердок собрался уволить всю новостную редакцию одной из наиболее влиятельных газет мира. Обычно сокращают не более 10—15% работников, до большего количества доходит только в условиях кризиса, а до полного — в случае ликвидации. В WSJ подобного не было даже в годы «второго газетного моря» 2007—2009 годов. Новый редакционный коллектив обязательно будет меньше по составу и получит худшие условия труда, хотя, возможно, в нем и останется кто-то из старого состава.

Ранее News Corp. (владелец Wall Street Journal) сообщила, что собирается модернизировать новостную редакцию — с целью сокращения расходов в ответ на падение доходов от печатной рекламы. Увольнения журналистов прогнозировались, но не такого масштаба. Хотя, учитывая общую неолиберальную тенденцию не заключать трудовые соглашения на длительное время, общий срок предложенного компенсированного завершения контрактов будет плавающим, но точно небольшим.

А через год — в октябре 2017 года руководство Wall Street Journal прекратило печатать европейское

и азиатское издания. Первое выходило с 1983 года, второе появилось на 7 лет раньше. Эту меру менеджмент принимает по результатам отчета владельца WSJ — компании News Corp. — за финансовый год, закончившийся 30 июня. Крупнейшая в мире печатная монополия сообщила об убытках в 643 миллиона долларов, тогда как прибыль за предыдущий финансовый год составила 235 миллионов долларов.

Таким образом, печатная версия WSJ теперь будет выходить только в США. Газета по-прежнему надеется на азиатских и европейских читателей, но уже только в качестве платных подписчиков на цифровую версию. Аудитория интернет-портала wsj.com, который первым в мире среди сайтов крупных газет стал полностью платным, сейчас составляет 1,27 млн. читателей. Только за последнюю финансовую четверть она выросла на 322 тысячи подписчиков [2].

Что касается европейского издания WSJ, то разговоры о возможности сокращения его тиражей шли не один год. Внимание к проблеме реализации европейского варианта привлек, например, скандал 2012 года, когда газета опубликовала два материала о голландской образовательной компании Executive Learning Partnership в обмен на то, что та выкупила часть бесплатного тиража WSJ для дальнейшего распространения в голландских колледжах.

Еще один иллюстративный пример ужесточения медиамеджмента компанией Руперта Мердока — события в Sky Italia. В августе менеджмент филиала британской Sky объявил министерству труда о планах сократить 102 человека — хотя в мае число предложенных сокращений равнялось 124. Традиционно, после переговоров с отраслевыми профсоюзами, количество увольняемых в странах ЕС и США немного уменьшается. Различные источники называли цифры: от 50—60 (в самой компании) до 80 человек (профсоюзные источники). Спекуляции на тему окончательного числа увольняемых сотрудников закончились в октябре. Компания направила уведомления об увольнении с 31 октября 63 своим сотрудникам.

При этом по-прежнему остаётся неясной схема увольнений. Sky хочет перенести римскую редакцию Sky Tg24 в Ломбардию, в Милан, и уволить при этом часть сотрудников. Профсоюзы категорически возражают против ликвидации редакции Sky Tg24 в Риме, но, как показывает практика, работодатель в результате коллективных переговоров с профсоюзами (даже там, где они особенно сильны — во Франции и Италии) соглашается лишь на частичные уступки, но никогда полностью не отменяет планов по «оптимизации» — в рамках одной из ключевых неолиберальных догм — ужесточения медиамеджмента [3].

В августе 2016 года британский общенациональный канал Channel 5 отчитался об увеличении доходов и возвращении прибыли в результате того, что их новый владелец — Viacom (после покупки Пятого

канала у Northern & Shell Ричарда Десмонда) — в прошлом году сократил почти 100 рабочих мест (с 313 до 227), а также осуществил аутсорсинг двух своих подразделений в Sky.

Похожая история произошла в 2009 году, когда Channel Five еще принадлежал RTL Group. Тогда руководство RTL (собственностью немецкого концерна Bertelsmann) уволило 87 сотрудников Пятого канала (25% персонала) на фоне падения в Q1 поступлений от рекламы на 20% (это был худший показатель среди крупнейших каналов). В июне программный бюджет был урезан на 25% (наибольшее сокращение среди общенациональных каналов). Также были уменьшены юридический и бизнес-отделы, были уменьшены комиссионные для их сотрудников.

На какое-то время это помогло, вернулись прибыли, а потом RTL все равно продала Channel 5 Десмонду. А тот потом продал канал Viacom.

Тем временем в самой RTL увольнения продолжают. Менеджмент телекомпании RTL Belgium в середине сентября 2017 года обнародовал план по сокращению количества сотрудников. В начале октября он был конкретизирован: были анонсированы увольнения 15 работников рекламной службы и 30 сотрудников информационной редакции, позже к ним добавились 36 человек из отдела выпуска программ.

Всего планируется уволить 105 сотрудников — при общей численности редакции примерно в 750 человек, из которых около 200 не являются штатными работниками.

Предлогом для увольнений менеджеры RTL Belgium называют то, что французский телеканал TF-1 «изучает возможность прийти на бельгийский рынок», а также цифровизацию производства.

Впрочем, бельгийские профсоюзы совершенно не впечатлены такими объяснениями, синдикаты видят в них обычные неолиберальные меры в интересах топ-менеджеров и крупнейших акционеров. «Зачем увольнять сотрудников, когда TF-1 еще не забрал у RTL ни одного евро? TF-1 изучает возможность коммерческого вещания в Бельгии уже 30 лет, почему увольнения понадобились именно сейчас?»

Обеспокоенность высказывают и бельгийские журналистские организации, которые считают, что менеджмент RTL Belgium на пути превращения канала в бельгийский M6 (французский развлекательный музыкальный канал). Есть сведения о том, что новости могут быть удалены из программной сетки или сокращены до 15-минутного выпуска [4].

Кроме того, в сентябре 2017 года появилась информация о том, что RTL France может быть интегрирован в группу M6 (оба канала фактически принадлежат медиагруппе Bertelsmann) — с ликвидацией от 30 до 50 должностей, но без увольнений сотрудников [5].

Доходы от рекламы одного из крупнейших платных телеканалов Европы — Canal Plus — к сентябрю

2017 упали за два года в 2 раза — до 73 миллионов евро. В 2016 году они понизились на 38%. Французские СМИ называют положение Canal Plus катастрофическим [6], поскольку к падению рекламных доходов можно добавить забастовку офиса по работе с клиентами в Ренне (после того как был закрыт отдел по работе с клиентами в Сен-Дени, были уволены 153 сотрудника и было объявлено, что функции закрытого отдела перейдут к реннскому), исход журналистов (в конце 2016 года Canal+ покинуло около 100 журналистов его информационной службы iTélé (теперь CNews) — из-за несогласия с редакционной политикой), постоянное уменьшение собственной продукции, неудачные проекты, закрывающиеся после первого сезона [6].

Хотя руководство стандартно объясняло репрессивные неолиберальные меры необходимостью повышения эффективности (звучало, как обычно, странно: закрытие отдела по работе с клиентами по причине постоянных потерь абонентов с 2012 года), практически нет сомнений, что это связано с покупкой группой Vivendi — владельцем Canal Plus — недостающих до контрольного пакета акций Telecom Italia. За день до закрытия офиса в Сен-Дени Еврокомиссия одобрила эту сделку. До того времени Vivendi принадлежали 23,94% итальянской компании.

Здесь мы привели лишь наиболее релевантные и иллюстративные примеры ужесточения менеджмента в зарубежном медиасекторе за последний год. Можно добавить и другие, например, августовские волнения 2017 года в редакции Financial Times, после того как журналист издания был уволен без предупреждения и компенсации. Но и приведённые случаи наглядно демонстрируют, что менеджеры заграничных СМИ продолжают усугублять данную тенденцию, делают это с несгибаемой изобретательностью и постоянством. Это обуславливает важность и перспективность изучения и анализа соответствующего материала отечественными исследователями массовой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. См., например: Wladimirz Sapunow. Wzrost bezwzględności w zarządzaniu mediami w Europie zachodniej w warunkach kryzysu finansowego / Wladimirz Sapunow // Zeszyty Prasoznawcze. — Kraków, 2011. — Nr. 1-2 (205-206). —

S. 107—125; Сапунов В. И. Газетная индустрия США в условиях финансового кризиса: ускорение в плохом направлении / В. И. Сапунов // Акценты: новое в массовой коммуникации. 2009. — № 3-4. — С. 44-64; Сапунов В. И. Ужесточение менеджмента в газетной индустрии Великобритании в условиях финансового кризиса / В. И. Сапунов // Русский язык в современном медиапространстве. Сборник трудов Международной практической конференции. — Белгород, 2009. — С. 478-484; Сапунов В. И. Ужесточение менеджмента и другие события в медиасекторе Великобритании в 2009 году / В. И. Сапунов // Современные проблемы журналистской науки. Ежегодный сборник научных статей. — Воронеж, 2009. — С. 64-91; Сапунов В. И. Ужесточение медиаменеджмента в крупнейших континентальных странах ЕС в условиях финансового кризиса / В. И. Сапунов // Акценты. Новое в массовой коммуникации. — 2010. — № 3-4.

2. Wall Street Journal stops publishing Asian and European print editions. — URL: <https://www.theguardian.com/media/2017/sep/29/wall-street-journal-stops-publishing-asian-european-editions> (дата обращения: 31.10.2017).

3. Sky Italia, lettere di licenziamento a decine di lavoratori. Anche se avevano accettato di spostarsi da Roma a Milano. — URL: <http://www.ilfattoquotidiano.it/2017/10/02/sky-italia-lettere-di-licenziamento-a-decine-di-lavoratori-anche-se-avevano-accettato-di-spostarsi-da-roma-a-milano/3890830/> (дата обращения: 31.10.2017).

4. 36 licenciements supplémentaires à la production chez RTL. — URL: <http://www.lesoir.be/118375/article/2017—10—09/36-licenciements-supplementaires-la-production-chez-rtl>; Le personnel de RTL se prépare à une vague de licenciements. — URL: <http://www.lesoir.be/118375/article/2017—10—09/36-licenciements-supplementaires-la-production-chez-rtl> (дата обращения: 30.10.2017).

5. RTL, 50 SUPPRESSIONS DE POSTES MAIS AUCUN LICENCIEMENT. — URL: <http://www.STRATEGIES.FR/ACTUALITES/MEDIAS/1071068W/RTL-50-SUPPRESSIONS-DE-POSTES-MAIS-AUCUN-LICENCIEMENT.HTML> (дата обращения: 27.10.2017).

6. La rentrée de Canal+ est-elle une "catastrophe industrielle"? — URL: http://www.lexpress.fr/actualite/medias/la-rentree-de-canal-est-elle-une-catastrophe-industrielle_1942635.html?utm_term=Autofeed&utm_campaign=Echobox&utm_medium=Social&utm_source=Twitter&link_time=1505241751#xtor=CS3—5083 (дата обращения: 10.10.2017).

Воронежский государственный университет

Сапунов В. И., доктор филологических наук, профессор кафедры телевизионной и радиожурналистики

E-mail: vsapunov76@rambler.ru

Voronezh State University

Sapunov V. I., Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Television and Radio Journalism

E-mail: vsapunov76@rambler.ru

ЖУРНАЛ «ПРИВОЛЖСКИЙ ОХОТНИК» КАК ТИП ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КЛУБНОЙ ПЕРИОДИКИ

Т. В. Ситникова

Волгоградский государственный университет

Поступила в редакцию 10 июня 2017 г.

Аннотация: впервые (в отечественных исследованиях по истории журналистики) рассмотрено специализированное издание для охотников Царицынского уезда рубежа XIX — XX веков. Установлены типологические характеристики журнала «Приволжский охотник». Проанализирована его структура, проблемно-тематический ряд и авторский состав. Выявлены факторы, влияющие на самоидентификацию подобных изданий в провинции.

Ключевые слова: еженедельный журнал, специализированное издание, провинция, литературный компонент.

Abstract: for the first time in domestic research on the history of journalism is considered a special edition for hunters of the Tsaritsyno district of XIX—XX centuries. Established typological characteristics of the journal «Volga hunter», the evaluation of software discourse, the factors affecting canondigital such publications in the province.

Keywords: weekly magazine, a bimonthly publication that province.

Охота, как социальный феномен, раскрывающий отношения человека к природе, к обществу и к самому себе, на протяжении многих веков занимает важное место в русской культуре, как и в культуре многих народов. Она получила особое отражение в русской литературе и в отечественном изобразительном искусстве рубежа XIX — XX вв.

Под воздействием социально-экономических преобразований, связанных с отменой крепостного права в России, к концу второй трети XIX в. охота из досуга высшей знати и помещного дворянства довольно быстро превращается в хобби широких слоев населения. К этому времени относятся первые объединения любителей этого занятия. В 1859 г. появляется Московское общество охоты, а 1872 г. по инициативе предводителя Московского губернского дворянства, известного кинолога, графа В. А. Шереметева создается «Императорское Общество размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты». Появление этой общественной организации под патронажем императора, заметно оживило мир любителей охоты в России. Поддержка «Императорского Общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты» со стороны государства стимулировала создание новых охотничьих обществ в регионах. К началу второго десятилетия XX в. Общество имело уже 53 местных отделения. Объединению охотников в России также способствовало проведение всероссийских съездов охотников в 1898 г. и 1911 г. В рамках этих представительных форумов

были приняты важные решения по рачительному использованию природных ресурсов и дальнейшему развитию охотоведения. Осознавая важность развития охотничьего дела, государство предприняло меры к распространению в обществе знаний, без которых новая культура охотопользования, основанная на принципах бережного отношения к природным ресурсам, не могла бы получить желаемого развития. К мерам такого рода относились издания специализированных охотничьих журналов и тематических книг. В рамках просвещения и формирования новой «философии» охотника, по предложению императора Александра III, было начато исследование и выпуск серии книг, посвящённых охоте на Руси за весь исторический период её существования. Эта задача была поручена генерал-лейтенанту, заведующему хозяйством Императорской охоты Н. И. Кутепову — автору знаменитого 4-х томного исследования «Великокняжеской, царской и императорской охоты на Руси», изданного в период с 1896 по 1911 год. К художественному оформлению четырехтомника были привлечены известные русские художники: Л. С. Бакст, А. К. Беггров, А. Н. Бенуа, А. М. Васнецов, В. М. Васнецов, Е. Е. Лансере, К. В. Лебедев, А. П. Рябушкин, И. Е. Репин, В. И. Суриков, Ф. А. Рубо, Л. О. Пастернак, К. А. Савицкий, В. А. Серов, А. С. Степанов, также использовались литографуры с произведений Дж. Доу, В. Г. Шварца, Ф. Г. Солнцева, А. Д. Литовченко. Оформление издания осуществлялось известным художником Н. С. Самокишем, им же выполнялись многие иллюстрации.

Охотники России очень долго не имели своего собственного печатного органа. Первую попытку

издания специального охотничьего журнала принял в первой половине 50-х годов XIX в. известный русский писатель С. Т. Аксаков. На его прошение разрешить выпуск «Охотничьего сборника» царское правительство ответило отказом: оно посчитало издателя политически неблагонадежным и не доверило ему издание журнала общероссийского уровня. Но спустя несколько лет после прошения Аксакова в книжных лавках Москвы появился первый русский «Журнал охоты», издававшийся в период 1858—1862 гг. К 1917 г. количество подписчиков на одно наименование газеты или журнала охотничьей тематики превышало 50 тысяч человек. Среди них в первую очередь были члены императорской фамилии, государственные, политические деятели, помещики, заводчики, интеллигенция, поэтому большинство изданий выходило в столицах («Журнал охоты и коннозаводства», «Журнал Московского общества охоты», «Природа и охота»). Одними из первых провинциальных охотничьих журналов были «Приволжский вестник охоты» (Саратов, 1891 г.) и «Псовая и оружейная охота» (Тула, 1894 г.).

Теперь перейдем непосредственно к проблематике данной статьи. Исследований по типологии спортивной периодической печати в теории журналистики не слишком много. До сих пор дискуссионным остаются вопросы о времени возникновения российских спортивных СМИ, статусе и требованиях, предъявляемых к изданиям подобного типа. Исследователи печати С. И. Орлов [1], Е. А. Слюсаренко [2], К. А. Алексеев [3], В. В. Баранов [4] относят к ним газеты и журналы, где спортивная информация становится преобладающей (приблизительно 70—100% текста). В. Ф. Асаулов, рассматривая тематику публикаций в подобных изданиях, указывает, что в них «только малая часть была посвящена спортивным соревнованиям и достижениям» [5].

В докторской диссертации Е. А. Войтик предпринята попытка отнести охотничьи журналы к области спортивной журналистики, классифицировать и выявить неучтенные издания данной тематики. Исследователь относит журналы про охоту к узкоспециализированным изданиям (в XIX в. практически все виды охоты определялись как спортивные), так как при всей популярности охоты в XIX в. сегодня напрямую к спорту можно причислить лишь ее небольшую часть [6].

Однако журнал «Приволжский охотник» (1909, Царицын Саратовского уезда) не только не попадает под все параметры, предложенные исследователем, но ею даже и не рассматривается. Данное издание было обнаружено нами в рамках диссертационного исследования в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина Санкт-Петербурга.

В связи с этим целью данной публикации является реконструкция становления и тематического направления специализированного охотничьего из-

дания «Приволжский охотник» (1909, Царицын Саратовского уезда), введение в научный оборот редакторско-издательской деятельности М. З. Пушкарева и определение факторов, влияющих на функционирование изданий подобного типа в провинции на рубеже XIX — XX вв. Поставленные задачи решались с использованием таких методов исследования, как контекстуальный анализ издания, структурно-функциональный анализ содержания публикаций текстов разных жанров — редакционных объявлений, анкет, хроники, фельетонов.

В начале XX в. в Царицыне Саратовского уезда была снова предпринята попытка издания специализированного охотничьего издания в провинции. К этому времени из периферийно-уездного город превратился в крупный торгово-транспортный узел юго-востока России. В Царицыне имелись собственные газеты и журналы, местные журналисты активно печатались в изданиях обеих столиц.

19 апреля 1909 г. вышел первый и единственный номер специализированного еженедельного охотничьего журнала «Приволжский охотник». Издателем-редактором стал дворянин М. З. Пушкарев. Журнал издавался в царицынской типографии Ф. А. Виноградова, адрес редакции — угол Царицынской и Набережной ул., дом № 1 (Хайдукова), в собственной квартире издателя. Потенциальными подписчиками издания были члены охотничьего общества и местная интеллигенция, предполагалось, что журнал будет востребован и иногородними читателями. На это была нацелена как ценовая политика (в год — 3 руб., 50 коп., для иногородних — 4 руб. Цена отдельного издания — 10 коп.), так и специализация журнала. Для сравнения — подписка на самую популярную ежедневную газету «Царицынская речь» в год составляла 6 рублей. Тираж издания не установлен, но известно, что в более крупных губернских городах подобные издания редко поднимались до уровня 1000 экземпляров.

Актуальных предпосылок для издания специализированного издания об охоте в Царицыне было немного. Давая оценку охотничьему промыслу в Царицынском уезде, известный исследователь XIX века А. Н. Минх отмечал, что «нет специальных охотников за степною, лесною, водяною дичью, которой здесь большое множество, особенно во время весеннего и осеннего отлета. Добытая дичь идет для собственного употребления и разве только часть сбывается местным скупщикам, отправляющим ее в Москву» [7, с. 421]. Представителей дворянского сословия (потенциальных любителей охоты) было относительно немного, в основном они состояли на государственной службе или занимались сельским хозяйством, редко торговлею.

Основной доход издание планировало получать от продажи номеров, а не только от рекламы и объявлений. Рекламные объявления были ориентиро-

ваны на охотников (реклама Тульского оружейного завода, конторы — склада охотничьих принадлежностей А. А. Биткова Санкт-Петербург). Можно предположить, что редактор — издатель имел личный интерес к продукции из Санкт-Петербурга, однако заявленная гипотеза нуждается в дальнейшем изучении. Объявления носили частный характер и стремились привлечь внимание потребителей ярким, пестрым оформлением. Внешне это выразилось в использовании многообразия шрифтов и графики (рамки, иллюстрации, линейки).

По форме журнал представлял собой 8 страниц, форматом А 4, таким образом, М. З. Пушкарёв ориентировался на обширную аудиторию подписчиков, предполагалось, что издание будет распространяться в розничную торговлю.

Выбор типа издания редактором был совсем не случаен. Традиционно заметным фигурантом российского информационного поля рубежа XIX — XX вв. были журналы [8, с. 65]. В исследованиях волгоградского ученого, доктора филологических наук О. Г. Шильниковой представлен типологический алгоритм «толстого» журнала в России XIX — XX вв. [9]. Если проанализировать программное заявление редактора, рубрики и содержание издания, то можно увидеть, что журнал «Приволжский охотник» имеет целый ряд типологических характеристик, присущих «толстому» журналу.

Обращаясь к своим читателям, редакция заявляет: «Приволжский охотник» будет стремиться к возможно точному отражению местной охотничьей жизни, постарается объединить членов местного общества любителей правильной охоты на той или другой почве их общих интересов, будет освещать и пропагандировать идею правильной охоты и стремиться к искоренению хищничества в охоте» [10].

Царицынское стрелково-охотничье общество, возникшее в 1888 г., среди уездных охотничьих обществ было самым старейшим и просуществовало ориентировочно до 1918 г. В Адрес-календаре «Весь Саратов и Царицын» за 1902 г. встречается первое упоминание о создании в городе «Общества любителей правильной охоты». Судя по всему, оно было не очень многочисленным, в 1918 г. был выдан членский билет только за № 119 (обнаружен нами в фондах Областного краеведческого музея). Из документов Государственного архива Волгоградской области удалось восстановить список его членов за 1902 г. [11]:

Председатель — А. А. Леульт,
Вице-председатель — С. Ф. Григорьев,
Секретарь — В. В. Гальцев,
Казначей — В. С. Кириллов,
Директоры — И. С. Колосихин и другие.

Общество ежегодно выпускало свои Отчеты Правления Царицынского общества любителей правильной охоты с приложением «Доклады ревизионной ко-

миссии», которые сохранились в фондах Российской Государственной библиотеки (РГБ) за 1912—1913 гг., 1913—1914 гг. В газетных публикациях «Царицынского вестника» за 1917 год встречается информация о том, что Общество любителей охоты проектирует создание охотничьего музея местного края, библиотеки и зала для собраний сроком на 36 лет [12]. Таким образом, в Царицыне издатель газеты оказался в благоприятной для его планов среде.

Можно предположить, сам издатель-редактор «Приволжского охотника» Митрофан Захарович Пушкарёв был рядовым членом «Общества любителей правильной охоты», в своем редакторском обращении он демонстрирует неплохое знание местной охотничьей среды. Очевидно, выпуск журнала вызвал определенные трудности, так как в рубрике «Почтовый ящик» редактор, отвечая автору Вальдшнепу, подчеркивает, что «...для выпуска в свет журнала, даже охотничьего — одного желания, даже при «свободе печати» недостаточно. Поэтому-то первый номер журнала «Приволжский охотник» и был задержан» [13].

Журнал «Приволжский охотник» имеет устойчивую трехмодульную структуру — в первом номере представлено художественное творчество (стихотворение А. Кондратьева, рассказ «Сазанники» А. Затонского), отдел публицистики (рубрика «Фельетон»), а также критический отдел (статья «О весенней охоте» псевдоним автора Охотник).

Появление на страницах охотничьего журнала произведений художественных жанров отнюдь неслучайно. Тема охоты занимает прочное место в творчестве А. С. Пушкина, А. К. Толстого, А. А. Фета, Н. А. Некрасова. На пятой странице журнала помещено стихотворение «Апрельский вечер» А. Кондратьева. Автор, описывая красоты весеннего пейзажа, говорит о том, что охота благотворно влияет на душу человека:

И стою (без ружья), в упоенье,
И мне хочется страстно так жить,
Все бывшие исчезли сомненья,
И мне хочется снова любить...

На этой же странице размещен рассказ А. Затонского «Сазанники», представляющий собой классический образец охотничьей прозы. Читатель И. К. на страницах журнала пишет о том, что автор «опоздал» и этот рассказ в несколько измененном варианте уже был опубликован в другом охотничьем журнале. Возможно, что в дальнейших номерах картина бы прояснилась, но обвинение осталось без ответа.

Фельетон как художественно-публицистический жанр всегда был активно представлен в периодической печати, позднее он становится самостоятельной рубрикой. Теоретики журналистики отмечают, что «газета, претендующая называться качественной, должна ее содержать» [14]. На странице № 4 редактор обозначает эту рубрику, помещая в ней статью

«У истоков» (автор Б. П-в), написанную 13 апреля 1909 года в Царицыне. Главный герой — 14-летний Коля, ученик царицынской гимназии. Всю неделю он проживает скучную учебную жизнь и только в субботу имеет возможность отправиться в гости к дяде. Фельетон занимает четыре полосы и наполнен лирическими переживаниями и страхами мальчика, впервые побывавшего на охоте. Страх перед волками заставляет его бежать от ужаса, бросив ружье и добычу, но как показывает дальнейшее развитие сюжета «у страха глаза велики». Автор указывает, что продолжение охотничьей эпопеи мальчика Коли будет продолжено. Содержимое фельетона «У истоков», на наш взгляд, демонстрирует, как из названия рубрики, он трансформируется в жанр, сочетающий в себе черты литературы и журналистики. Издание стремилось представлять собой универсальное издание, представляющее своим читателям не только материалы об охоте, но и формируя их литературный вкус. Данная установка была характерна для большинства охотничьих изданий России XIX — XX вв., где преобладал реалистический принцип изображения действительности.

М. З. Пушкарев рассчитывал, что особый интерес вызовет рубрика «Почтовый ящик», в которой редактор лично отвечал на вопросы своих читателей. Несмотря на то, что это был первый номер журнала, по адресным ответам (Вальдшнепу, Уездному охотнику, «любящему правду», Охотнику Содому Гоморову, Игреку) мы можем предположить, что выпуску издания предшествовала большая подготовительная редакторская работа.

Журнал «Приволжский охотник» одним из первых в Саратовской губернии развернул полемику об изменениях сроков весенней охоты. Вопрос о закрытии весенней охоты в истории России возникал давно и с определенной периодичностью. Запрет весенней охоты был направлен, прежде всего, на сохранение и увеличение дичи к сезону летнее — осенней охоты. Члены обществ правильной охоты в России, как правило, ратовали за полный запрет весенней охоты. Однако надо помнить, что в те времена помимо любительской охоты, огромную роль играла охота промысловая. Охотники-промышленники, зарабатывающие продажей дичи, были почти в каждой деревне. Рынки не только столицы, но и большинства уездных городов были переполнены дичью, привезенной на продажу. Браконьерство и повсеместная стрельба животных и птиц в течение всего весеннего сезона были обычным делом. Редактор — издатель М. Пушкарев открыл по этому вопросу специальную анонимную анкету: «...необходимо ли запретить весеннюю охоту, считая ее одним из самых могучих факторов уменьшения дичи, или есть другой выход — и в чем именно он заключается». Таким образом, журнал консолидировал своих подписчиков, создавая общественное движение по

данному вопросу. На Втором Всероссийском съезде охотников, проходившем в ноябре 1909 г. в Москве, один из подписчиков журнала, Председатель Царицынского Общества правильной охоты А. А. Леульт высказался за полный запрет весенней охоты [15]. Хотя еще в апреле 1909 г. редакция пишет, что «журналу придется вести борьбу за идею «правильной охоты», так грубо попираемую самими же членами «Царицынского Общества любителей правильной охоты», во главе которых иногда идут «сами директора» Правления этого общества [16].

Одна из самых острых тем издания — браконьерство. В «Хронике» редакция помещает информацию о взятии под личный контроль членами «Общества любителей правильной охоты» над караульщиками дач и крестьянами, занимающимися несанкционированной охотой. Для этой цели на общем собрании членов общества принято решение о предъявлении друг другу охотничьего билета при встрече. Эта мера рассматривается как способ уменьшения браконьерства, с другой стороны воспитывает и прививает навыки клубного поведения членов друг к другу.

Условием успешного функционирования издания считается наличие единой программы и общность проводимой редакцией политики, то есть цельность направления. Широко известно мнение В. Г. Белинского: «Журнал должен иметь, прежде всего, физиономию, характер; альманахная безличность для него хуже всего» [17]. Этой же позиции придерживался редактор — издатель «Приволжского охотника»: «Лучшим изложением, верую» всегда служат те статьи и заметки, какие помещаются на страницах журнала. Только они придают журналу ту или другую физиономию» [18].

Несомненно, талантливым журналистом и пропагандистом правильной охоты был редактор-издатель «Приволжского охотника» М. З. Пушкарев. Об этом человеке известно очень немного. Он был дворянином, занимался редакторско-издательской деятельностью. После закрытия издания совместно с Ф. А. Виноградовым в 1912 г. выпустил справочник-календарь «Весь Царицын» за 1912 г. В картотеке Областного краеведческого музея информация об этом человеке не обнаружена, ведется активный поиск.

По задумке редактора журнал должен был иметь универсально-образовательную направленность, став для своих читателей своего рода «периодической энциклопедией охотничьей жизни России». Издание пыталось существовать «вне направлений», поэтому оказалось недолговечным и исчезло после выхода первого номера, несмотря на то, что в рекламных объявлениях редактор-издатель М. З. Пушкарев провозглашал, что журнал будет выходить периодически «с 15 марта по 15 ноября через две недели и с 16 ноября по 15 марта еженедельно».

Несомненно, проект М. З. Пушкарева имел большой просветительский и культурный потенциал

для региональной журналистики. Причиной неудачи журнала «Приволжский охотник» при всей успешности концепции послужил недостаток исполнительных ресурсов (полноценной редколлегии, собственных корреспондентов) и личные отношения редактор-издателя с членами Царицынского Общества любителей правильной охоты, своими потенциальными подписчиками. Одной из главных причин закрытия было отсутствие профессионального опыта в подготовке и выпуске именно спортивного издания. Читатели, в большинстве своем купцы и служащие, оказались не готовы к культурно-просветительской ориентации журнала, к личному участию в создании полноценного «клубного» печатного издания.

Таким образом, реконструкция царицынского охотничьего журнала «Приволжский охотник» позволила ввести в научный оборот новый образец провинциальной клубной периодики провинции на рубеже XIX — XX вв.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Орлов С. И. Рождение и становление советской спортивной журналистики: к вопросу о типологии изданий: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.10. / С. И. Орлов. — Москва, 1974.
2. Слюсаренко Е. А. Специализированные журналы о спорте: типологические и профильные характеристики: дис... канд. филол. наук / Е. А. Слюсаренко. — Москва, 2003.
3. Алексеев К. А. Спортивная пресса России XIX — начала XX вв.: историко-типологический анализ: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. / К. А. Алексеев. — Санкт-Петербург, 2008.
4. Баранов В. В. Спортивная печать Российской Федерации. Формирование новой системы (1990-е годы): дис... канд. филол. наук / В. В. Баранов. — Москва, 2001.
5. Асаулов В. Ф. Печать как эффективное средство формирования советской системы физического воспитания народа (1917—1925 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. / В. Ф. Асаулов. — Киев, 1989.
6. Войтик Е. А. Спортивный медиатекст: закономерности становления и парадигма развития: диссертация ... доктора филол. наук / Е. А. Войтик. — Санкт-Петербург, 2016.
7. Минх А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии: Южные уезды Царицынский и Камышинский. Современная версия. — Волгоград.
8. Шильникова О. Г. Типологический алгоритм «толстого» журнала в России XIX—XX веков / О. Г. Шильникова // Вестник ВолГУ. Серия 8. Литературоведение. Журналистика: научно-теоретический журнал. — 2008. — вып. 7.
9. Шильникова О. Г. Литературная критика в журнальном контексте рубежа XX—XIX вв.: принципы функционирования и качественного взаимодействия текстов / О. Г. Шильникова. — Волгоград, 2011.
10. Приволжский охотник. — Царицын, 1909.
11. ГАВО. — Ф. 6. Оп.1. Д. 205. Л. 161—162.
12. Царицын в мировую войну 1914—1917. — Волгоград, 2016.
13. Приволжский охотник. — Царицын, 1909.
14. Риторические основы журналистики. Работа над жанрами газеты. — Москва, 2009.
15. Труды Второго Всероссийского съезда охотников в Москве (17—25 ноября 1909 г.). — Москва, 1911.
16. Приволжский охотник. — Царицын, 1909.
17. Белинский В. Г. Собрание сочинений. Т. 1 / А. Г. Белинский. — Москва, 1948.
18. Приволжский охотник. — Царицын, 1909.

Волгоградский государственный университет
Ситникова Т. В., аспирант кафедры журналистики
и медиакоммуникаций
E-mail: tanek1973@mail.ru

Volgograd State University
Sitnikova T. V., Postgraduate Student of the Journalism and
Media Communications Department
E-mail: tanek1973@mail.ru

ЖУРНАЛИСТИКОВЕДЕНИЕ ИЛИ ТЕОРИЯ МЕДИА?

В. В. Тулупов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 13 октября 2017 г.

Аннотация: в статье рассматривается состояние отечественной теории журналистики, содержание научной специальности «Журналистика», а также вопрос существования теории медиа.

Ключевые слова: журналистика, медиа, журналистиковедение, теория медиа, средства массовой информации, средства массовой коммуникации, коммуникативистика, междисциплинарность.

Abstract: the article examines the state of Russian theory of journalism, the content of the scientific specialty "Journalism" and the question of the existence of media theory.

Keywords: journalism, media, journalistology, media theory, mass media, mass communication, communication studies, interdisciplinarity.

В октябре 2017 г. на факультете журналистики Московского государственного университета состоялся научно-методологический семинар, в программе которого фигурировали серьезные дискуссионные вопросы: «Отечественный и зарубежный пути теоретизации медиа: факторы национального своеобразия отечественной медиатеории», «Теория журналистики и теория медиа: части целого или самостоятельные явления?», «Фундаментальность медиатеории: природа и сущностные основания», «Системность теории медиа: перспектива на будущее».

Специальность 10.01.10 «Журналистика» представлена в политических и филологических науках: в первой отрасли паспорт специальности включает 15 направлений, связанных с функционированием журналистики в системе информационной политики, во второй — 60 направлений, связанных с исследованием журналистики как информационного, культурологического и творческого феномена, как системы СМИ и т.д. В первом случае проводятся политологические исследования, объектом которых выступают информационная среда, информационные процессы, обеспечение и управление информационной деятельностью, журналистика и политическая власть; во втором — содержанием специальности являются история, теория и практика журналистики.

Может возникнуть резонный вопрос: разве журналистика является наукой? Естественно, не является, журналистика — это особый вид духовно-практической деятельности, опирающийся на публицистику — специфический род литературы, которая рассматривает текущую действительность преимущественно под социальным углом зрения. Но есть журналистиковедение — наука о массово-информационной деятельности, имеющая междисциплинарный характер, объединяющая усилия филологов и историков,

философов и психологов, социологов и политологов, правоведов и экономистов и др. Понятно, что включение журналистики в номенклатурный список научных работников подотрасли «Литературоведение» сужает возможности исследователей, и, видимо, неслучайно который уже год дискутируется идея о переименовании данной научной специальности, например, в коммуникативистику. Останавливает то, что слишком широкими и не привязанными к социальным сферам становятся направления исследований. Тем более что у теории журналистики определен свой объект познания — сущность многофакторного и текущего процесса функционирования постоянно обновляемой социальной информации. Теоретик журналистики имеет дело со сложнейшими материями: общественным сознанием — социальной психологией (обыденно-практический уровень) и идеологией (научно-теоретический уровень), а также со специфическим родом общественного сознания — массовым сознанием, которое составляют идеи, суждения, представления, иллюзии, чувства, настроения и т.п. То есть ученые призваны постигать и описывать не статичные, а продолжающиеся процессы — то же общественное мнение под влиянием СМИ может мгновенно поменяться. Тем не менее методы и формы исследования, исследовательский инструментарий уже определены, а вот категориальный и понятийный аппарат всё еще уточняется [1], что объясняется именно междисциплинарностью нашей науки.

Теория журналистики планомерно и систематически фиксирует процесс отражения медиапрактиками фактов текущей действительности, отмечая тенденции, выявляя закономерности и рождая новое знание, истинность которого логически обосновывается. При этом важны как эмпирические, ориентированные на явления, так и теоретические исследования, ориентированные на сущность. В первом случае ученые отдают предпочтение таким ме-

тодам исследования, как наблюдение, эксперимент, во втором — системному подходу, идеализации и т.п. «Эмпирики» нацеливаются на эмпирические факты, классификации, эмпирические законы, «теоретики» — на законы, раскрытие существенных связей и теории. Например, сегодня, с вступлением в «эпоху компьютеров и Интернета», мы переживаем этап обобщения и классификации фактов, связанных с освоением новых жанровых форм, которые диктует конвергентный подход.

Теория журналистики, в отличие от наук естественно-научного направления, где субъект познания имеет дело с «чистыми» объектами, опирается на социальное познание, и журналист-исследователь имеет дело с социальными объектами, с обществом (героями, аудиторией), где действуют субъекты, наделенные сознанием, морально-этическими установками. При этом исследователь, призванный к объективности, будучи членом общества, объективно испытывает влияние окружающего социума, общепринятых и личностных ценностных ориентаций.

Конечно, в теории журналистики есть как лакуны (например, глубоко не исследована история журналистики XX в.; история журналистики всё еще представлена как история журналистики двух столиц), так и перекосы (так, учеными практически забыта поэтика публицистики; мало диссертаций и монографий, посвященных проблематике СМИ; важно изучать новые медиа и современные технологии, но нельзя ограничиваться лишь «технологическим» аспектом).

Возвращаясь к вопросам, сформулированным организаторами московского научно-методологического семинара, отметим, что национальное своеобразие отечественной медиатеории связано с национальным своеобразием нашей журналистики, которая, с одной стороны, возникла как государственная подцензурная деятельность, а с другой стороны — получила развитие в эпоху «персонального журнализма» и «художественной публицистики». В истории российской журналистики среди редакторов, памфлетистов, очеркистов, репортеров

значатся имена лучших отечественных писателей. Особая журналистика сформировала особую аудиторию «самой читающей страны».

Если в категориальном аппарате журналистики одним из основных понятий является понятие «средства массовой информации», то медиа опираются на понятие «средства массовой коммуникации», т.е. «медиа», с одной стороны, шире журналистики, с другой — отражают скорее технологический аспект информационных процессов.

Отечественная теория журналистики складывалась на протяжении всего прошлого века, опираясь на мощный историко-филологический ствол. При этом представители московской, ленинградской, свердловской, ростовской, воронежской и других школ развивали различные направления: историческое, социологическое, психологическое, профессионально-творческое, типологическое, экономическое и др. Назвать имена всех тех, кто внес существенный вклад в отечественное журналистское знание, не просто. Перечислим лишь некоторых из тех, кто стоял у его истоков: А. Ф. Бережной, В. Г. Березина, Г. А. Гуковский, С. М. Гуревич, В. Е. Евгеньев-Максимов, Б. И. Есин, А. В. Западов, Я. Н. Засурский, В. Д. Пельт, Е. И. Пронин, Е. П. Прохоров, В. В. Ученова. Труды этих и других исследователей отличало сочетание фундаментальных и прикладных подходов, и сегодня можно говорить о таких сложившихся научно-учебных направлениях, как «История журналистики», «Типология журналистики», «Поэтика публицистики», «Социология журналистики», «Психология журналистики», «Полилогия журналистики», «Медиаэкономика» и др., что отвечает принципу системности, взятому на вооружение учеными, развивающими российскую теорию журналистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свитич Л. Г. Миссия журналистики: поле понятий и терминов / Л. Г. Свитич // Вопросы теории и практики журналистики. — 2013. — № 3. — URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/3518679> (дата обращения: 05.10.17).

Воронежский государственный университет

Тулунов В. В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и дизайна

E-mail: vlvtul@mail.ru

Voronezh State University

Tulupov V. V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Advertising and Design Department

E-mail: vlvtul@mail.ru

ИНСТИТУТ ЖУРНАЛИСТИКИ В ЛЕНИНГРАДЕ: ОТ ТЕХНИКУМА К ВУЗУ, ОТ ГИЖА К КИЖУ

И. А. Фатеева

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 22 сентября 2017 г.

Аннотация: статья посвящена истории Института журналистики в Ленинграде (1930—1941). Автор обращается к предыстории вуза (1926—1929), рассказывает о первых годах его развития, когда он назывался Вечерним государственным институтом журналистики (1930 г.), Ленинградским государственным институтом журналистики (первая половина 1931 г.), Ленинградским коммунистическим институтом журналистики им. В. В. Воровского (с лета 1931 г.).

Ключевые слова: Государственный техникум печати, Вечерний государственный институт журналистики, Ленинградский государственный институт журналистики, Ленинградский коммунистический институт журналистики им. В. В. Воровского.

Abstract: the article is devoted to the history of the Journalism Institute in Leningrad (1930—1941). The author refers to the prehistory of the institute (1926—1929), tells about the first years of its development, when he was called the Evening State Journalism Institute (1930), the Leningrad State Journalism Institute (the first half of 1931), the Leningrad Communist Journalism Institute named after V. V. Vorovsky (from the summer of 1931).

Keywords: State Technical College of Press, Evening State Journalism Institute, Leningrad State Journalism Institute, Leningrad Communist Journalism Institute named after V. V. Vorovsky.

Интерес исследователей, работающих в сфере журналистского образования, к своей истории, прежде всего к истории существовавших в России институтов подготовки медиаспециалистов, вполне естествен. В XXI веке он проявился с новой силой, и к настоящему времени мы получили уже вполне удовлетворительные очерки развития таких журналистских школ, как журфак МГУ им. М. В. Ломоносова, Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ, департамент «Факультет журналистики УрФУ» (включая период Свердловского КИЖа), Московский ГИЖ (1921—1938), журфак Воронежского университета и др.

Но если оценивать сделанное с позиции полноты охвата исследованиями значительных институтов подготовки специалистов для довоенной прессы (до 1941 г.), бросится в глаза отсутствие обстоятельного описания работы Ленинградского ГИЖа: данное учебное заведение в обзорах всегда упоминается, но монографически в трудах не представлено. А между тем это был уникальный журналистский институт: если все другие создавались сразу как учреждения высшего образования, этот был изначально техникумом.

Цель автора — попытаться восполнить имеющийся в историографии пробел, основываясь прежде всего на разработках сохранившихся до наших дней архивных источников. В данной статье мы коснем-

ся предыстории вуза (1926—1929) и самых первых лет его функционирования, когда он назывался Вечерним государственным институтом журналистики (1930 г.), Ленинградским государственным институтом журналистики (первая половина 1931 г.), Ленинградским коммунистическим институтом журналистики им. В. В. Воровского (с лета 1931 г.).

Техникум печати начал свою работу в Ленинграде в 1925 году. Он был средним профессиональным учебным заведением, ставившим целью теоретическую и практическую подготовку специалистов средней квалификации в области газетно-журнального и книжного дела. Соответственно, он имел изначально два основных отделения: газетно-журнальное и книжное. Кроме того, при техникуме работало подготовительное отделение, призванное давать рабкорам и селькорам (таков был целевой контингент для приема) базовый набор знаний, при котором можно было успешно осваивать учебный план основного отделения.

Особенностью техникума была вечерняя форма обучения. Техникум входил в систему Главпрофобра Наркомпроса и, по всей видимости, работал в тесной связи с профессионально-производственным активом, например с Секцией работников печати (СРП) в ВЦСПС. По крайней мере, когда весной 1927 года ректор Московского ГИЖа С. Д. Муравейский по поручению коллегии Отдела печати ЦК ВКП(б) работал над планом организации системы школьной подготовки работников печати, он выделил среди

существовавших на тот момент учебных форм журналистского профиля те, что «проектируются» Центральным советом СРП, указав при этом на «два пути, по которым сейчас развивается школьное обучение журналистике» [1]:

1) «по партийной линии» (это, конечно, ГИЖ во главе с Муравейским, ставленником Главполитпросвета, которому московский институт был подчинен в середине 1920-х годов, когда перед ним — как перед комвузом — была поставлена задача готовить «квалифицированных партийных работников в области печати»);

2) по «профессионально-технической / по линии профсоюзов и Главпрофобра» (а вот это прежде всего ленинградский техникум, а кроме него — немногочисленные школы газетного ученичества).

Мы уже имели возможность писать о том, что Муравейский относился к техникуму печати как к конкуренту [2, 37], ведь срок обучения в нем был такой же, как в ГИЖе (3 года), прием — общесоюзный, тоже как в московском институте, а вот сфера деятельности, для которой готовились учащиеся, — шире (в техникуме, кроме газет и журналов, это было еще и книгоиздательство). Кроме того, в подчиненном Муравейскому институте наблюдалось некоторое недовольство взятым им в 1925 году курсом на создание «высшей партийной школы», что неминуемо приводило к ослаблению специальной (журналистской) составляющей, а в Ленинграде такой проблемы не было. Как следствие, он предложил несколько мер, которые должны были усилить ГИЖ и ослабить техникум. Например, он предлагал ГИЖ перевести на четырехлетнее обучение и готовить в нем руководящий состав редакций, а техникуму дать «твердую установку» на подготовку только работников репортажа и выпуска, причем с двухгодичным сроком обучения.

Как в 1927 году отреагировало партийное и советское руководство на предложения Муравейского в отношении техникума, нам неизвестно. Скорее всего, все осталось без изменений. Другое дело, что в той вертикальной системе, которая выстраивалась в СССР, в том числе в области образования, чем ниже был статус структуры, тем она была уязвимее. В итоге ленинградское партийное и журналистское сообщество решило реорганизовать техникум печати в институт. Так по постановлению Ленинградского областного комитета ВКП(б) от 29 января 1930 г. в городе на Неве был образован Государственный институт журналистики. В документах он именовался вечерний ГИЖ, так как форма обучения в нем в первое время сохранялась вечерняя.

Надо сказать, что данная реорганизация была своевременной. Дело в том, что в системе образования начались серьезные перемены (с 1 сентября 1929 года наркомом просвещения после отставки А. В. Луначарского стал А. С. Бубнов, осуществлялась очередная ре-

форма профессиональной школы, например, некоторые ее учреждения уже были переведены в ведение Высшего совета народного хозяйства и Наркомата путей сообщения). Активность в отношении журналистского образования проявляла и отрасль. Так, в феврале 1930 года вопрос о системе подготовки журналистских кадров рассматривал VI пленум Центрального бюро СРП («журналистский профсоюз»). Судя по докладу М. И. Гуса, основного докладчика по вопросу (на тот момент зав. кафедрой печати в Московском ГИЖе), предлагалось определить для каждого типа газетных учебных заведений строго определенные роль и место. Ясно, что у техникума, тем более вечернего, это место было бы существенно ниже, чем у вуза, а для Ленинграда как для города, пытавшегося сохранить свою особую роль в стране, было бы желательно иметь учреждение более высокого статуса.

Директором вечернего ГИЖа стал Александр Максимович Муравьев. 01.02.1930 он издал распоряжение № 1 по институту о том, что вступил в заведование им [3]. 18 февраля от имени А. Муравьева и заведующего Государственным техникумом печати П. Болдина было издано распоряжение, гласившее, что с 1 февраля хозяйственное и канцелярское обслуживание ГИЖа, приступившего к работе в помещениях техникума, взял на себя техникум [4]. Соответственно, аппарату хозяйственной, делопроизводственной и счетной частей вменялось в обязанность выполнять указания Муравьева и его команды.

Начиная с 20.02.30 в новое учебное заведение стали трудоустраивать преподавателей. В этот день приняли первые восемь человек, среди них — уже известный нам П. И. Болдин; уже приступивший к обязанностям зав. учебной частью А. Фрегер; один из будущих основателей журналистского образования в Ленинградском госуниверситете П. Я. Хавин. С 1 марта к ним добавились еще трое [5], среди них такой авторитетный в будущем преподаватель производства и оформления газеты, как Б. А. Вяземский. С 22 июня при институте начали работать двухмесячные курсы по переподготовке работников печати, на курсах дисциплину «Художественные жанры» читала Е. И. Журбина [6]; распоряжением по институту № 24 от 8 июля она была принята на работу [7]. Видимо, благодаря этим возобновляющимся курсам у ГИЖа, кроме бюджетных ассигнований, были спецсредства, из которых некоторое количество работников получало доплаты. Чуть позже к этим двум финансовым источникам прибавится третий — местный бюджет.

Раздел имущества вечернего ГИЖа и техникума проходил, видимо, не безболезненно. Об этом свидетельствует распоряжение № 43 по институту от 19 сентября 1930 г. В нем упоминаются «случаи явного безобразия, проявленного отдельными слушателями Техникума печати при вывозе ими имущества Техникума из помещения ГИЖа: срыв звонков, порча электр. проводов, вывоз принадле-

жащих ГИЖу вещей, попытки к снятию арматуры и неподчинение требованиям представителей администрации ГИЖа» [8]. Возможно, причина этих «безобразий» — в том, что институту, по всей видимости, отошло и здание техникума, и его наиболее ценное имущество. Например, совершенно точно — оборудование типолаборатории (вместе со всем ее штатом) [9]. Да и студентами техникуму с ним тоже пришлось поделиться. По состоянию на 14 августа до занятий в ГИЖе было допущено четыре академических группы (всего 73 человека) [10].

С октября штатное расписание института [11] включало в себя следующие административные должности: директор (он же зав. курсами), зав. учебной частью, зав. фотолабораторией, зав. типолабораторией, зав. кабинетом печати, зав. канцелярией, зав. хоз. частью. Технический персонал составлял чуть более полутора десятков позиций (секретарь, библиотекарь, бухгалтер, ротаторщик и др.). Преподавательский состав считаем нужным перечислить весь (он дает представление о наборе дисциплин учебного плана):

1. Болдин Павел Иосифович — история рабочих печати.
2. Болотина Мира Иоанновна — немецкий язык.
3. Васильев Владимир Васильевич — политэкономия.
4. Ворченко Вадим Иванович — ленинизм.
5. Вяземский Борис Аркадьевич — техническое оформление газеты.
6. Гаврилова Милица Георгиевна — русский язык и стилистика.
7. Григорьев Алексей Васильевич — эконом. политика.
8. Гурвич Михаил Анисимович — математика.
9. Журбина Евгения Исааковна — художественные жанры в газете.
10. Злотин Вольф Ааронович — история классово-вой борьбы.
11. Иванов Георгий Христафорович — история ВКП(б).
12. Иванов Павел Павлович — история ВКП(б).
13. Кожевников Александр Иванович — массовая газета.
14. Корсаков Константин Сергеевич — типографское дело.
15. Корыхалов Платон Адрианович — литературное оформление.
16. Лузан Семен Иванович — истмат.
17. Муравьев Александр Максимович — массовая работа.
18. Наровлянская Эмма Львовна — экономическая география.
19. Немеровская Ольга Александровна — немецкий язык.
20. Орлов Макарий Андреевич — эконом. политика.

21. Рифтин Александр Павлович — стилистика и язык газеты.

22. Рукевич Виктор Эдуардович — математика.

23. Серков Михаил Васильевич — массовая работа.

24. Соколюк Елена Никитична — физическая и эконом. география.

25. Стерлин Илья Яковлевич — эконом. политика.

26. Фрегер Александр Осипович — техническое оформление.

27. Фрумкин Семен Натанович — политэкономия.

28. Хавин Петр Яковлевич — русский язык и стилистика.

29. Шевченко Иван Григорьевич — история ВКП(б).

30. Шульман (Шуан) Евгений Федорович — литературное оформление.

31. Эстрина Сусанна Павловна — русский язык.

Таким образом, в вузе работало уже более сорока человек (с учетом совмещения должностей и преподавания). Но штат института продолжал пополняться, и самое значительное пополнение произошло в конце декабря: в связи с «ликвидацией техникума печати и реорганизацией вечернего ГИЖа» в него было переведено из ликвидируемой структуры 26 преподавателей и четыре других сотрудника. В качестве основания этой меры в распоряжении № 77 от 26.12.1930 [12] указывалось сообщение книжного техникума ОГИЗа от 24/XII с.г. за № 3309. Следовательно, бывший Государственный техникум печати с двумя отделениями подвергся в течение 1930 года поэтапной реорганизации: на базе газетно-журнального отделения был основан ГИЖ, и к концу года, выполнив определенные задачи, оно перестало существовать, а книжное отделение было передано ленинградскому госиздательству и продолжало функционировать в новом качестве.

Итак, с ликвидацией понятно, а что за «реорганизация вечернего ГИЖа»? Оказывается, с 20 декабря вечерний ГИЖ переименовывался в Ленинградский ГИЖ с подразделением на основной и вечерний сектора и со включением в состав учащихся первого из них студентов трех курсов газетно-журнального и подготовительного отделений бывшего техникума печати в общем количестве 118 чел. [13]. Можно предположить, что эти учащиеся начали заниматься по дневной форме обучения, а вечерним сектором стали называться бывшие курсы по переподготовке работников печати. Со временем к вечернему сектору стали относить — в числе прочего — отделения института, открывшиеся на трех ленинградских заводах: «Красном треугольнике», «Красном путиловце» и заводе Марти.

Следующий, 1931, год был для института не менее бурным. Дело в том, что теперь инициатором изменений стал сам ЦК ВКП(б), издавший 11 ноября 1930 года печально известное постановление «О кадрах газетных работников». После его принятия институты журналистики стали по аналогии с московским, переименованным раньше, называться

коммунистическими, а соотношение между собственнo журналистскими и общеидеологическими компетенциями выпускников дало резкий крен в сторону последних. К тому же если в 1930 году институтов журналистики было в стране всего два (плюс профильные отделения при комуниверситетах им. Артема в Харькове и им. Ленина в Минске), то теперь КИЖИ были открыты еще в нескольких городах. Иначе говоря, Ленинградский ГИЖ, не успев родиться, должен был потерять свою уникальность и превратиться в один из многих однотипных вузов, готовивших в основном «литературные и технические кадры» газет средней руки. В контексте обозначенных выше процессов ЛГИЖ в июне 1931 г. был переименован в Коммунистический институт журналистики (КИЖ) им. В. В. Воровского. Формально это произошло на основании Постановления СНК РСФСР № 588 от 22.05.31 [14]. Прежнее название ему вернут только через девять лет — в апреле 1940 года.

Важная веха в истории КИЖа — это переезд в новое здание, которое было построено специально для института. Произошло это осенью 1934 года (при директоре М. Е. Шамесе), а инициировал строительство тремя годами раньше профессор О. А. Лидак, который сменил А. М. Муравьева на посту руководителя института 6 марта 1931 года. А уже через полгода (16.11.31) Лидак командировал своего зама по АХЧ в Москву — в Наркомпрос, ЦК ВКП(б) и Радиоцентр — пробывать стройку [15]. Судя по маршруту следования колонны института на ноябрьской демонстрации 1934 года [16], новое здание было возведено на Канале Грибоедова. В конце 30-х годов корреспонденция, предназначенная для института, действительно адресовалась на ул. Канал Грибоедова, д. 166 (район Октябрьский). Наряду с основным, кстати, строилось и здание институтского общежития (а в 1931 году общежитий было два: первое находилось по адресу Обводный канал, 173—175 [17], второе — на 8-й Красноармейской ул., 20-а [18]).

Таким образом, к середине 30-х годов институт журналистики в Ленинграде, образованный на базе газетно-журнального отделения Государственного техникума печати (1926—1929), пережив несколько реорганизаций и наладив с 1931 года ежегодный выпуск так необходимых стране журналистов (причем не только работников печати, но и радиотехников: их первый выпуск состоялся в 1933 г.), превратился в значительное учебное заведение, обладающее собственным учебным зданием, общежитием, хорошей учебно-производственной базой и уже сложившейся системой учебной и кадровой работы. Это второй после московского по хронологии создания и первый среди региональных КИЖей институт, внесший значительный вклад в историю становления и развития российского журналистского образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАРФ. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 10. Л. 34.
2. Фатеева И. А. Среднее специальное образование для журналистов: российский опыт / И. А. Фатеева // Медиаобразование. — 2008. — № 1. — С. 35-45.
3. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
4. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
5. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.
6. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.
7. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.
8. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.
9. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 1. Л. 45.
10. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.
11. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 1. Л. 55, 55 (об.), 56, 56 (об.).
12. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 1. Л. 81, 82, 83.
13. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 1. Л. 73.
14. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1 Д. 2. Л. 140.
15. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1 Д. 2. Л. 268.
16. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 11. Л. 194.
17. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1 Д. 2. Л. 23.
18. ЦГАЛИ. Ф. Р-241. Оп. 1 Д. 2. Л. 262.

Московский педагогический государственный университет

Фатеева И. А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры медиаобразования

E-mail: fateevafia@gmail.com

Moscow State University of Education

Fateeva I. A., Doctor of Philology, Professor of Media Education Department

E-mail: fateevafia@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ СЕТЕВОГО ВИДЕОКОНТЕНТА: КОНТЕКСТНЫЙ ПОДХОД

А. М. Шестерина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 августа 2017 г.

Аннотация: в статье рассматривается аудиовизуальный сектор сетевых медиа, осуществляется попытка выделения их ключевых признаков, вводится в научный оборот контекстный подход, существенно повышающий эффективность интерпретации сетевых медиатекстов.

Ключевые слова: Интернет, сетевые СМИ, аудиовизуальные медиа, интернет-телевидение, мультимедийное видео, контекстный подход.

Abstract: the article explores the audio-visual sector of social media, highlights its core qualities and implements a scientific contextual approach that significantly improves one's ability to analyze and interpret social media-texts.

Keywords: Internet, web news network, online news network, audio-visual media, online television, multimedia video, contextual approach.

Сетевой аудиовизуальный контент чрезвычайно разнообразен, мобилен и подвержен влиянию не только технико-технологических инноваций, но и смены парадигм мышления, информационного поведения человека, отмечаемых многими современными исследователями. Net-мышление, формируемое сетевой средой, определяет взаимодействие аудитории с медиатекстом. К основным особенностям этого взаимодействия отнесем следующие:

- возможность неограниченного воспроизведения одного и того же видео в разных контекстах, влияющих на восприятие его формы и содержания;
- активную работу пользователя с видеофрагментами (прокрутка, отложенное просмотр, фоновое слушание видеопроизведений, монтажная работа по изменению исходного материала, соединение нескольких самостоятельных видеопроизведений, комментирование видео или комментирование при помощи видео, интеграция видео и текста, видео и иллюстрации, персонификация видео и т.д.);
- сканирующее и параллельное восприятие нескольких окон одновременно;
- возможность просмотра одного и того же видео как на большом экране, так и на экране мобильного устройства;
- использование видеофрагмента не в качестве средства информирования, а в качестве средства коммуникации (как правило, в социальных сетях);
- пародирование известного видео или подражание ему по форме или по содержанию;
- активное обращение к любительским, непрофессиональным записям;
- расширение границ видео за счет ссылок на аналогичные видеопроизведения;

- сокращение времени просмотра (за исключением особых форм видео: например, медленного видео или так называемого десятичасового видео).

Этими особенностями специфика функционирования видео в сети не ограничивается. Так, в отличие от традиционных форм видео, здесь мы вынуждены определять тип отдельного аудиовизуального произведения без опоры на канал трансляции. В сети аудиовизуальное произведение может переходить с одного ресурса на другой, полностью изменяя основные типологические признаки — целевое назначение, аудиторную направленность, функции, способ трансляции, композиционные особенности, и даже авторство и формат. Также уместно заметить, что в сети видео, как правило, воспринимается пользователем потоково. Пользователь зачастую не запоминает, где посмотрел то или иное видеопроизведение.

Вышесказанное диктует необходимость использования в анализе сетевого видео контекстного подхода. Этот подход подразумевает, что мы должны анализировать признаки интернет-видео в зависимости от того контента, в который оно интегрировано, поскольку этот контент может полностью изменить восприятие видео по ключевым для него параметрам.

Обратимся к тем признакам, которые мы считаем ключевыми для определения типа сетевого видеоконтента и в анализе которых необходимость контекстного подхода наиболее значима.

Признак авторства — едва ли не самый постоянный, устойчивый из перечисленных выше признаков. По авторству аудиовизуальный контент в Интернете можно разделить на любительское и профессиональное видео. Любительское видео — на обработанное (автор использовал монтажные приемы, фильтры, титры и т.д.) и необработанное (без обработки «сы-

рого» материала). Последнее — на срежиссированное (автор-любитель выполнял отчасти функции режиссера-постановщика по отношению к участникам действия) и несрежиссированное (хроникальная запись чрезвычайного происшествия). Профессиональное видео можно разделить на ретранслируемое и собственное сетевое. Ретранслируемое видео поступает в сеть от традиционных производителей аудиовизуального контента (например, эфирных, кабельных, спутниковых телеканалов), сетевое создается специально для сети (сетевое телевидение, конвергентные СМИ).

Несложно заметить, что авторство сетевого видео иногда практически неопределимо. К примеру, пользователь может взять видеоряд профессионального видео и сопроводить его своей музыкой и закадровым текстом (как это часто делают видеоблогеры, ведущие кинообозрения) или перемонтировать фрагменты профессионального видео без включения своего контента, но с изменением существующих смыслов (такую форму работы с видео мы нередко обнаруживаем в случае использования gif-формата). В результате мы получаем принципиально иное произведение, авторство которого может быть определено как коллективное.

Бывает и еще более сложный случай — когда пользователь берет видеопроизведение без изменений, но сопровождает его таким комментарием (например, на стене в социальной сети), что восприятие произведения полностью меняется. В данном случае авторство медиатекста вроде бы не изменилось, но ведь аудитория воспринимает его иначе, нежели предполагал автор, иногда прямо противоположно. И пользователь становится соавтором текста, агрессивно вторгаясь в его семантическое поле. Еще более агрессивную трансформацию текста мы наблюдаем в случае использования инородных монтажных вставок. Можно сказать, что линия формирования собственного видеоконтента из имеющегося материала при полном игнорировании авторских прав становится традиционной для сетевых реалий.

По аудиторной направленности сетевое видео может быть построено с учетом информационных привычек конкретной целевой аудитории или рассчитано на абсолютно любого зрителя. Последний тип представлен, как правило, на видеохостингах разного уровня (например, YouTube), где система поиска роботизирована, и на запрос по слову машина может выдать совершенно разнотипные, разножанровые видеопроизведения. Также мы можем обнаружить его и на сайтах универсальных телеканалов. Первый же тип мы находим на специализированных сайтах, в базах данных, в тематических группах социальных сетей.

Границы между этими типами размыты, поскольку одно и то же видео может оказаться (и оказывается) в структуре универсального и монотематического

ресурса. Оно может мигрировать из одной категории в другую. Причем исходную аудиторную направленность в конце концов бывает сложно определить.

По цели видео может быть самостоятельным и иллюстративным (видеоцитата). Самостоятельное видео, как правило, присутствует на сайтах профессиональных аудиовизуальных СМИ (сетевых или представительствах традиционных), на конвергентных ресурсах и видеохостингах. Иллюстративное видео мы обнаруживаем в структуре социальных сетей. Наряду с сохранением информационной, эмотивной, регуляторной функций в этом случае актуализируются функции самопрезентации и самовыражения [1]. Например, на стене пользователя социальной сети можно нередко увидеть текстовое выражение статуса (характеризующее чаще всего эмоциональное состояние владельца странички), сопровождающееся фрагментом видео. Этот фрагмент может быть специально снятым в подтверждение статусу (любительское видео) или иметь прецедентное содержание.

Категория прецедентного текста в сети заметно расширяется. Самостоятельное видео может стать иллюстративным и потенциально прецедентным. Нередко этот процесс наблюдается относительно жанра «пранк», когда самодостаточная видеопутешествия обыгрывается другими пользователями в целях донести свое, отличающееся от первоначального видео содержание. В этом аспекте сеть обогащает наши представления об интертексте. Авторы, формируя интертекстуальные связи, используют чаще всего два приема: эффект обманутого ожидания (видео противоречит статусу) и эффект усиленного ожидания (в статусе содержится лишь намек на то, что потом поясняет видео). Такую же практику мы встречаем и в традиционных СМИ [2, 266], однако именно сеть позволяет использовать ее в контексте аудиовизуального продукта — причем не только в рамках авторской публикации, но и шире — в границах комментариев к ней.

В социальных сетях комментаторы исходного видео вообще нередко выкладывают «свое» видео, которое отражает их эмоциональную реакцию на первичную публикацию (согласие-несогласие и его степень). То есть видео оценивается аудиторией как продукт психической деятельности пользователя, несмотря на то, что аудитория прекрасно понимает, кому принадлежит его авторство. Это явление, появившееся в сетевой среде, во многом изменило представления о функционировании интертекста в целом.

Кроме того, иллюстративная функция видео расширила наши представления о возможностях взаимодействия видеофрагментов. Если раньше мы могли только предположить, что просмотр предшествующего видео влияет на оценку последующего, то в сети это влияние сегодня используется как прием. Например, пользователь выкладывает на стене сво-

его аккаунта два видеофрагмента и предлагает другим пользователям провести сравнение. Как правило, в результате формируется значение, изначально не присущее ни одному из этих видео, обогащенное подтекстом. В ряде случаев оно может проявляться текстовым комментарием.

Такое сравнение нескольких видеофрагментов выстраивается по принципу сходства или контраста. Принцип сходства проявляется, когда проводятся параллели между непохожими в целом явлениями, и в этом случае он опирается на традиционный механизм построения образа — герметическое определение (по такому же принципу строятся загадки). Нередко принцип сходства имеет обличительное содержание (например, клип одного музыканта «украден» у другого).

Принцип контраста используется для формирования оценки путем сравнения. Пользователю предлагается сделать выбор «лучше — хуже», «старое — новое», «цветное — ахроматическое», «со звуком — без звука» и т.д.

По функциям видео может быть информационным, аналитическим, документально-художественным, развлекательным, учебным, справочно-утилитарным, рекламным, презентационным. Причем — одно и то же видео. Так, репортаж с места события или прямая трансляция, изначально выполнявшие информационную функцию, могут быть использованы в целях саморекламы: «Посмотрите, как мы снимаем!», а рекламное видео с небольшим комментарием пользователя может вдруг активизировать рекреативную функцию. Более того, обычные видеозаписи, снятые первоначально в рекламных целях, могут стать полноценными произведениями, реализующими информационную и культурно-просветительскую функцию.

Распространенные на видеохостингах и в социальных сетях жанры мутируют гораздо более заметно, чем в традиционных СМИ. Такие жанры, как tutorial (обучающее видео, в котором предлагается инструкция о том, как что-то сделать), хол (видео о качестве приобретенных товаров), могут вдруг стать развлекательными, рекреативными. Challenge (испытание, вызов, принимаемый видеоблогером) может из развлекательного видео трансформироваться в справочно-утилитарное или презентационное. Пранк, реализующий прежде всего рекреативную функцию, нередко приобретает форму пранк-рекламы. А особенности talkvlog позволяют реализовать едва ли не все функции медиа.

По способу трансляции сетевое видео бывает файловым и потоковым. Обе формы имеют достоинства и недостатки. Файловое видео, как правило, упрощает выбор произведений для просмотра, поскольку имеет определенную каталогизацию. Однако, в отличие от потокового, оно не формирует ощущения «сиюминутности». Потоковое же вещание не

предоставляет возможности выбора конкретного контента. В силу этих обстоятельств мы нередко обнаруживаем в сети совмещение двух типов вещания, когда текущие передачи идут в потоковом режиме, а архивы — в файловом. В этом случае и конкретное видеопроизведение сначала представляет собой потоковый тип, а позже — файловый. Так нередко происходит с прямыми трансляциями концертов, спортивных состязаний, праздников и других значимых событий.

По наличию интерактивных возможностей видео в сети может быть открытым и закрытым, т.е. предполагающим интерактивное взаимодействие и не рассчитанным на таковое. Последний вариант характерен для корпоративных ресурсов, баз данных, каталогов и т.д. В основном же пользователю предоставляются возможности комментирования. К примеру, большое распространение в сети получили видеоотзывы клиентов. Более агрессивной формой проявления интерактивности можно считать получившие популярность в сети жанры мэшп и shreds, когда перемонтируется видеоряд клипа при сохранении музыки или живое выступление музыканта переозвучивается фанатами. Переозвучка роликов и фильмов в целом — один из популярных способов реагирования аудитории на видео в YouTube. Однако и в том случае, когда видео изначально создается как закрытое, не предполагающее комментирования, оно все же может быть скопировано пользователем и распространено далее уже в открытой форме, с возможностью размещения комментариев.

С точки зрения мультимедийности видео может обладать подобными признаками (мультимедийная документалистика) и может быть выполнено в традиционной форме. Мультимедийный или интерактивный видеофильм — это особый способ построения произведения, когда теги интегрируются в основное произведение и позволяют расширить исходное видео практически безгранично. И здесь уже от пользователя будет зависеть, отнесется ли он к конкретному произведению как к мультимедийному или проигнорирует возможности перехода по гиперссылкам.

В числе основных композиционных особенностей важно упомянуть, что видео в Интернете может быть завершенным самостоятельным фрагментом (монопроектом) и продолжающимся циклом незамкнутых сообщений (полипроектом). Полипроект может состоять из однотипных по формату видеоматериалов и материалов, представленных разными форматами.

Эти параметры сетевого аудиовизуального контента отнюдь не исчерпывают все богатство вариантов, которые предлагает Интернет современному зрителю. С еще большим их разнообразием мы сталкиваемся, подступая к анализу условно «регионального» интернет-телевидения [3]. В Интернете, пожалуй, впервые пользователь определяет, каким

быть тому или иному материалу. Его роль становится невероятно активной, и по своему произволу он может сделать проходное, рядовое видео рейтинговым и даже прецедентным. В связи с этим важно заметить, что, поскольку одно и то же аудиовизуальное произведение может изменять свой тип в зависимости от ресурса, на котором располагается, принципиально значимым является контекстный подход. Он предполагает выявление как признаков исходного медиатекста при его первоначальном размещении в сети, так и признаков, появляющихся в ходе трансформации этого текста при репостах и погружении в новый контекст.

*Воронежский государственный университет
Шестерина А. М., профессор кафедры телевизионной
и радиожурналистики
E-mail: shesterina@mail.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецова Ю. М. Психология жителей Интернета / Ю. М. Кузнецова, Н. В. Чудова. — Москва, 2011.
2. Шестерина А. М. Прецедентные тексты в полемических публикациях современной российской прессы / А. М. Шестерина // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004.
3. Шестерина А. М. Проблемы формирования регионального интернет-телевидения / А. М. Шестерина // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — 2014. — № 1. — С. 234-237.

*Voronezh State University
Shesterina A. M., Professor of TV and Broadcasting Department
E-mail: shesterina@mail.ru*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Вниманию иногородних авторов! Статьи, высланные по почте ценной бандеролью, к печати приниматься не будут. Статьи должны направляться простым письмом.

Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Полные статьи принимаются объемом до 40 000 символов с пробелами, краткие статьи – до 25 000 символов с пробелами.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

1) текст статьи, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (на русском языке); аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах: инициалы и фамилии, их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (на русском и английском языках) в распечатанном виде (в 2 экз.);

2) файлы всех представляемых материалов на электронном носителе или по электронной почте редакции.

Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИЙ

Публикация статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следуют: заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее

приводятся: дата поступления материала в редакцию краткие аннотации и ключевые слова – на русском и английском языках.

Список использованной литературы озаглавляется словом «Литература», нумеруется в порядке цитирования (а не по алфавиту).

В конце статьи помещается информация об авторах (место работы, фамилии, инициалы, ученая степень, должность, контактные данные – на русском и английском языках).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСИ

Текст статьи должен быть напечатан через 1,5 интервала на белой бумаге формата А4, поля стандартные, размер шрифта – 14 (Times New Roman).

Все страницы рукописи следует пронумеровать. Формулы, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Рисунки прилагаются отдельно. Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Подписуемая подпись должна быть самодостаточной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, «верх» и «низ». Полутонные фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге, ксерокопии не принимаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ

Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word. Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.

Электронная версия каждого рисунка должна быть оформлена как отдельный файл формата TIFF, JPEG, BMP, WMF, EPS с разрешением не менее 300 dpi. Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они относятся и каким по порядку рисунком статьи являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.

ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY
SERIES: PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., В. Н. Попов, д-р биол. наук, проф.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ.-мат. наук, доц. Члены совета: Э. К. Алгазинов, д-р физ.-мат. наук, проф., В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., А. Д. Баев, д-р физ.-мат. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., Ю. Н. Старилов, д-р юрид. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., В. И. Федотов, д-р геогр. наук, проф., А. И. Шашкин, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, доц.; ответственный секретарь – Л. С. Шукина, канд. филол. наук, доц. Члены редколлегии: Геруля (Gierala) Мариан, д-р филол. наук, проф. (Институт политических наук и журналистики Силезского университета в г. Катовице, Польша); Л. Е. Кройчик, д-р филол. наук, проф.; А. М. Ломов, д-р филол. наук, проф.; А. В. Млечко, д-р филол. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); Т. А. Никонова, д-р филол. наук, проф.; В. Ф. Олешко, д-р филол. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); И. А. Стернин, д-р филол. наук, проф.; А. А. Тertychnyy, д-р филол. наук, проф. (МГУ, г. Москва); А. М. Шестерина, д-р филол. наук, проф.; А. М. Шишлянникова, канд. филол. наук, доц.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Адрес редакции: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика»
E-mail: vltul@mail.ru
Тел.: +7(473) 266-17-56